

Б. Ф. СУЛТАНБЕКОВ

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

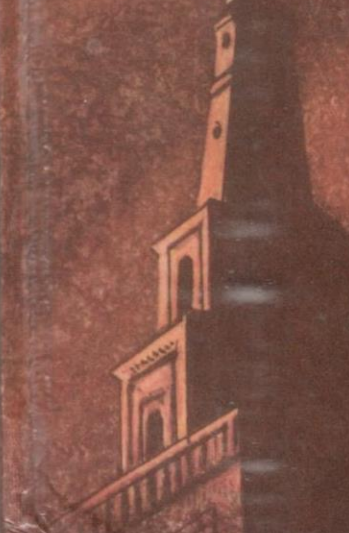
Екатерина II, Вольтер и
татары

Поэт в Думе

Ученик Эйнштейна в Казани

Джохар Дудаев: уход в
бессмертие или небытие?

Семь лет суверенитету:
размышления

преступлений, предусмотренных ст. 51 и п. 3, ч. 1 ст. 129 Ук. Уд. 180 бывших членов Государст. Думы, переименованных в список при семъ прилагаемоу».

Приглашены к губерной ответственности были 130 бывших
делопроизводителей Государственной Думы, присутствовавших на Выборгах и там же
получивших воззвание, как участники в составлении его:
А. Аппазов, С. Алексин, А. Андреев, И. Антонов, священник К. В.
Баласинский, А. Ахтыцкий, А. Бабич, Х. Богатуров, С. Балахнаев,
Соня, А. Брежнев, Г. Брух, И. Бугров, Ф. Буслов, Н. Бородин, Л. Брам,
В. Быкович, Букейханов, М. Винавер, П. Витковский, В. Вихорев,
А. Визюлов, А. Волкотич, Т. Волков, В. Вратов, Э. Вирнов,
Сем, Н. Гредескулов, М. Гудилин, М. Гершенштейн, И. Гомар,
Ахмедаридзе, Я. Дитиль, П. Долгоруков, М. Дьяченко, П. Домиев,
Н. Езерский, С. Ермолатов, П. Еришев, И. Жилинов, Н. Жордания,
С. Заболотный, И. Замислов, М. Зеликов, К. Запханов, Г. Зубченко,
С. Каландаров, В. Карацисов, Н. Кацелесон, А. Исупов, Р. Юзасов,
Юзасович, С. Котлярисов, Н. Кацелесон, Н. Кавкасов, Ф.
Кавкасов, Константинов, С. Корнилов, П. Крайнов, Ф. Крис,
Кедриш, Д. Куликов, И. Кузнецов, И. О. Кузнецов, М. Кутуманов,
А. Лелицкий, М. Литвинов, Т. Локот, А. Лопатков, Л. Лос-
лов, П. Матавев, А. Мештаев, М. Масленников, А.
Масий, Б. Митшин, Я. Морев, Н. Метальников, Н. Миско,
Муханов, В. Набоков, Д. Назаренко, Н. Михайличенко, С. Муромцев,
Т. Нестеренков, В. Начев, Н. Николаевский, К. Нур,
Обинский, В. Оболенский, И. Овчинников, священник
Огородников, В. Окунич, Н. Оваский, С. Ону-
фрий, П. Петражицкий, К. Тер-Петросович, М.
Руденский, А. Попов, С. Притус, Д.
Самойлович, В. Рогов, С. Роденба-
нов-Руденцев, С. Рыжков,
Н. Семенов, Ф. Сеф,
И. Саламко, В.
Сильный, Я. Тен-
и др.

Продано
1949 г.

三

برقیں، ایک ہی دلو چوڑی

دوماده مسلمان دیپو طاطلا
۴۶۵۲
الارنک قیلغان اشاری

حسن الوديع نشرى

Дана - Типография И. Н. Харитонов. Казань.
собственный хол.

И. Ф. Усан
Берегине, икре и
оёне
Дунада, Мосман
дундалар

1909
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298
 2299
 2300
 2301
 2302
 2303
 2304
 2305
 2306
 2307
 2308
 2309
 2310
 2311
 2312
 2313
 2314
 2315
 2316
 2317
 2318
 2319
 2320
 2321
 2322
 2323
 2324
 2325
 2326
 2327
 2328

1909

Султанбеков Булат Файзраĥмановиĥ родился в Казани в 1928 году. В 1942—1943 гг. работал слесарем на оборонном заводе. После окончания педагогического института преподавал в сельском районе. В 1950—1953 гг. служил в армии. С 1954 по 1961 год находился на партийной работе в Татарском обкоме КПСС. С 1961 года преподает в вузах Казани.

В настоящее время заведует кафедрой в Институте повышения квалификации работников образования.

В 1993 году избран председателем правления общества историков-архивистов РТ. Профессор, заслуженный деятель науки РТ, заслуженный работник культуры РТ.

Им опубликовано более 100 работ по вопросам народного образования, истории тоталитаризма, проблемам национально-государственного строительства. В их числе книги: "Первая жертва генсека", "Тайны национальной политики", "С грифом "совершенно секретно", "Тарих серлэре ачыла", "Страницы секретных архивов", "Сталин и татарский "след", "Трагические судьбы", "Из тайников истории".

В настоящее время завершает книгу "Опыт российского парламентаризма—мусульманские фракции Госдум 1906—1917 гг." из цикла "Мусульманский фактор в истории России".

Булат Султанбеков участвовал в подготовке материалов для реабилитации многих видных политических деятелей, ученых, писателей, ставших жертвами тоталитарной системы. Выступал с докладами на ряде конференций, в том числе и международных. Принимал участие в деятельности общества "Мемориал" в период его создания.

Б.Ф.СУЛТАНБЕКОВ

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

(историко-документальные очерки)

Исторические портреты

Люди и события

КАЗАНЬ
ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1997

ББК 63.3(Р-Тат)
С89

*Посвящается 7-й годовщине
суверенитета Республики Татарстан
и II Всемирному конгрессу татар*

Султанбеков Б. Ф.

С89 История в лицах.— Казань: Татарское кн. изд-во,
1997.—128 с., с илл.
ISBN 5-298-00859-3

Новый сборник Б. Ф. Султанбекова включает ряд остросюжетных очерков, в том числе о загадочных событиях, связанных с историей Татарстана.

Рассказывается о выдающихся сынах татарского народа Г. Исхаки, Б. Баттале и Ф. Туктарове, развиваются новые сюжеты, связанные с депутатами-мусульманами Госдумы России — поэтом Дәрдемном, потомком казахских ханов Джантуриным и др.

Особое место занимает очерк о Джохаре Дудаеве.

Книга завершается размышлениями автора о современном Татарстане в мировом сообществе.

Надеемся, эти очерки и весь материал сборника вызовут живейший интерес многочисленных читателей.

С $\frac{5030209000-042}{M132(03)-97}$ 101—97

ББК 63.3(Р-Тат)

ISBN 5-298-00859-3

© Б. Ф. Султанбеков, 1997
© Татарское книжное издательство,
1997

Настоящая книга очерков "История в лицах" принадлежит перу известного широкой читательской аудитории историка, ученого и публициста, профессора Булата Файзрахмановича Султанбекова.

Она является своеобразным продолжением темы, раскрытой в книгах "Сталин и татарский след" и "Трагические судьбы", пользовавшихся большим читательским спросом и не залежавшихся на полках магазинов.

Новый сборник включает ряд остросюжетных очерков о нередко загадочных событиях, связанных с историей Татарстана, и не только. В очерке о Вахитове впервые на документальном материале опровергаются клеветнические утверждения некоторых историков о выдающихся сынах татарского народа Г. Исхаки, Б. Баттале и Ф. Туктарове. Автор предлагает свою версию гибели стратегического бомбардировщика, построенного в Казани, версию загадочного совпадения судьбы немецкого генерала Зейдлица и нашего земляка генерал-полковника Гордова. Новыми и ранее не опубликованными являются сюжеты, связанные с депутатами-мусульманами Госдум России поэтом Дэрдмендом, потомком казахских ханов Джантуриным и др.

Особое место занимает очерк о Джохаре Дудаеве, в котором автор на основе личных встреч с ним анализирует причины чеченской трагедии.

К книге приложен большой иллюстративный и документальный материал, извлеченный из секретных архивов и малоизвестных фондов и изданий.

Завершают книгу размышления автора о месте Татарстана в современном мире.

Учитывая, что в этом году исполняется 80 лет со дня Октябрьской революции и 1997-й год объявлен Президентом РФ годом примирения и согласия, полагаем, что книга будет способствовать объективной и сбалансированной оценке этого события, без крайностей в ту или иную сторону, часто допускаемых в последние годы.

Ряд материалов, связанных со становлением и развитием исторического самосознания татарского народа небезынтересен и для участников II Всемирного конгресса татар.

ЕКАТЕРИНА II, ВОЛЬТЕР И ТАТАРЫ

Наше время характерно усиленными поисками исторических корней народов и стремлением максимально углубить их место в ней. Во всем этом нет ничего плохого, если только не заниматься подтасовками. Тенденция не новая... Ведь и Ахилла недавно полагали славянином, и историю Руси предлагали начинать с этрусков и причерноморских амазонок... Сейчас нечто подобное прослеживается в "новациях" некоторых ретивых местных научных работников. Особенно усердно "углубляют" историю татар, мудрствуя в псевдоисторических проблемах лица, не имеющие достаточной профессиональной подготовки¹. Если так пойдет дальше, возможно, узнаем, что неандерталец, помахивая дубиной, приветствовал другого фразой: "Кая барасың, дускай?". Впрочем, всем им далеко до одного из чеховских героев, решившего вопрос о древности своего рода гениально просто — заказав портреты мужчины и женщины с именами Адам и Ева со своей фамилией.

Но если отойти от псевдоисторической мифологии, питаемой дилетантством, к более близкому прошлому, причем подтверждаемому документально, можно назвать ряд сюжетов, позволяющих по-новому и весьма неожиданно увидеть некоторые фрагменты истории культуры татарского народа и ее выход на международную арену. Полагаю, что изложенный ниже исторический эпизод будет полезен для учителей истории и других гуманитарных дисциплин; для всех, интересующихся прошлым.

...Такой роскошной и внушительной флотилии волжские

¹ О научной несостоятельности некоторых подобных явлений см. журнал "Идель". 1996, № 3; Молодежь Татарстана. 1996, № 16; Татарстан. 1996, № 12. В них идет речь о "псевдооткрытиях" в истории М. Закиева.

берега за свою историю еще не видели. Начавшие свое путешествие в Твери 3 мая 1767 года 4 галеры под командованием президента адмиралтейств-коллегии Ивана Чернышева к вечеру 26 мая вошли в Казанку и остановились почти у стен Казанского кремля. Благо, вода была еще высокой. Первой с галеры "Тверь" сошла императрица Екатерина и, приветствуемая многотысячными толпами собравшихся жителей города, прошла по пути, устланному красным сукном, через Тайницкую башню к башне Сююмбеки и Благовещенскому собору. Отслушав молебен, она отправилась со своей многочисленной свитой в резиденцию, устроенную в доме купца Дряблова...

Это был завершающий этап давно уже задуманного императрицей посещения восточных окраин империи. В одном из писем Вольтеру (переписка с ним велась с 1763 года) она обещала, что, к своему удивлению, тот получит от нее весточку "из какого-нибудь азиатского городка".

Пребывание в Казани оставило заметный след в истории города. Еще многие годы потом очевидцы и историки спорили о его деталях, оспаривая честь посещения императрицей того или иного достопримечательного места. Бесспорно одно: программа была весьма насыщенной. Посещение женского Богородицкого монастыря с его общероссийской святыней — иконой Казанской Божьей Матери, беседа с ветераном петровских восточных походов Н. Кудрявцевым, встречи с дворянством и лицами других сословий, грандиозное народное гуляние вблизи Арского поля и многое другое оставили у государыни самые лучшие впечатления, сформулированные в одном из писем четко и безапелляционно: "Казань, бесспорно, первый город в России после Москвы".

Обычно Екатерина проявляла особый интерес к проблемам, как бы это сейчас назвали, культурной сферы. Не была исключением Казань. Доподлинно неизвестно, сумела ли она побывать в гимназии, а вот ее приближенные Чернышев и братья Орловы посетили этот восточный форпост русского образования. Очевидно, по их докладу уже по приезде в столицу был издан именной указ от 3 сентября, которым значительно увеличивались средства на ее содержание. Зная театральные наклонности императрицы и в прямом, и в переносном смысле, не должно удивлять и ее выраженное губернатору Квашнину-Самарину неудовольствие по поводу прекращения театральных представлений, коими еще недавно славилась гимназия.

Утром 1 июня флотилия направилась вниз по Волге до своего конечного пункта — Симбирска, где десятки

экипажей ждали царицу и ее свиту для возвращения в столицу.

И вот на этом отрезке пути произошло событие, которое, очевидно, в известной степени повлияло на государственную политику по отношению к мусульманству и в первую очередь — к татарам.

Известно, что предшественница Екатерины — "дщерь Петрова" Елизавета, — в целом-то мало интересовалась государственными делами. Что же касается восточных регионов, то политика местных наместников при ней была вызывающе антимусульманской, особенно в Казани. Местный глава епархии Лука Конашевич остался в памяти татар как самый жестокий гонитель мусульманской религии, сравнимый разве что с Иваном Грозным. Деяния Луки привели к обострению политической обстановки и спровоцировали мятеж, и он был выдворен в другую епархию.

Очевидно, умный политик и прагматически мыслящий государственный деятель, каким была Екатерина, должен был предпринять шаги по смягчению антимусульманской политики. Тем более во время войн с Турцией ей совершенно не нужен был лишний очаг напряженности в тылу. Попробуем с этой точки зрения оценить ее неординарный шаг. Вот как она сама написала об этом Вольтеру: "В продолжении моего по Волге путешествия сошла я с своей галеры на берег, в 20 верстах ниже города Казани, с тем, чтобы посмотреть остатки древнего Булгара, города, построенного Тамерланом для своего внука (простим императрице неточность — Б. С.). В самом деле нашла я там семь или восемь каменных домов, и столько же минарет, весьма прочно построенных. Я приблизилась к одной развалине, подле которой стояло человек сорок татар. Тамошний губернатор объявил мне, что на это место сии люди приходят молиться, и что находившиеся у меня в виду пришли туда из дальних мест. Мне захотелось узнать, в чем состоит их богомолие, и для чего спросила о том у одного из татар, коего вид показался мне умнее прочих... он побежал позвать одного человека. Как он подошел, то спросила я его: кто он таков, и узнала, что он Иман (очевидно, "имам" — Б. С.), который порусски говорит довольно хорошо". Далее следует изложение разговора императрицы с имамом и вывод: "То, что я от него услышала, заставило меня заключить, что их почтение к Святым очень близко подходит к нашему". Это письмо Вольтеру, которое, конечно, тут же стало известным всей Европе, и поэтому императрица воздерживается от характеристики предшествующих антимусульманских акций. А вот в письме графу Н. Панину в те же дни с описанием Булгара и его огромной роли в духовной жизни татар оценка Луки более резкая: "Сему

один гонитель казанский архиерей Лука, при покойной императрице Елизавете Петровне позавидовал и много разломал, а из развалин построил церковь, погреба и занял под монастырь, хотя Петра I есть указ, чтобы не ломать и не вредить сию древность". В чем, по нашему мнению, политическая суть этого эпизода путешествия. Императрица встречалась с татарами в Казани и, очевидно, именно там пришло решение посетить Булгар и тем самым выразить уважение и доброжелательность к своим подданным — мусульманам. Обратите внимание на жесткую оценку воинствующего христианского радикализма казанского архиерея — он назван "гонителем".

Наверное, Екатерина II проявила здесь государственную мудрость и заботу о стабильности империи путем известных компромиссов с мусульманами. Не будем ее идеализировать, но в государственном уме ей не откажешь. Впоследствии императрицей был издан ряд указов, облегчающих вхождение мусульман в государственные и общественные структуры. Себя императрица не раз именовала "казанская помещица". Известно также апокрифическое сообщение о том, что она не разрешила ограничивать высоту мечети, заявив, что ее власть не распространяется на небо. Возможно, отсюда и "феномен" Екатерины в сознании татар. Она осталась в памяти народа как "эби-патша" — "Бабушка-царица". Не случайно одним из самых популярных "шлягеров" татарской эстрады стала "Дорога Екатерины" в исполнении Салавата Фатхетдинова. До сих пор, особенно в Закамье, хорошие старые дороги связывают с ее именем. Есть много других примеров.

Мы как-то привыкли к сочетанию имени Екатерины с многочисленными любовными историями. И такое было. Но хорошо сказал один из русских историков: "Все больше интересуются тем, чем занималась Екатерина ночами, и намного меньше тем, что она делала днем...". А плоды дневной деятельности были весьма впечатляющие.

Несколько слов о том, что было после посещения Булгара. Перед Симбирском состоялась небольшая остановка в имении графа А. Г. Орлова неподалеку от Ст. Майны. Затем Симбирск и обратный путь "по суше" в Петербург. Все четыре галеры — "Тверь", "Ярославль", "Волга" и "Казань" вернулись в Казань. Одна из них, "Тверь", — самая большая и великолепно отделанная, и катер, на котором из Свияжска в Казань прибыл Павел I, были поставлены на вечную стоянку в Адмиралтейской слободе в 60 гг. 19-го века и долгие годы являлись одной из достопримечательностей города. Кстати, скажем, что катер был единственным сохранившимся судном, построенным на верфях Казанского адмиралтейст-

ва. Благополучно пережив войны и революции, где-то в начале 60-х годов нашего века "Тверь" и катер были подожжены и сгорели дотла...

КАЗАНСКИЕ ТЕМЫ В ПЕРЕПИСКЕ ЕКАТЕРИНЫ С ВОЛЬТЕРОМ

Письмо Вольтера Екатерине II от 25 мая 1771 года

"В пустыне моей теперь находится Ваш подданный, Г. Полянский, уроженец Казанского Вашего Царства. Я еще не видывал подобной его вежливости, благоразумия и признательности к милостям Вашего Императорского Величества. Сказывают, что и Аттила был родом из Казани. О! если это правда, то весьма легко могло стать, что и сей Божий был прелюбезный человек; я в том не сомневаюсь, потому что Гонория, сестра глупого Императора **Валентиниана III**, в него влюбилась и чрезмерно желала вытти за него замуж.

Двор короля Гишпанского с удивлением взирает на великодушие графа Алексея Орлова и на благодарность Паши, а Версальской занимается одними спорами судебных мест.

Между тем как сии Велские безделушки со всею важною забавляют всю Францию, в Самую ту минуту может быть Ваш флот истребляет часть Турецкого, может быть Ваши войска перешли через Дунай.

Говорят однакож, будто Ваше Императорское Величество намеревается от Турции, освободившего Г. Обрезкова, выслушать мирные предложения; но я с моей стороны думаю, что Вы намерены только продолжать Свои над ним победы.

Повергаюсь к стопам Вашим с глубочайшим почтением и с чувствительною признательностью.

Старой пустынный Фернейской".

Письмо Екатерины II Вольтеру от 11/22 ноября 1772 года

"Государь Мой! Письмо Ваше от 2 ноября Я получила в самое то время, когда писала ответ на прекрасное и странное письмо от **Г-на Даламбера**, после пяти- или шестилетнего его молчания мною полученное, в котором он именем Философов и Философии просил об отпуске военнопленных Французов, взятых в разных местах Поль-

ши. На приложенной при сем записке содержится Мой ответ.

Сожалею Я, что клевета ввела Философов в заблуждение. А Г. Мустафа выходит уже из своего ослепления; он с искренним усердием заставляет своего Рейс-Эфендия трудиться в Бухаресте над восстановлением мира, после чего он может опять возобновлять свои путешествия в Мекку, в коих **Алибей** сделал небольшой беспорядок со времени начавшихся ополчений. Не знаю, сколь далеко простирается почтение Турок к Святым, но что они у них есть, этому я была очевидною свидетельницею. Вот каким случаем Я это узнала:

В продолжении моего по Волге путешествия сошла Я с своей галеры на берег, в 20 верстах ниже города Казани, с тем, чтобы посмотреть остатки древнего **Булгара**, города, построенного Тамерланом для своего внука. В самом деле, нашла Я там семь или восемь каменных домов, и столько же минарет, весьма прочно построенных. Я приблизилась к одной развалине, подле которой стояло человек сорок Татар. Тамошний Губернатор объявил Мне, что на это место сии люди приходят молиться, и что находившиеся у меня в виду пришли туда из дальних мест. Мне захотелось узнать, в чем состоит их богомолитва, и для того спросила о том у одного из Татар, коего вид Мне показался умнее прочих; но он, дав Мне знаками разуместь, что Российского языка не знает, побежал позвать одного человека, которой в нескольких шагах от нас находился. Как он подошел, то спросила Я его: кто он таков, и узнала, что он Иман, который по-русски говорил довольно хорошо. Он Мне объявил, что в той развалине обитал некоторый святой жизни человек, и что они из весьма дальних мест пришли для принесения над гробом его молитв. То, что Я от него услышала, заставило Меня заключить, что и их почтение к Святым очень близко подходит к Нашему.

Прощайте, Государь Мой! и сохраняйте ко Мне дружбу вашу. От всего Моего сердца желаю, чтоб вы столько же прожили, сколько Англичанин Иван Кинго, которой умер на 169 году. Прекрасной век!

ЕКАТЕРИНА.

В скором времени пришлю Я к вам Французской перевод с двух Российских Комедий. Оне переписываются на бело".

Переписка Российской Императрицы Екатерины II и господина Вольтера, продолжавшаяся с 1763 по 1778 год. Часть вторая. М., 1803. С. 1—2, 101—103.

ПОЭТ В ДУМЕ

В истории России правительство практически всегда вступало в непримиримые противоречия с парламентом. Правда, в любой демократической стране разногласия между законодательной, исполнительной и верховной властью неизбежны — это закономерность, присущая свободному обществу. Но в России до 1917 года эти конфликты, как правило, приводили к разгону парламента (правда, без обстрела его из пушек) и попыткам сформировать более послушное сообщество депутатов. Напомним, что 1-я Государственная Дума просуществовала 72 дня, 2-я — 103, а 4-я, проработав несколько лет, также была распущена царем и не восстановлена победившими революционными властями.

1-я Государственная Дума, созванная в апреле 1906 года, среди своих депутатов имела несколько десятков представителей мусульманских регионов страны. В их числе был человек, чье общественное положение являлось уникальным для депутата. Мы имеем в виду поэта Закира Рамеева-Дэрдменда. Больше ни в одной Думе ни татарских, ни других национальных поэтов не было. Правда, избран он был не в качестве поэта, а как представитель промышленно-предпринимательских кругов Приуралья.

Уникальную книгу о мусульманских депутатах трех дум опубликовал Фуад Туктаров под псевдонимом "Усал". Она содержит биографические данные и политические характеристики каждого из них. Ниже мы приводим из нее краткий очерк, посвященный Закиру Рамееву.

"Член Государственной Думы от Оренбургской губернии Мухамед-Закир Рамеев. 50 лет.

Имеет несколько золотых приисков в Оренбургской губернии и на Урале. Один из наиболее известных татарских миллионеров. Окончил медресе. Хотя нигде не учился на русском языке, но путем самообразования изучил его и приобрел весьма обширные познания в области литературы и естественных наук. В Думе был членом мусульманской фракции. Искренне верил в программу кадетов. С думской трибуны не выступал. Будучи весьма скромным человеком, не считал свое знание русского языка достаточным для столь ответственного дела. Во время заседаний мусульманской фракции выступал неоднократно и весьма ярко и убедительно. Однако за двухмесячное пребывание в Думе не сделал всего, что мог бы сделать по своему интеллекту. Но это не только его вина. Не имея систематического образования, он хорошо знает историю и литературу восточных народов, глубоко понимает религиозные каноны. Закир-эфенди вложил много сил, как мо-

ральных, так и материальных, в издание татарских газет и журналов. Особо следует отметить его роль в создании газеты "Вақыт" и журнала "Шуро".

Во время разгона Думы его в Петербурге не было. Он вынужден был ненадолго уехать в Оренбург по своим делам. Поэтому не участвовал в совещании депутатов в Териоках и не подписал Выборгское воззвание. Хотя был солидарен с его положениями".

Дальнейшая судьба Закира Рамеева читателю известна. Думской деятельностью он впоследствии не занимался, хотя были предложения о выдвижении его и во 2-ю Думу.

Одним из самых популярных и пророческих стихотворений Дэрдменда стал его знаменитый "Корабль", впервые опубликованный в самом начале 1908 года в журнале "Шуро". Напомним читателю его концовку: "Ветер сейчас пенит волну и гонит отцизны корабль. Кто это нас тянет ко дну и кличет, нам гибель суля?" Наверное, на содержание этих строк, пронизанных тревогой за судьбу человека и общества, предчувствием будущих трагедий, в чем-то созвучных со знаменитыми строками Блока "И черная земная кровь сулит нам, раздувая вены, неслыханные перемены, невиданные мятежи", — наложили свой отпечаток и думские впечатления поэта, когда он 72 дня находился в эпицентре драматических событий начала века.

Очевидно, любой парламент и его депутаты всегда будут вызывать разноречивые чувства в массовом сознании. Тут и элементарная зависть к в общем-то привольной жизни "слуг народа", и возмущение несдержанными обещаниями, и многое другое. Правда, в стремлении к выбиванию привилегий "думцы" до 1917 года были намного скромнее и нравственнее теперешних. Они не могли и мечтать даже о малой толике их льгот. А требование какого-нибудь депутата из своей среды о получении досрочной пенсии, равной министерской, или устройстве на "синекуру" после окончания срока сочли бы признаком душевного заболевания и мании величия. Да и казенное имущество после прекращения своих полномочий с собой не прихватывали. А ведь среди депутатов дум были люди — и немало — с весьма скудным достатком. В 1-й из 481 депутата 111 были крестьяне, 25 — рабочие, причем не "анкетные". Но все равно критике подвергались они жесточайшей. И печатно, и устно, вплоть до рукоприкладства разъяренных избирателей. Если говорить о депутатах-мусульманах, то к их "разоблачению" и "развенчанию" приложили свои перья и собратья депутата З. Рамеева по поэтическому цеху. Назовем хотя бы весьма саркастическое стихотворение Г. Тукая "Государственной Думе", рефреном каждого четверости-

шия которого служили слова: "Ах ты, Дума, Дума, Дума, мало дела, много шума", а М. Укмаси, характеризую депутатов, полагал, что "они займут свою скамью, они набьют мошну свою". По рукам в 3-й Думе ходил "Плач русского мужика", который обращается к депутатам:

"Ох! Высокая палата,
Чтоб те пусто было!
Нет житья от депутата:
Продувное рыло!
Что ни день — с трибуны брешет,
Деньги получая,
И давно затылок чешет
Русь от них святая!"

Можно по-разному относиться и к стихотворениям, и к их авторам. Но настроения, которые вызывали депутаты в массе людей, схвачены правильно.

Интересно, что бы они написали о теперешних думах и порядках, царящих в них?

Вот на какие размышления наводит этот фрагмент из биографии Закира Рамеева — депутата и удачливого предпринимателя, великого поэта и щедрого мецената.

СУДЬБА ПРАВНУКА СУЛТАНА

(Салимгарей Джантурин)

Недавно я вновь побывал в неухоженном дворе одного из домов дореволюционной постройки в центре Казани. Поздним майским вечером 1926 года здесь произошла трагедия. Пожилой человек, возвращаясь домой, в двух шагах от своей квартиры оступился и упал в открытый люк подвала. Смерть от перелома основания черепа наступила почти мгновенно. В справке сказано: "Умер в возрасте 62 лет в результате паралича сердца". За семьдесят лет изменилось многое... но люк находится там же, как и старые стены, помнящие об этой истории. Перед похоронами был сделан снимок на смертном одре. Умиrotворенное лицо, на грудь положен Коран. Таким, наверное, запомнился окружающим этот человек, чья яркая судьба и дела неотъемлемы от многих важнейших событий XX века, тесно связаны с историей России, судьбами казахского, башкирского и татарского народов.

Речь идет о Салимгарее Саидхановиче Джантурине, уфимском дворянине-мурзе, чей прадед был казахским султаном. Отец, большой знаток истории и обычаев казахского народа, служил чиновником по особым поручениям при губернаторе Тургай.

Начало жизни Джантурина было обычным для его среды — состоятельных мусульманских семей дворянского происхождения. С середины XIX века многие их отпрыски получали образование в русских учебных заведениях — гимназиях, университетах. Большинство из них не собиралось переходить в христианство. Это вызывало несколько напряженное отношение властей, однако по большому счету мусульманское вероисповедание не мешало успешному продвижению. Не был исключением и Салимгарей Джантурин. После окончания Оренбургской гимназии он поступает на физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета. После возвращения из столицы его жизнь тесно связана с Уфимской губернией.

Несколько слов об интеллектуальном уровне Джантурина, что поможет понять причины его огромной популярности среди интеллигенции как национальной, так и русской. Кроме татарского, казахского, башкирского и русского, он хорошо знал французский, свободно ориентировался в хитросплетениях арабского и фарси. Созданный им словарь арабских, фарси и татарских терминов — "Лэгать" — был издан в Уфе в 1911 году и до сих пор не утратил своей ценности. Так, в недавно изданном в Казани словаре арабско-персидских заимствований в татарском языке его автор Д. Зайнуллин первым из использованных источников называет книгу С. Джантурина. Любил и неплохо знал С. Джантурин и мировую литературу.

Человек очень мягкий, Салимгарей Джантурин одновременно был страстным полемистом и ничего не принимал на веру. Любил острое слово и парадоксальные суждения. Как и большинство интеллигентов начала XX века, сочувствовал социалистическим идеям, не являясь, впрочем, радикалом. Во всяком случае, лозунг "грабь награбленное" встретил без восторга и не только из-за своего имущественного положения. Будучи человеком состоятельным, он никогда не делал кумира из "золотого тельца", охотно жертвовал деньги на благие дела — издание книг, поддержку нуждающихся талантливых людей. Свой дом в Уфе на время длительного пребывания в столице передал в безвозмездное пользование общественным организациям. Кстати, он и его друг — поэт и золотопромышленник Закир Рамеев — довольно спокойно отнеслись к потере состояния в результате Октябрьского переворота 1917 года. Не делали они и попыток уехать за рубеж, где, очевидно, условия жизни для них были бы более благоприятны. Спокойно и с достоинством вынесли все невзгоды.

Начало XX века, сулившего "невиданные перемены, неслыханные мятежи", Джантурин встретил человеком с вполне определенными политическими взглядами. Репутация знаю-

щего юриста, хорошего организатора и человека слова делала его авторитетным в глазах и населения, и губернского начальства. Отсюда — должности, требующие не только знаний, но и большого общественного темперамента: мирового судьи, земского начальника, неперемного члена губернского присутствия, гласного губернского и уездного земских собраний. Эта блестящая общественно-государственная карьера вскоре будет прервана, Джантурин познакомится с учреждением, от которого, по русской пословице, как и от сумы, нельзя зарекаться.

Мусульманские регионы России, как и вся страна в начале XX века, переживали невиданный общественно-политический взлет. Страна бурлила. И поражение в столь многообещающей вначале русско-японской войне (хотя тогдашние силовики и не обещали справиться силами одного полка, шапкозакладательские настроения в армии и обществе и тогда были сильны), и нарастающее недовольство во всех сферах жизни страны стали катализатором революционных выступлений. Как и во всякое смутное время, хватало людей и общественных групп, предлагавших свои решения по быстрому преобразованию России, немедленному достижению светлого будущего. Бомбы и револьверы на одном полюсе пестрого спектра умонастроений, парламент и конституционная монархия — на другом, а в промежутке — еще сотни вариантов устранения "повреждения нравов российских".

Общественно-политическая активность российских мусульман нашла свое отражение в съездах партии "Иттифак" — аналога общероссийской кадетской партии. Уже на первом из них, состоявшемся в 1905 году в Нижнем Новгороде, а точнее — на борту арендованного для "прогулки" по Оке парохода "Густав Струве", сформировалась группа лидеров. Помимо И. Гаспринского, Ю. Акчурина, С. Алкина в нее входил и Салимгарей Джантурин, избранный секретарем съезда. Эти люди во многом определяли характер мусульманского общественного движения, его идеалы и требования. Из их рядов вышли руководители джадидистского направления в образовании, видные работники прессы, деятели художественной культуры, те, кому было суждено возглавить создание национально-государственных образований после 1917 года.

Руководствуясь стереотипами, заданными "Кратким курсом", мы многие годы преувеличивали роль социал-демократического движения и особенно его большевистского варианта в общественном сознании мусульманского населения. Приписывали большевикам несуществующее в то время влияние. Пытались загнать в лоно большевистской партии любо-

го мало-мальски крупного деятеля культуры, или хотя бы представить их сочувствующими большевизму. Особенно много было подобной возни вокруг Г. Тукая. Технологию такой фальсификации на примере книги Р. Нафигова "Тукай и его окружение" безупречно с научной позиции проанализировал известный литературовед и философ И. Нуруллин (См. "Ближе к истине! Критические заметки на полях одной книги". — "Советская Татария", 16 февраля 1986 г.). Разумеется, речь не идет о полном отрицании деятельности большевиков среди мусульманских народов и особенно татар. Кстати, единственный большевик из татар — Сибгат Гафуров, который был известен Сталину по Баку еще в 1907 году, — родом из Симбирска. Он же после 1917 года дважды выполнял его ответственные поручения в Турции и в Казани. Ленин, насколько известно по документам, до 1917 года с большевиками-татарами не встречался. Заканчивая этот сюжет, скажем, что большевистская струя в общественном движении мусульман до 1917 года была весьма слаба. Эта политическая ниша в то время заполнялась более умеренными партиями и группами, а также эсерами, импониравшими молодежи своей романтикой террора.

I-я Государственная Дума — первый в истории России легитимный парламент — собрался 27 апреля 1906 года. Хотя в адрес этого первенца демократической весны 1906 года были вылиты ушатые политической грязи, вначале чиновниками самодержавия, а затем успешно продолжившими их дело советскими историками, Дума была явлением примечательным и положила начало целой эпохе. Кстати, в ее составе было более 100 крестьян-земледельцев и 25 рабочих (настоящих, а не анкетных). И если уж говорить о принципе представительности, то весьма любопытно сравнить состав первой Думы с теперешними парламентами в России и других странах СНГ. Дума, избранная при самодержавии, намного полнее отражала социальную структуру страны. Вот такой, на первый взгляд, парадоксальный вывод.

В числе ее депутатов более 20 человек были избраны от мусульманских регионов. Среди них и Салимгарей Джантурин — депутат от Уфимской губернии¹.

Читателю хорошо известны драматические 72 дня работы Думы. Основной причиной ее разгона стало противостояние

¹ Исследователи называют различные цифры депутатов-мусульман. Автор пользовался официальными материалами Думы. Нет четкости и в определении принадлежности депутатов к мусульманам. Так, некоторые издания, в том числе и дореволюционные, относят к ним Тундугтова Давида Цинджиновича. Он калмык и не мог быть мусульманином.

с правительством и верховной властью по аграрному вопросу, стремление депутатов снять наиболее устарелые элементы земельных отношений, усилить роль самих крестьян в опоре развития аграрного сектора страны. При всей половинчатости и эволюционности этих предложений они оказались неприемлемыми для наиболее ретивых слуг самодержавия, что в конечном счете и предопределило падение Думы. В ряде думских документов по проблемам земельных отношений мы видим и фамилию Джантурина.

В своей уникальной книге "Мусульманские депутаты в I, II и III Думах. Их деятельность" (Казань, 1911 г.) Фуад Туктаров дает четкие, а порой и едкие характеристики. Не случаен его псевдоним "Усал" — злой. Однако в очерке, посвященном Джантуруину, нет саркастических оценок, а где-то проскальзывают даже теплые нотки. В частности, он пишет, что Джантурин мог бы сделать большую карьеру и стать крупным чиновником в столице. Однако стремление помочь своему народу, и в первую очередь башкирским крестьянам, закрыли ему эту дорогу.

С. Джантурин, хорошо знавший земельные отношения на территориях, населенных башкирами и татарами, видевший многолетнее их разграбление (вспомните хотя бы рассказ-притчу Л. Толстого "Много ли человеку земли надо?"), стал членом бюро группы автономистов и активным деятелем аграрной комиссии. Его выступления на заседаниях комиссии в основном касались мер по упорядочению продажи башкирских земель, ограничению произвола старшин и богатых переселенцев. По всем этим вопросам он придерживался позиции "партии народной свободы" — кадетской, предлагавшей наделение крестьян землей за счет массивов, находившихся в ведении правительства, монастырей, церквей и удельного ведомства. Предусматривался также процесс частичного отчуждения помещичьей земли за выкуп. (В Думу вносились и более радикальные проекты: безвозмездное отчуждение земель сверх установленной законом нормы, а также утопичный эсеровский проект социализации.) Фамилия Джантурина стоит под рядом думских документов. В частности, он вместе с Алкиным и Сыртлановым подписал в числе других депутатов протест в связи с воззваниями казанского, саратовского и московского губернаторов, в которых компрометировалась деятельность Думы.

Царским манифестом от 9 июля Дума была распущена. Однако два месяца "демократии" не прошли бесследно. Чувство собственного достоинства депутатов и долг перед избирателями заставили многих из них прибегнуть к различным формам протеста. Наиболее известный из них — так называе-

мое "Выборгское воззвание". На территории Финляндии, хотя и входившей в состав империи, но пользовавшейся рядом особых прав, в дачном поселке Териоки неподалеку от Выборга собралось около 200 депутатов. После краткого обсуждения 180 из них подписали "Воззвание к народу от народных представителей", в котором осудили разгон Думы и призвали "к весьма умеренным формам сопротивления незаконию"¹. Мы многие годы недооценивали этот весьма примечательный документ и в духе большевистских догм именовали его соглашательским. Между тем его значение было весьма велико, он являлся наглядным подтверждением того, что полностью зачеркнуть нарождавшиеся демократические, парламентские принципы уже не удастся.

Дальнейшая жизнь С. Джантурина связана с общественно-политической деятельностью, проходившей в основном в Уфе и Петербурге, хотя он неоднократно посещал Казань. Он, не будучи депутатом, активно помогает мусульманским фракциям II—IV Дум. В круг его общения входят многие видные политики и деятели культуры: И. Гаспринский, Юсуф и Ибрагим Акчурины, З. Рамеев, А. Топчибашев, А. Букейханов, А. Цаликов, С. Максуди, Г. Исхаки. Огромную роль сыграл Джантурин в формировании политических и научных взглядов З. Валиди — будущего первого руководителя суверенного Башкортостана. За консультациями к нему постоянно обращались мусульманские депутаты II и III Дум. Дом Джантурина практически стал местом заседаний и встреч мусульманских фракций этих созывов Думы.

Хотя большинство татарских, башкирских и других мусульманских деятелей до начала первой мировой войны свои национальные требования в основном сводили к проблемам культуры и образования, С. Джантурин и его друг Г. Сыртланов одними из первых заявили о праве мусульманских народов на различные формы территориальной автономии. Кстати, одна из первых (если не самая первая) книг на татарском языке о территориальных проблемах мусульман России — "Автономия" Рашида-казы Ибрагимова — была опубликована на средства С. Джантурина.

¹ В числе 180 были С. Алкин, А. Ахтямов, А. Букейханов, С. Джантурин, И. Зиятханов и А. Топчибашев (разделявший их взгляды З. Рамеев во время этих событий находился в Оренбурге). Все подписавшие "Воззвание" были привлечены к уголовной ответственности по статьям 51 и 129 Уголовного уложения, предусматривавшим наказание за государственные преступления. Часть депутатов была осуждена, а затем на несколько лет лишена права занимать государственные должности. После трехмесячного пребывания в "Крестах" С. Джантурин вернулся в Уфу, где ему было объявлено, что он лишен на два года права состоять на государственной службе.

После начала первой мировой войны Джантурин принимает активное участие в работе мусульманской фракции IV Госдумы. Консультирует депутатов, помогает с публикациями в русской прессе. По его рекомендации для работы в мусульманской фракции из Уфы приглашается З. Валиди, писавший впоследствии, что именно это помогло ему усвоить многие политические истины. Политическая позиция самого Джантурина сводилась к умеренной поддержке правительства, без апологетики "флага над Босфором" и "креста над святой Софией".

Во время драматических событий февраля — марта 1917 года Салимгарей Джантурин оказывается на авансцене политической жизни, являясь одним из самых авторитетных деятелей мусульманского мира России. Снова, но теперь уже вместе с З. Валиди, он выдвигает идею федерации как формы создания "постимперской" России. На первых порах даже такие видные деятели, как А. Цаликов, М. Чокаев, А. Ахтямов, И. Лиманов, на заседании мусульманской фракции выступали за единую, неделимую и демократическую Россию. Громкий конфликт в среде мусульманских политических деятелей вызвало выступление Садри Максудова и его публикация в газете "Русская воля" с фактической поддержкой ведущейся войны. Письмо с резким осуждением такой позиции подписали А. Цаликов, З. Валиди, С. Джантурин, З. Шамиль, Г. Исхаки, К. Хасанов.

Весна и лето 1917 года были временем консолидации мусульманских движений, искавших свое место в новых структурах демократической России. С. Джантурин принимает участие в ряде мусульманских съездов в Москве и Казани, а затем, вернувшись в Уфу, становится одним из идейных вдохновителей создания республики "Идел-Урал". При формировании правительства "Милли идарэ" Джантурин назначается одним из руководителей финансовых ведомств. К его консультациям прибегают многие политические деятели Средней Азии и Казахстана. Среди них А. Букейханов, В. Таначев, М. Чокаев, М. Тынышпаев и другие. Однако лидером этих общественных движений он не стал. Не исключено, что Джантурин начал уже уставать от политической деятельности и разочаровываться в ней. Некоторое время он проводит в своем родовом гнезде — деревне Килим в Предуралье.

После Октябрьского переворота и начала гражданской войны С. Джантурин постепенно отходит от активной политической деятельности. Сложными были и семейные обстоятельства: после смерти (до войны) жены С. С. Тевкелевой на руках у него остались дочери Сара и Заира. Дома в Петербурге и Уфе были конфискованы, потерял он и свои

земельные владения. С 1920 по 1923 год С. Джантурин работает статистиком в различных учреждениях Иркутска, а с 1924 года — в Москве. В столице он вместе с дочерью живет в небольшой комнате коммунальной квартиры. В 1925 году переезжает в Казань к своему старому другу Аскару Шейх-Али, где ему предоставляют комнату в доме Шахбаз-Гирея Ахмерова. С августа 1925 года он становится служащим Наркомторга Татарии. Последний год жизни проводит в тесном общении с семьями Алкиных, Ахмеровых, Шейх-Али, с которыми состоял в родстве. Остроумный собеседник, добрый и отзывчивый человек — таким он запомнился людям, знавшим его в Казани.

Обстоятельства гибели Салимгарея Джантурина читателю уже известны. Это произошло 14 мая.

Аскар Шейх-Али и Салимгарей Джантурин, с уважением относясь к основным канонам ислама, не были ортодоксально религиозными людьми. Нередко между ними разгорались споры — есть ли все же загробная жизнь? Рассудительный и привыкший к точным формулировкам Шейх-Али считал, что если и есть, то доказать это вряд ли возможно. На что более эмоциональный Салимгарей как-то сказал: "Если мне придется умереть раньше тебя, то я уж найду способ напомнить о себе из потустороннего мира... Если, конечно, он есть".

Динара Аскаровна Шейх-Али вспоминает, что через несколько дней после того, как тело Салимгарея предали земле, у них дома случилось происшествие, которому так и не нашли разумного объяснения. В совершенно пустой комнате (семья находилась в другой) послышался шум. Оказалось, что с пианино упала фотография Салимгарея в рамке. Но упала как-то странно: не плашмя, а как будто бы кто-то ее прислонил к инструменту. Окно было закрыто, двери тоже. Аскар Шейх-Али полушутя-полусерьезно сказал: "Ну вот, Салимгарей сдержал слово..."

В некрологе, появившемся в "Кзыл Татарстане", подписанном его другом Галимзяном Шарафом, было сказано, что Салимгарей Джантурин имел огромные заслуги перед мусульманскими народами России, способствовал подъему их самосознания и культуры. Полагаю, что время не изменило этой оценки.

Исмагил-доктор

Конечно, в наше время никого не удивишь громкими званиями и должностями в медицине. Пожалуй, ни в одной области высшего образования, бывшего ранее элитарным и

малодоступным для татар, мы не имеем такого прорыва "вверх". Не только врачи с высшим образованием, но и кандидаты, и доктора наук стали обычным явлением. "Докторство" само по себе не всегда обеспечивает "профессуру" или хотя бы "доцентуру". В этом есть и плюсы, и минусы. Но это — тема особого разговора. В нашей публикации мы хотим напомнить читателю о не столь уж далеком прошлом, когда медицинское обслуживание было делом немногих, основная масса людей жила и умирала, так и не увидев настоящего врача. И тем более важно сейчас напомнить имена немногих татар, сумевших получить до революции высшее медицинское образование и стать поистине народными докторами.

Одним из самых первых идет в этом почетном, но очень небольшом списке знаменитый "Исмагил-доктор" — И. Ю. Усманов. Жизненный путь его необычен и богат крутыми поворотами, менявшими судьбу. Возможно, только сейчас мы можем в полном объеме рассказать об этом.

Сыну одного из самых уважаемых купцов Казани Мухамеда-Юсуфа Усманова, казалось бы, была уготована обычная судьба многих богатых отпрысков: приобщение к делу отца, возможно, начальное коммерческое образование, поездки в Москву, Питер и на "Макарьевскую" ярмарку в Нижний Новгород, знаменитую "Мәкәрже", где в перерыве между "бизнесом" соревновались в разгуле многонациональные купеческие компании. Кстати, мы сейчас много говорим и пишем об анекдотическом разгуле "новых" русских, татар и прочих. Да никакие они не новые. Давайте почитаем Горького, Гиляровского, Чехова, Боборыкина, газеты того времени. Бесшабашный разгул, купание шансонеток в шампанском, разгром ресторанов и номеров и многое другое — все это было уже. Нувориш, он и есть нувориш — независимо от общественно-политических ярлыков и времени его обитания. Сказанное выше вовсе не означает, что все представители почтенной купеческой корпорации были такими... Но и богатых сынков, спускавших отцовские миллионы, накопленные их предприимчивостью и оплаченные потом и кровью людей, тоже хватало. Совершенно справедливо возмущаясь разгулом репрессий революционных лет, утратой многих культурных ценностей, отторжением от России сотен тысяч не худших людей, не будем забывать и другое. В немалой степени все это было спровоцировано и бездумным поведением купавшихся в роскоши верхов. Не мешало бы помнить это и некоторым теперешним "хозяевам жизни", ее прожигателям.

Но вернемся к судьбе Исмагила Усманова. После окончания медресе "Касымия", что около Кабана, тяга к знаниям

привела его в реальное училище. После училища, дававшего весьма фундаментальные знания, особенно в области естественных дисциплин, следует обучение в Казанском ветеринарном институте, входившем в число лучших профессиональных учебных заведений империи. Служба ветеринарным врачом в Ставропольской губернии с ее пестротой различных национальных общин и огромным животноводческим потенциалом, продолжавшаяся с 1904 по 1906 год, дала молодому врачу огромный запас впечатлений и пробудила неодолимую тягу к настоящей медицине. Местное население — калмыки, ногайцы, карачаевцы, балкарцы, ингуши, жители казачьих станиц — обращалось к нему за помощью не только по поводу заболеваний скота. Нередко просили помочь и от людских недугов. Особенно мусульмане, видевшие в нем своего соплеменника и единоверца. Людские страдания, горькое ощущение бессилия от недостатка знаний привели к тому, что опытный преуспевающий ветеринарный врач в 1907 году снова садится на студенческую скамью в Казанском университете. Полный курс медфака И. Усманов заканчивает в 1912 году. После недолгого пребывания в санитарном ополчении Казанской губернии Исмагил становится врачом университетской клиники и одновременно ведет медицинскую практику по месту жительства. Вскоре слава молодого врача, не переехавшего в верхнюю часть города, как это делали некоторые преуспевающие татары-интеллигенты, а продолжавшего жить в Ново-Татарской слободе, вышла и за пределы Казани. К нему приезжали и из многих уездов губернии. Лечил он всех, причем для неимущих оплата была символической, а то и вовсе безвозмездно. Интеллигентность, доброта, умение утешить человека, оказать ему не только медицинскую помощь, но и психологическую поддержку сделали Исмагила-доктора одной из самых популярных фигур города, и не только среди татар. Всю мировую войну он провел во фронтовых госпиталях, нередко, рискуя жизнью, выезжал на передовые медицинские пункты в район непосредственных боевых действий. Вместе с ним постоянно была сестра милосердия Гульганбар Ижбирдиева, ставшая его женой в 1913 году. После свержения самодержавия он остается в армии, выполняя врачебный долг. Осенью 1917 года Усманов становится старшим врачом Петроградского мусульманского сводно-гвардейского полка, которым командовал генерал Искандер Тальковский, ставший одним из первых крупных военачальников-татар, перешедших на сторону советской власти. Кстати, его сын — тоже Искандер — был видным советским военачальником, активно участвовал в гражданской войне. Погиб комдив И. И. Тальковский во время массовых репрессий конца 30 — начала 40-х гг.

Во время службы в Петрограде у Исмагила Усманова был широкий круг общения, в который входили А. Цаликов, И. Алкин, Г. Исхаки, М. Султан-Галиев, генерал Абдулла Давлетшин, С. Джантурин и другие лица, сыгравшие заметную роль в гражданской войне на различных сторонах ее баррикад. Особенно близкие отношения сложились с приходившимся ему родственником видным общественным деятелем Захидом Шамилем, внуком знаменитого имама и сыном генерала Шафи Шамиля, некоторое время жившего в Казани и женившегося на дочери известного татарского купца Марьям Аппаковой. В их доме сейчас находится музей Тукая.

В середине 1918 года И. Усманов возвращается в Казань и после недолгой работы в военном эвакогоспитале оставшуюся жизнь проводит, работая главным врачом поликлиники в Забулачье, одновременно продолжая медицинскую деятельность в качестве терапевта клиники медицинского института под руководством таких светил казанской медицины, как профессора Казем-Бек, Чебоксаров, Малкин и Терегулов.

Среди татарской части населения города популярность Исмагила-доктора была огромной. Даже после консультаций профессоров, нередко скрывая это, шли узнать, а что скажет Исмагил? Любила его и татарская интеллигенция — за бескорыстие и огромные врачебные знания, помогавшие человеку иногда, в казалось бы, безнадежных ситуациях. Так, классик татарской литературы Галиаскар Камал в устном завещании, предвидя свою внезапную смерть, попросил, чтобы окончательное заключение перед похоронами дал Исмагил, его друг. Так, кстати, и было сделано. Г. Камал умер скоропостижно, на пути домой в Казань между Верхним и Нижним Услоном. Среди подписавших медицинское заключение, опубликованное в печати, есть и фамилия врача-терапевта Исмагила Усманова. Частыми гостями в доме Усманова, и не только в качестве пациентов, были Салих Сайдашев, Фатих Амирхан, Карим Тинчурин, Мухамед Яушев. Исмагил-доктор любил и знал музыку, неплохо играл на скрипке и сам.

Умер врач-подвижник в конце войны в 1944 году. Провожали его в последний путь, несмотря на тяготы военного времени, сотни людей... И до сих пор еще порой слышим в среде старожилов Казани, чьих родителей, а то и самих в детстве лечил Исмагил-доктор: "кулы анын жинел иде", — рука у него легкая была. Многих он поставил на ноги. Такая долгая и добрая слава среди людей стоит многих громких званий, на которые теперь мы не скупимся. А доктор — он всегда доктор. Это ведь не только знания и звания, но и со-

стояние души... А по ней он был "Табиб", как говорили наши предки — целитель. Что может быть выше?..

*Светлой памяти
Мухаммеда Магдеева*

ГАЛИАСКАР СЫРТЛАНОВ: АДВОКАТ И ДЕПУТАТ

Пожалуй, среди мусульманских депутатов российских Госдум не было имени более популярного, чем Галиаскар Сыртланов. И жизнь, и его загадочная гибель волновали общество и до революции, привлекают внимание и в наши дни. Возможно, это связано с тем, что думская деятельность и поведение ее депутатов снова стали злобой дня.

Долгие годы в советской историографии положительно оценивалась только деятельность депутатов-социал-демократов большевистского толка, а всех остальных левых групп — только в той мере, в какой их выступления вписывались в удобную и четкую схему "краткого курса". Что же касается центристов и правых — они однозначно квалифицировались как сознательные и бессознательные слуги самодержавия и буржуазии, но и среди них были весьма неординарные личности, не вписывающиеся в привычные стереотипы. Деятельность же депутатов от мусульманских регионов вообще замалчивалась. Хотя даже В. И. Ленин признавал за мусульманскими "трудовиками" ряд заслуг в продвижении России к светлому будущему. Не баловала их вниманием и дореволюционная русская пресса. Татарская же периодика придавала им большое значение, совершенно правильно считая, что впервые после екатерининской комиссии по выработке Уложения мусульмане получили всероссийскую трибуну. Единственным исключением, человеком, который в равной мере был популярен и среди русских, и среди мусульман, был Г. Сыртланов. Впервые о некоторых крутых поворотах его судьбы сказал в наше время Мухаммед Магдеев. Талантливый писатель и большого знатока истории (историка не по диплому, а по велению души) привлекала эта неординарная личность, и он собирался дальше развивать тему.

Работая над книгой "Мусульманские фракции Дум и Учредительного Собрания", мне посчастливилось встретиться со многими интересными людьми, связанными с выдающимися деятелями татарского и в целом мусульманского возрождения (в том числе и депутатами Дум) и родственными, и дружескими узами. Назову в их числе незабвенную Ильха-

мию-апа Богданович-Туктарову, Хадичу-ханум Ямашеву-Таначеву, Валидхана Таначева, Махмуда-ага Будайли, Абдулхака Кудашева, Хамита Бадамшина, Асьму-ханум Шараф-Фахретдинову, брат и дядя которой были депутатами Учредительного собрания, и др. Уже в последние годы интереснейшими сведениями поделились с автором Динара Аскар-овна Шейх-Али и Давлет Мухамеджанович Шейх-Али. Д. М. Шейх-Али — сын одного из самых крупных казахских государственных деятелей первой четверти века, депутата II Госдумы России Мухамеджана Тынышпаева, — связан родственными узами со многими участниками событий, о которых пойдет речь ниже. Его письма помогли написанию этого очерка.

Итак, о Галиаскаре Сыртланове. Его отец Шейхсатдар Сыртланов был также незаурядной личностью. Дворянин, получивший высшее военное образование, долгие годы служивший в Туркестане и в меру своих сил способствовавший взаимопониманию местной администрации и туземного населения, он стал активным участником становления земской системы в Башкирии и занимал видные выборные должности. Отличительная черта — неподкупность и бескорыстие. Законы чести тогда для многих представителей правящей элиты не были пустым звуком. Разумеется, не для всех... Взяточников и держиморд тоже хватало. Избранный депутатом I-й Государственной Думы от Уфимской губернии, он пытался сдержать расхищение башкирских земель, ставшее уже "притчей во языцех". Вспомним хотя бы знаменитый рассказ Льва Толстого "Много ли человеку земли надо?" Однако политической судьбой Думе было отпущено всего 72 дня жизни, и она скорее обозначала начало российского парламентаризма, чем его действия. Недолговечной оказалась и 2-я Дума — депутатом ее был и Ш. Сыртланов. На этом "хождение во власть" старшего Сыртланова закончилось, и в дальнейшем он свою кандидатуру в Думу не выдвигал. Галиаскара Сыртланова, родившегося в 1875 году, ожидала блестящая военная карьера. Великолепные физические и интеллектуальные данные и недюжинные ораторские способности уже в кадетском корпусе, а затем в офицерском училище выделяли его среди сверстников. Затем служба в лейб-гвардии, командиром эскадрона Литовского полка. Однако строевая служба, очевидно, не была идеалом молодого поручика. Галиаскар Сыртланов блестяще заканчивает военно-юридическое училище и становится военным прокурором. В возрасте 31 года он — уже в чине подполковника — назначается в Киевский военный округ. Не забудем, что это были годы революционного кризиса, общество пронизывали бунтарские настрое-

ния, не миновавшие и многих представителей дворянства. Г. Сыртланов подает прошение об отставке, не желая связывать себя с разгулом военно-полевой юстиции. Ведь в ответ на террор революционных групп самых различных оттенков и направлений (террор, во время которого гибли не только высокопоставленные чиновники, но — и об этом тоже забывать нельзя — множество рядовых людей, в том числе женщин и детей) власти также развернули жестокую кампанию подавления, не всегда считаясь с нормами закона. Причем вектор общественных симпатий был на стороне революционного террора. Он становился "модой". Выйдя в отставку в начале 1907 года, Галиаскар Сыртланов быстро становится одним из самых известных присяжных поверенных. Конечно, тогда еще не знали слова "рейтинг", но молва гласила, что Сыртланов входит в первую десятку наиболее популярных адвокатов России, а в ней были такие имена, как Плевако, Кони, Урусов, Карабчевский, чьей популярности могли бы позавидовать прима-голоса оперной сцены. Особенно удавались Сыртланову процессы, связанные с военными делами. Здесь он как профессионал-офицер мог разобраться лучше многих знаменитостей, имевших слабое представление об армии и флоте. Именно к этому периоду относятся два процесса, получившие мировую известность, в ходе которых Галиаскар Сыртланов весьма талантливо вел защиту обвиняемых. Но вначале несколько слов об общественно-политической значимости этих процессов. Известно, что русско-японская война, замышлявшаяся как легкая победоносная прогулка для умирения "макак", завершилась сокрушительным поражением. Такого военного позора страна еще не испытывала. Хотя в этой войне происходило множество сражений, два из них стали как бы символами военного позора — сдача крепости Порт-Артур и разгром российского флота в Цусимском проливе. Примечательно и то, что символом героизма стал отказ от сдачи в плен команды крейсера "Варяг". Опять-таки героизм, но героизм побежденных. Возмущенное общество, все его слои требовали наказания виновников. И хотя причины поражения страны были весьма сложны и многосторонни, "козлами отпущения" стали генерал-лейтенант А. М. Стессель и вице-адмирал З. П. Рожественский. Первоначально поставили в вину сдачу Порт-Артура, комендантом которого он являлся, а второму — гибель эскадры и сдачу в плен. Хотя общественная атмосфера была накалена до предела, и Сыртланову, взявшемуся быть защитником обоих незадачливых военачальников, угрожали даже вызовом на дуэль как пособнику предателей, его блестящая тактика ведения процесса во многом способствовала смягчению приговоров. Стес-

сель, хотя и был предварительно приговорен к смертной казни, вскоре был помилован, а Рожественский, взятый в плен тяжелораненым, вообще оправдан. Сыртланову удалось доказать, что ни умышленного предательства, ни преступной халатности в действиях Стесселя и Рожественского не было.

Успешно развивалась и политическая карьера Г. Сыртланова. Слава защитника неимущих, человека чести, принципиального противника бесконтрольной раздачи башкирских земель, сторонника создания национальной школы, уравнивания в правах мусульманского духовенства с православным способствовала тому, что он в конце 1907 года был избран депутатом 3-й Государственной Думы теми же избирателями, которые голосовали недавно за его отца. В результате введения ряда ограничений в избирательные законы правительству удалось существенно снизить число депутатов-мусульман, избранных в парламент. Если в 1-й было 24, а во 2-й — 34 депутата-мусульманина, причем около половины из них — татары, то в 3-й Думе мусульманская фракция насчитывала всего 10 человек. В числе наиболее активных думских ораторов был и Г. Сыртланов. Знание законов в сочетании с глубиной и убедительностью аргументов помогало ему добиваться в Думе и ее комиссиях принятия ряда законов или хотя бы рассмотрения проблем, как бы сейчас сказали, о "правах человека". Так, он добивается уменьшения дискриминации по религиозному принципу мусульманского учительства и духовенства. Единственным из депутатов-мусульман всех Дум, Сыртланов был членом и заместителем председателя комиссии по государственной обороне (военной). Он неоднократно представлял принятые затем Думой важные проекты в этой области. В этот же период Сыртланов заслужил еще большую популярность среди татар и башкир, взяв на себя безвозмездно защиту бывшего депутата 2-й Думы уфимского учителя Калимуллы Хасанова. Его имя вписано в историю парламентаризма России бескомпромиссной борьбой за создание национальной школы. Именно во время выступления с думской трибуны Хасанова, в котором он требовал равных прав для национальной школы, заявив, что без нее народам грозит исчезновение, произошел знаменитый эпизод, ставший потом темой для политически накаленного стихотворения Тукая. В самый драматический момент выступления Хасанова, когда он приводил цифры и факты, говорящие о нищенском положении татарской школы и учителей, со скамьи правых раздалась озлобленная выкрики: "Долой с трибуны гололобого, езжайте в Турцию, там вас научат", — и тому подобное. Особенно неистовствовал Пуришкевич. При-

существовавший на этом заседании журналист писал, что Хасанов спокойно отвернулся от неистовствующих депутатов и, обращаясь к президиуму, закончил речь. Председатель Думы Головин потребовал от Пуришкевича прекратить нарушение думских правил и после его отказа извиниться поставил на голосование предложение лишить нарушителей права присутствовать на 12 заседаниях. Дума большинством голосов приняла такое решение (почему-то депутаты социал-демократы не поддержали его), под угрозой насильственного выдворения Пуришкевич и еще два депутата-дебошира покинули зал. Этот эпизод получил широкий резонанс в России. Татарские газеты цитировали слова Хасанова: "Нас в России 20 миллионов, и ни в какую дику Турцию мы не поедём! Наша Родина здесь". Тогда и родилось гневное стихотворение Тукая "Не уйдём!", которое на многие годы стало символом борьбы против шовинизма. Правда, уже в советское время наши собственные фальсификаторы истории и литературы стали писать и говорить о том, что Тукай клеймил здесь татарских националистов... Впрочем, мы и не такое слышали. Даже великого Исахи один борзописец обзывал "лакеем", "беспаспортным бродягой", лающим на свой народ. Правда, сейчас те же самые люди нередко курят фимиам тем, кого разоблачали, и опять-таки в неумеренных дозах. Что же поделаешь, "легкого поведения" бывают не только дамы...

Калимулла Хасанов был привлечен к уголовной ответственности по политическим мотивам. Уже после снятия депутатской неприкосновенности ему припомнили многое, в том числе и издание уникальной газеты "Дума", выходившей на татарском и азербайджанском языках. Насколько мне известно, такого органа не имела ни одна фракция. Суд приговорил его к годичному заключению в крепости. Наказание было минимальным благодаря умелой защите Галиаскара Сыртланова. И действия Хасанова, и позицию Сыртланова высоко ценил Тукай, неоднократно упоминавший по различным поводам эти имена.

Казалось бы, ничто не предвещало печального конца жизни Г. Сыртланова. Популярный политический деятель, блестящий адвокат, удачливый предприниматель — он был членом правления и юридическим консультантом ряда компаний. Возглавлял ряд благотворительных акций в пользу неимущих, щедро делился доходами. После гибели сына Рустема взял на полное содержание, обучение в лучших школах столицы пять детей-сирот. Внешне благополучной была и семья — жена Амина — дочь генерал-майора Махмуда Шейх-Али и Маги-Парваз Алкиной — из семьи, уходящей корнями

в родовитую аристократию, имена их предков вписаны в историю. Правда, красавец Галиаскар был любимцем женщин, впрочем, ничего серьезного, угрожающего распадом семьи за ним замечено не было.

Развязка наступила неожиданно. Утром 7 августа 1912 года Галиаскар и Амина наносят визит ее родителям в их петербургском доме. Во время беседы за чайным столом в гостиную врывается брат жены Дауд и выстрелом в упор убивает Сыртланова... Эта трагическая и внешне бессмысленная история вызвала большой резонанс. Как в таких случаях бывает, выдвигались различные версии, одна другой круче. От "заказа" властей и до сведения личных счетов по наущению родни... Несколько слов об убийце и его семье. Род Шейх-Али берет свое начало из Дагестана. В числе других дагестанских юношей кумыки Давлет и Махмуд Шейх-Али были приняты на военную службу. Первый из них дослужился до подполковника в родных краях и стал видным этнографом, знатоком кавказских обычаев, а другой военную карьеру провел на восточных окраинах России и осел в Уфе после выхода в отставку в чине генерал-майора. Его положение после женитьбы на Маги-Парваз Алкиной укрепило связи с местной элитой. Сын Дауд получил военное образование, затем стал инженером-мелиоратором. Его жена Е. Стобиус — дочь предводителя дворянства. Сейчас трудно судить о причинах, толкнувших Дауда на убийство зятя. Вступился за честь семьи — говорили одни, убийца — орудие в руках властей, утверждали другие... Как бы то ни было, Дауда арестовали, судили и сослали в Сибирь. Маги-Парваз Алкина добилась аудиенции у царя, однако смягчения участи не последовало. Но судьба благоволила к Дауду. Вскоре по случаю очередной годовщины окончания кавказской войны и из уважения к воинским заслугам генерал-майора Шейх-Али Дауд был освобожден. Он остался на Дальнем Востоке и стал видным ученым-биологом. С 1944 года профессор Д. М. Шейх-Али заведовал кафедрой растениеводства Дагестанского сельскохозяйственного института, был награжден двумя орденами, удостоен звания заслуженный деятель науки и умер, окруженный вниманием властей и учеников, в 1954 году в возрасте 75 лет. Автор далек от мысли требовать посмертного воздаяния Дауду за смерть Сыртланова. Но думаю, что если бы не это нелепое убийство, Галиаскар Сыртланов стал бы одной из самых видных фигур процесса национального возрождения мусульманских народов. Но что случилось, то случилось. Еще древние греки знали, что над прошлым не властны даже боги.

ГИБЕЛЬ МУЛЛАНУРА ВАХИТОВА: ЛОЖЬ И ПРАВДА

Многие годы он был, пожалуй, самой парадной и рекламируемой политической фигурой начального периода советской истории татарского народа. Бравый комиссар, верный большевик и чуть ли не друг Ленина. Его именем называли заводы и пароходы, улицы и школы. Многочисленная рать "лениноведов" и "вахитоведов" оказала ему медвежью услугу, сделав в глазах людей своего рода "оловянным солдатиком" партии, готовым выполнить любые указания ее вождей. Партии, в которой он формально не состоял. Хотя во многом, но далеко не во всем, поддерживал ее программу и практическую деятельность. К сожалению, введенные в заблуждение "вахитоведами", отдали дань такому упрощенному изображению Вахитова и некоторые литераторы.

Конец его жизненного пути трагичен — он был расстрелян по приговору военно-полевого суда учредилкой армии в дни ее недолгой власти в Казани в августе 1918 года. Уже тогда бытовали различные версии его гибели. Ее нередко использовали для сведения личных счетов различные политические силы. Наиболее распространенным был слух о причастности к решению его участи различных деятелей — татар из антибольшевистского лагеря. Однако уже тогда он не находил прямого подтверждения. В частности, чекисты Казани еще в 1920 году сняли подобные обвинения с Бари Баттала, одного из наиболее антибольшевистски настроенных деятелей лета 1918 года. К сожалению, эти мифы дошли до наших дней и получили второе дыхание в инсинуациях некоторых современных авторов. Так, один маститый общественный деятель утверждал, что "члены КОМУЧА Г. Исхаков, Г. Тергулов, Ф. Туктаров телеграфировали из Самары: "Приговор привести в исполнение". Не дрогнула рука "беспачпортных бродяг", вскоре вышвырнутых из Советской России, и еще долго слышался из-за рубежа лай этих лакеев империализма. "Беспачпортные бродяги", лаявшие из-за рубежа, — это великий татарский писатель и мыслитель Гаяз Исхаки, виднейшие общественные деятели и литераторы Фуад Туктаров и Гумер Тергулов.

Наверное, все общественные деятели в свое время были обязаны произнести "ритуальные" слова осуждения политических противников. Но для большинства это было просто дежурной фразой без желания поиздеваться над людьми, которые не могут ответить.

В 1967 году в Казани вышла книга Я. Шарапова "Национальные секции РКП(б)". Написана она по канонам своего

времени. Казалось бы, данная тема дает широкий простор для оголтелой травли политических противников. Однако автор вполне умерен, но (надо же отдать дань требованиям времени), не допуская никаких оскорбительных выражений, критикует идеи и их носителей, считавшихся в то время враждебными нашей идеологии. То же самое можно сказать и о ряде других изданных тогда работ. Еще раз подчеркиваю: речь идет не об идеологических оценках и цитировании классиков и партийных решений, что было обязательно для всех нас. Но одни воспринимали это (таких было большинство) как неизбежное, но не требующее излишнего усердия правило игры, а для некоторых это было заменой науки и средством утвердить себя за счет унижения и оскорбления, причем безнаказанного, инакомыслящих и инакодействующих.

Весьма жестко и доказательно технологию фальсификации некоторых исторических событий проанализировал известный литературовед и историк культуры Ибрагим Нуруллин — человек безукоризненной честности в научных исследованиях. В рецензии на книгу "Тукай и его окружение" он с горечью писал, что книга является "крайним выражением "мифотворчества", а автор "выуживает из написанного самим Тукаем такой смысл, который там и не ночевал"¹.

Но вернемся к Муллауру Вахитову и заметим: не случайно после начала перестройки в общественном сознании людей, подогреваемом шустрями, но не особенно грамотными "отцами и матерями нации" митингового розлива, стали появляться нотки пренебрежения к этой фигуре, как к гонителю национального движения и верному нукеру большевиков.

Все было намного сложнее. Мирсаид Султан-Галиев, человек, вошедший в историю XX века как создатель теории революции в "третьем мире" и отец "нацкоммунизма", постоянно подчеркивал, что он ученик Муллаура Вахитова, и вплоть до начала 20-х его идеи — это развитие мыслей и планов трагически погибшего учителя. Во всяком случае, Вахитов никогда не был сторонником безоговорочного подчинения национального движения подновленным имперским структурам большевистского, Советского государства, создание которых он предвидел и даже успел частично увидеть. Большой резонанс вызвала в начале 1918 года его демонстративная отставка с поста комиссара, поддержанная и другими видными деятелями. Сталин был вынужден пойти на серьез-

¹ В последних работах М. К. Мухарямова также подчеркивалась необходимость правдивого освещения сюжетов о Тукае, Вахитове, Султан-Галиеве.

ные уступки и просить Вахитова о возвращении. Его идея создания мусульманской Красной Армии как защитницы национальных чаяний народов Востока после его смерти была признана националистической и вредной. Очевидно, не случайно его так ненавидели противники национального государственного строительства в республиканском варианте Граисис, Шамигулов, Шагимардан Ибрагимов и другие нацнигилисты и суперинтернационалисты, поддерживаемые такими влиятельными в то время лицами, как Бухарин, Крестинский, Преображенский, Стасова и другие. Намного дальновиднее были Ленин и Сталин, на определенном этапе заигрывавшие с нацдвижением и согласившиеся на создание тюркских республик.

Мы не знаем, как сложилась бы судьба Муллачура, не будь в истории Казани роковых дней начала августа 1918 года, когда немногочисленный отряд противников большевизма разгромил огромный гарнизон города и взял его. Один из главных организаторов штурма Казани подполковник В. Каппель, докладывая в Самару о своем блестящем успехе, сообщил, что потери "учредилонцев" не превышают 25 человек. Одним из последних отрядов, яростно защищавших мост на Булаке у электростанции, командовал Мирсаид Султан-Галиев. Но в целом военное командование красных не сумело организовать эффективное сопротивление. Л. Троцкий, которому было поручено ликвидировать последствия этой военной катастрофы, поставившей на грань гибели Советское государство, иронически писал потом, что бежавший из Казани командующий Восточным фронтом И. Вацетис прибыл в Свияжск, "потеряв Казань, но не утратив оптимизма". Ценой невероятных и жестких усилий удалось переломить ход событий и вернуть Казань в начале сентября. Ленин, только что начавший оправляться от последствий ранений после покушения, просил ежедневного доклада о положении дел под Казанью, требуя от Троцкого более решительных действий, вплоть до массированной бомбардировки города с воздуха и земли. После возвращения города красными начались поиски Вахитова. Вскоре развеялись надежды на то, что он мог быть ранен и увезен в какой-нибудь дальний аул. Правда, о деталях его смерти спорили еще много лет. Но сама гибель комиссара была неоспорима и породила целый ряд политических проблем. Лидером национально-государственного движения татар стал его ученик Мирсаид Султан-Галиев, чья трагическая судьба известна всему миру. Что же касается Вахитова, если бы он уцелел в водовороте гражданской войны, думаю, что и Советская власть не потеряла бы его вольнодумства.

Эта война закончилась победой, и платить по векселям, выданным во времена, когда судьба Советской власти висела на волоске и во многом зависела от позиции мусульманских народов, большевики не торопились. Полагаю, что политическая трагедия Султан-Галиева — это зеркальное отражение того, что ждало Вахитова. Может быть, даже в более быстром варианте.

Мог ли он уцелеть в неразберихе августовской Казани? Наверное, шансы были. Тот же Исхак Казаков, его дядя и видный большевик, пришел к ведавшему мусульманскими делами в учредилонской администрации города Ильяссу Алкину, и тот, вместе с Бари Батталом, не выдал его и переправил в надежное место, где он отсиделся до прихода красных. Мирсаид Султан-Галиев был укрыт одним из издателей, не питавших теплых чувств к красным. Тот же Алкин буквально вытащил из тюрьмы, после его слезного письма, большевика Хаджи Габидуллина, впоследствии ставшего премьером республики. Законы чести были еще живы и запрещали выдавать властям гонимых. Яркий пример тому — поэт Максимилиан Волошин в Крыму, спасавший при белых красных, при красных — белых.

Какие причины заставили Вахитова метаться по городу, а затем предпринять роковую попытку уйти из него, нам неизвестно. Могли быть и личные мотивы и обстоятельства. Во всяком случае, расхожее мнение о том, что он остался создавать подпольную большевистскую организацию, весьма сомнительно. Есть его письма из тюрьмы к близким. Они трагичны и говорят о том, что Вахитов чувствовал свою обреченность. Политики в них нет.

Иногда спрашивают, а почему Вахитов выбрал большевиков, хотя прошел в Учредительное собрание по другому списку? Правда, на открытие его он не успел и не уходил с большевиками, как нас многие годы убеждали "вахитоведы". А что ему было делать? Из чего выбирать? Все противники большевиков стояли на позиции великодержавного шовинизма и "единой неделимой" без всяких там нюансов. Тот же ученый-гидрограф и Верховный правитель Колчак, например, категорически отверг даже самые скромные просьбы казахского и башкирского национальных движений. Чем, очевидно, приблизил свою гибель. Так что выбор Вахитова в то время был единственно возможным. Как бы мы ни относились к прошлому, напомним: национальные республики создали большевики — Ленин и Сталин. Не случайно сейчас и "комренегаты", и национал-фашисты, и даже сподвижники "сына юриста" предъявляют им за это счет. Позицию большевистских лидеров в национальном вопросе уг-

лублил, стремился сделать необратимой и пойти дальше Мулланур Вахитов — самый авторитетный в то время деятель мусульманских народов. И не его вина, и не вина его последователей, что сделать этого не удалось, и заложенные тогда мины замедленного действия взорвались в наше время. Уже поэтому он заслуживает благодарной памяти от нас, ныне живущих, получивших для осуществления национальных чаяний народов Татарстана многое из того, о чем недавно не могли и помыслить. Суверенная республика, авторитетный и признанный миром Президент, дееспособное Правительство, набирающийся политического опыта парламент — разве это так уж мало для нашего смутного времени?

Полагаю, что, отмечая трудные, но плодотворные семь лет татарстанского суверенитета, нельзя забывать и человека, предвидевшего многое из того, что сейчас стало реальностью. Но не достойно было бы ради возвышения Вахитова поливать грязью его противников. История состоялась.

Полагаю, что заслуживает материального воплощения и память о тех, кто не был согласен с большевиками. История дает сейчас возможность судить об их деятельности более честно, чем это делалось до сих пор. Не были они "беспачпортными бродягами", в их сердцах была "прописана", если уж следовать терминологии некоторых борзописцев, любовь к своему народу, желание сделать его равным среди других. Разве это лай, разве это лакейство? Думаю, что в Казани следовало бы создать памятник Гаязу Исхаки — в этой личности в наиболее полной форме сконцентрировалась та часть общественного сознания татар, которая не желала мириться с созданием новой империи, но уже под красным флагом.

И Вахитов, и Исхаки — сыновья одного народа. Меняются государственные и общественно-политические ярлыки и вывески, но народ остается единым. В истории мы состоялись как татары. Как бы ни пытались это опровергнуть некоторые околonaучные пигмеи, по-дилетантски копошащиеся в нашем прошлом, как бы ни пытались другие не особенно грамотные обладатели громких, а зачастую и просто декоративных званий посеять рознь между различными группами татарского народа. Единство народа важно всегда. Но бывают такие исторические времена, когда оно — вопрос жизни или смерти народа, духовной по крайней мере. И сейчас именно такое время.

"БАКЧА-САРАЙ" БАБУШКИ ХАЯТ

(Татары возвращаются на Волгу)

Известно, что после разгрома Казанского ханства и гибели многих его жителей были приняты меры для подавления продолжавшегося сопротивления местного населения и в первую очередь татар. Одной из таких мер стал запрет на татарские поселения около Казани и по берегам Волги. Цветущие татарские села, расположенные по обоим берегам Волги и близ Казани, были уничтожены и частично заселены русскими крестьянами-крепостными. В обстоятельном справочнике "Приволжские города и селения в Казанской губернии", изданном в Казани в 1892 году, отмечено, что ни в одном селе по обоим берегам реки от Свияжска до Тетюш не проживало ни одного татарина. Всего несколько деревень сохранили свои старые названия, большинство же было переименовано.

В начале 20-х годов правительство Татарстана, возглавляемое в то время К. Мухтаровым и главным идеологом татарского возрождения в рамках советских и партийных законов Г. Мансуровым, принимает ряд решений по восстановлению татарской культуры и "возвращению исторического долга". Одним из первых шагов стала попытка возвращения в ближайшее Приказанье и на берега Волги татарского населения. Учитывая, что удобные места были уже заняты и земля распределена, предусматривалось выделение пустошей и ненаселенных мест. Эту акцию начал нарком земледелия Юнус Валидов. Именно тогда на карте республики появились названия сел Кызыл Байрак, Янга Болгар, Чингиз, Нариман, Бакча-сарай и др. Заселение проводилось в основном семьями малоземельных крестьян из близлежащих волостей и уездов. Хотя с тех пор прошло более 70 лет и большинство "первопроходцев" нашло свой приют на сельских кладбищах, безвестных погостах архипелага ГУЛАГ и солдатских могилах от Подмосковья до Берлина, хоть и чрезвычайно редко, встречаются еще люди, не только помнящие эти годы, но и принимавшие участие в "возвращении" на земли своих предков.

Одна из них — Хаят-апа Каримова. Многим казанцам известно название "Бакча-сарай" — небольшая группа домиков, окруженных садами на крутом берегу Волги, между Матюшино и Ташевкой. Место живописное, и раньше, когда не было еще такого массового строительства дач и садов, уже с зимы не было отбоя от казанцев, желающих снять комнаты для летнего отдыха. Сейчас их стало поменьше, но есть... Хаят-апа — единственный в деревне человек, который не толь-

ко помнит историю ее создания в 1925 году, но — и это удивительно, — сама была в числе 8 человек, первыми пришедших на этот пустынный тогда берег, на котором им предстояло жить. В свои 87 лет у нее прекрасная память, да и работой по дому летом еще занимается, вкусно готовит на радость своим многочисленным правнукам. Давайте с ее помощью приоткроем одну из страничек истории татарского народа...

Когда в деревню Абыз-аул Камско-Устьинского района пришла из волисполкома весть, что малоземельным и многодетным семьям выделяется земля на Волге около Казани, желающих было не так уж много. Земли, конечно, не хватало, но места-то обжитые, здесь жили их деды и прадеды, и у каждого свое место печали и памяти на тенистом сельском кладбище, где под скромными памятниками покоятся их тела, а души витают над родным жильем.

В числе решившихся на переезд 7 семей из двух деревень были и Каримовы — Ярулла и старший сын Гали. Отец Хаят-апа Ярулла сказал 15-летней дочери: "Если не боишься, то едем с нами, а мама и остальные дети пока останутся здесь". Так Хаят стала первой женщиной будущего аула. Ехали на место два дня. Место действительно живописное, крутой берег, заросший орешником и ежевикой, недалеко лес, чуть выше по реке виден высокий храм села Ключищи, а вдаль в дымке проглядывает Казань. А напротив необъятные заливные луга и матюшинские леса. Правда, за водой приходилось спускаться по крутой тропе. Но у Хаят апа оказалась счастливая рука. Она нашла ключ неподалеку от стройки. Еще и сейчас струится он на радость детворе. На работе доставалось всем. Вначале жили в землянках. Первый дом привезли из деревни, а следующие рубили уже на месте. Хаят готовила немудреную пищу для всех. Взрослые хвалили — "булган кыз — бэхетле булырсын". Через несколько дней спохватились — а где же мы живем? Как назвать новый аул? После работы сидели и обдумывали название. Тогда была мода на революционные или связанные с революцией названия... И вот Хаят неожиданно для взрослых вмешалась в разговор: сами ведь говорите, без сада нет уюта в деревне, и яблони собираетесь сажать, и малину, и смородину. Тогда Гали Каримов и сказал: "Пусть будет наше место Бакча-Сарай — Садовый дворец или, попроще, дома в садах". Всем понравилось. На том и порешили. И в заявке в волисполком на семена и ссуду подписались — "жители аула Бакча-сарай". Вскоре пришло и официальное утверждение из Казани. Может быть, решили: есть уже политические названия, связанные с красным знаменем, полководцами древности, политическими деятелями, пусть будет хотя бы одно, связанное с природой.

Жизнь Бакча-сарая протекала тем же руслом, как и тысяча других деревень — сытые годы НЭПа, крутое раскулачивание, голодные "трудодни" и наметившееся перед войной облегчение жизни. Создание в 1927 году с/х артели "Урак" обеспечило сносную жизнь. Выручала и Волга — и дрова во время половодья приносила, и рыбой не обделяла... По-разному сложилась жизнь первопроходцев. Гали Каримов — человек смелый и хозяйственный — был замечен в верхах и прошел через работу в ТатЦИКе, стал секретарем Мензелинского райкома, затем работал в Казани. 1937 год он встретил в тюрьме, но выжил. Родные места увидел только через 17 лет.

На войну ушли почти все мужчины Бакча-сарая. Вернулись немногие. Сама Хаят получила образование, стала учительницей, вышла замуж, жила и работала в Мензелинске. Ярулла всю свою долгую жизнь провел в Бакча-сарая. Был первым председателем колхоза. В Бакча-сарая успел отметить свое 90-летие в 1968 году. Он и стал его последним годом на земле.

Прошли годы. Дети уехали в город, получили образование. А две дочери Хаят-апа стали видными врачами. Многие из тех, кто поправлял здоровье в санатории "Казанский", с благодарностью вспоминают внимание, доброту и врачебный дар Алсу Хамитовны. Может, это и от Хаят-апа. Умеет она и успокоить, и утешить.

Открою один семейный секрет — Хаят-ана очень любит стихи. И не только читать. Вот одно из них:

Нам всем милей родная сторона,
Хотя красивых сел вокруг немало —
Но здесь прекрасней светлая луна,
И солнце ярко только здесь сияло.

Придет в сады дождливая пора —
Нанижет вишня жемчуга на ветки,
И засверкают капли серебра,
Запутавшись в листья зеленой сетки.

Как мелодично пенье соловья,
Когда заря, алея, расцветает.
Лягушки голос, тайною маня,
Звучит, когда закат багровый догорает.

Благоуханьем, свежестью листья
Наполнятся в пору цветенья сад.
И каждый — может быть, и Вы, —
К нам погостить приехать будет рад.

(Перевод С. Малышевой)

Недавно говорил с ней по телефону. Здоровье? По возрасту. Но ведь придет весна, вернется в Бакча-сарай и снова будет хорошо. Верю, не одну еще весну будет встречать Хаят апа на крутом берегу Волги, куда вернулись татары 70 лет тому назад.

ФАТЫХ ТУХВАТУЛЛИН: СУДЬБА ПОСЛАНЦА СТАЛИНА

Впервые имя этого незаурядного человека, политика и военачальника, после многих злоключений в годы гражданской войны приехавшего в Башкирию по личному направлению Сталина и погибшего в 1938 году, не признав себя ни врагом народа, ни японским шпионом, я услышал от Асьмы ханум, дочери Ризы Фахретдинова и жены Галимзяна Шарафа. Уникальная память о многих выдающихся деятелях культуры и политики, входивших в круг общения ее отца и мужа обогатила и мое представление о нашей истории, помогла за сухими строками архивных документов увидеть живые лица тех, кого перемололи неумолимые жернова "тоталитаризма".

Как-то во время нашей беседы, перебирая фотографии тех давних дней (так и хочется по шаблону сказать: выцветшие, но они на удивление хорошо сохранились, в отличие от более современных), она сказала: а вот этот бравый кавалерист, комиссар Башкирского полка, снятый вместе с другими на фоне одного из дворцов Петрограда, — мой дядя (брат матери) Фатых. Он, как и мой брат Ахат, был членом Учредительного собрания. Наверное, и тогда это было уникальным явлением — два члена высшего органа России из одной семьи. Асьма-ханум добавила: он был другом Алкина, соратником Заки Валиди и, кажется, его даже принимал сам Сталин. Подумав, она добавила: по крайней мере, семейное предание гласит, что, когда его арестовали в 1937 году, он заявил: "Не потеряйте вот этот документ — это мое направление в Уфу, подписанное Сталиным". В ответ он получил удар сапогом в живот и услышал выкрик: "Не клевети, вражина, на вождя, он врагов и шпионов не посылает". Но это только предание, — закончила она этот сюжет...

Реальность, связанная с Фатыхом Насыровичем Тухватуллиным, оказалась, однако, намного интереснее, и, наверное,

пришло время более подробно рассказать об этом выдающемся деятеле национального движения, оставившем заметный след в истории России на крутом переломе ее судьбы. Времени, которое дало название одной из самых правдивых книг о революции и гражданской войне — "Россия, кровью умытая".

Лето 1937 года — новый этап трагедии России. Миллионы жертв необъявленной "гражданской войны". Но, в отличие от той, — войны против безоружных, деморализованных людей, сопротивление которых в редких случаях было пассивным, — отказ от признания вины, а в большинстве случаев жертвы покорно шли на эшафот, да еще иногда выкрикивали слова приветствия главному палачу... Двадцать лет тоталитарного режима не прошли даром.

Ф. Тухватуллин арестовали в Уфе 27 июля 1937 года. В деле первые установочные данные: Тухватуллин Фатых Насырович. Родился в 1894 году, д. Чубуклы Заинского района ТАССР. Отец мулла, умер в 1907 году. Самостоятельное хозяйство с 1915 г. Сестра — жена муфтия. 1915 — 1917 — РСДРП — меньшевик. ВКП(б), 1927—1936 — исключен. Татарин, разведен, прож. Уфа, Чернышевского, д. 71, кв. 10. Дело начато по признакам статьи 58 УК РСФСР с подпунктами — 2, 6, 8, 10, 11. Что означало: заговор, подготовка терактов, шпионаж, создание к/р организации, к/р агитация; такой "набор" и арестанты, и следователи именовали "большой букет": каждая статья была расстрельной. Перечислим имена и должности официальных лиц, дававших согласие на арест и утверждавших его: Карпович — заместитель наркома внутренних дел БАССР, капитан, Тимошунас — начальник 3-го отдела, лейтенант, Нуретдинов — начальник отделения 3-го отдела, мл. лейтенант, и оперуполномоченный Шляпников. При аресте изъято: 9 р. 91 коп., печать шелководческой станции и разные бумаги... Вот такой страшный по своей будничности перечень. Читателю надо бы запомнить имена и тех, кто арестовывал, ибо в конце очерка мы к ним еще вернемся для размышлений, выходящих за рамки конкретных судеб. А теперь давайте попробуем проанализировать судьбу этого человека на фоне сложнейших и противоречивых событий конца 1917 — начала 1918 года, когда на политической арене боролись за лидерство самые различные силы антибольшевистской ориентации, от монархистов до "де-

мократической" контрреволюции и многочисленных национальных движений. Именно эта борьба дала большевикам столь необходимую им передышку, позволила консолидировать силы и, несмотря на ряд чувствительных поражений, выиграть гражданскую войну.

Волей судьбы вчерашний студент Фатых Тухватуллин оказался в эпицентре ряда эпизодов этих судьбоносных событий. То была характерная примета любого смутного, то бишь революционного, времени, когда вчерашний прапорщик становился вершителем судеб огромной армии, ученик аптекаря мог возглавить орган, милующий или казнящий тысячи людей. Да и в наше время, когда старшие лаборанты, завхозы и тем более завлабы мгновенно оказывались на вершине власти, такая карьера была одно время чуть ли не правилом. Впрочем, не ново все это, вспомним хотя бы головокружительный взлет скромного корсиканского младшего офицера...

В годы первой мировой войны Фатых Тухватуллин разделяет социал-демократические идеи в их меньшевистском варианте, а после свержения самодержавия все более склоняется к набиравшему силу национальному движению. Этому способствуют и семейные связи. В доме Ризы Фахретдинова он общается со многими видными представителями интеллигенции, становящимися лидерами общественных движений. Вдумчивый и рассудительный студент пользуется популярностью среди населения, часто выступает на митингах и собраниях. Во время выборов в Учредительное собрание в конце 1917 года он становится одним из самых его молодых членов — его направляют в Петроград избиратели по списку № 11 от татаро-башкирской группы Перми.

Известно, что этот демократический орган после того, как большевики и левые эсеры потеряли надежду прибрать его "к рукам", был разогнан "уставшим" караулом. Из 38 членов ВУС — мусульман на этом драматическом заседании участвовали, судя по сообщению татарской прессы, 9 человек: Цаликов, Сунчелей, Ибрагимов, Туктаров, Мухамедьяров, Ильясов, Ахмеров, Салихов. Вместе с большевиками перед разгоном собрания ушел Г. Ибрагимов, представлявший левых эсеров, избранный по списку № 3 от Уфы. Заметим, что Мулламур Вахитов с большевиками с заседания не уходил по причине того, что приехал в столицу уже после разгона. А мно-

гие годы культивируемая историками легенда о Вахитове, уходящем из Таврического дворца с "гордо поднятой головой", — один из мифов, долженствующих еще более приукрасить эту политическую фигуру. Хотя по своим реальным, а не мнимым революционным заслугам он в таком политическом допинге не нуждался. Не успел на открытие, в числе большинства мусульманских депутатов, и Фатых Тухватуллин. Прибыв в Петроград приблизительно в одно время с Вахитовым, Манатовым и некоторыми другими представителями поволжско-уральского региона, он не стал искать контакта с большевиками. Среди тех, с кем общался и кому задавал недоуменные вопросы молодой посланец пермских националов, были такие заметные на политической арене люди, как Ахметбек Цаликов, Шакир Мухамедьяров, внук знаменитого имама Загид Шамиль, Фуад Туктаров, еще один уфимский эсер Шариф Сунчелей, знаток Востока и военный разведчик генерал Абдулгизиз Давлетшин и др. Обращает на себя внимание отсутствие в столице членов Учредительного собрания — башкир.

Сложен и противоречив был мир политики с его парадной сценой и мрачным "закулишем", где и решались судьбоносные проблемы, представший перед молодым идеалистически настроенным провинциалом Фатыхом Тухватуллиным. Члены Учредительного собрания, в большинстве своем молодые политики, нередко полностью отходили от политической деятельности и уходили в небытие, увидев всю сложность и беспощадность общественной жизни, ее неумолимое сползание на тропу гражданской войны. Фатых Тухватуллин в политике остался, в отличие от своего племянника, тоже члена ВУС Абдулахата Фахретдинова, выбравшего инженерную деятельность. В середине лета он возвращается в родные края, а затем его видят в Казани, Уфе, Перми и Оренбурге. В Оренбурге он встречается с Заки Валиди, Алиханом Букейхановым и другими членами Учредительного собрания, не поехавшими на его открытие. Очевидно, под их влиянием Тухватуллин склоняется к поддержке новых национально-государственных образований восточных регионов России, однако не связывает себя конкретной работой в их структурах. Тем временем обстановка в стране становилась все более взрывоопасной. Уход Украины, Польши и Финляндии на западе, создание новых национально-государственных об-

разований на Востоке страны, оживление антибольшевистских сил в ряде регионов ставило под сомнение существование Советской власти, так легко пришедшей к управлению страной на смену безвольному и деморализованному Временному правительству. После выступления чехословацких формирований центром притяжения антибольшевистских сил становится Среднее Поволжье, а Самара напоминает временную столицу страны. Значительная часть членов Учредительного собрания, нашедшая убежище в Самаре, сконсолидировалась в квазиправительство — КОМУЧ. В числе их мы видим и Ф. Тухватуллина.

Очевидно, несмотря на отсутствие большого политического опыта, определенные черты характера Тухватуллина были замечены и оценены общероссийской политической элитой. К ним надо отнести спокойствие, умение не теряться в экстремальных ситуациях и находить компромиссы даже в самых тупиковых политических обстоятельствах. Так, по поручению правительства он вместе с членом ВУС В. Подвицким ведет переговоры с Заки Валиди в Оренбурге. Речь шла о координации усилий двух правительств. В сложной политической обстановке происходили переговоры Тухватуллина в Челябинске, где была сделана попытка договориться о повышении эффективности совместных действий сибирского правительства, башкир, казахов и казачества. Однако попытка Самарского, а затем Уфимского правительства стать "третьей силой" и альтернативой и красному, и белому тоталитаризму успехом не увенчалась, и виной тому не только красные. К востоку от Урала все большую силу набирала "генеральская" оппозиция, которой действия "уфимцев" казались чересчур уж "розовыми", росли и атаманский сепаратизм, и удельные настроения. Поэтому сейчас, когда мы можем свободно обсуждать политические процессы прошлого, и противники большевиков уже не напоминают отрицательных персонажей комиксов и мультфильмов, надо прямо сказать, что, обвиняя большевиков в установлении красной диктатуры, надо отдать должное и их противникам, весьма преуспевающим в установлении белой. Путь, который, возможно, открывала "третья сила" для вхождения в мировое демократическое общество, был взорван и красными, и белыми.

В октябре 1918 года во время политических переговоров Фатых Тухватуллин и некоторые другие представители уфим-

ского правительства были арестованы офицерским отрядом. Это стало своеобразной прелюдией к состоявшемуся через месяц перевороту, приведшему к власти Александра Колчака. В Челябинске это было пробой сил, и довольно успешной. Правда, арестованных быстро освободили. Но настроения офицерства не вызывали сомнения в том, что следующий арест "демократии" может кончиться трагически. Что, кстати, и случилось чуть позднее в Омске, где были казнены несколько членов Учредительного собрания.

Не желая больше искушать судьбу и реально предвидя предстоявшие вскоре события, Тухватуллин выезжает из Челябинска в село Темясово, где в то время размещалось башкирское правительство и находился сам Валиди. Так для Тухватуллина начался новый виток его политической карьеры. Известно, что башкирское правительство Валидова — его именовали именно так, хотя формальными главами были вначале Бикбов, а затем Кулаев, — пошло на контакты с антибольшевистскими силами, а затем и Колчаком в немалой степени из-за нигилистического отношения к национальным движениям ряда лидеров большевистской партии как в Москве, так и на местах. Да и затем стремление отдать приоритет классовым критериям перед общенациональными, выражавшееся нередко в весьма резкой и бестактной форме, серьезно мешало интеграции деятелей национального движения в советские реалии. По поводу местных имперских нравов, не выдержав их провинциальной прямолинейности, мешающей более изощренной политике центра, Ленин в телеграмме, направленной Эльцину и другим руководителям Уфимской губернии, разразился гневной тирадой: "Перестаньте, в конце концов, дразнить башкир". Тухватуллин в ходе драматических переговоров Валидова с Москвой о переходе на сторону советских войск играл заметную роль. Как член ревкома поддерживал порядок в ходе непростого процесса перехода башкирских войск, сопровождавшегося многочисленными жертвами среди войск и местного населения. История рассудила так, что в перипетиях гражданской войны наибольшие людские потери понесли башкиры. Наибольшие страдания от военного лихолетья также достались башкирскому населению. Жертвами разнузданной красной военщины стали поэты Бабиц, Иркабаев и другие представители интеллигенции. Мирсаид Султан-Галиев, имевший поручение Ленина и Ста-

лина содействовать переходу башкир, зная настроения многих командиров красных, и в первую очередь командарма Гая с его антимусульманским синдромом бывшего кавказского боевика, превышая свои полномочия, предупреждал Валидова о необходимости сугубой осторожности при заключении соглашения с красными, он даже советовал сменить участок фронта для перехода. Эти драматические, переходящие в трагедию события описаны в воспоминаниях Валидова и книге Мусы Муртазина "Башкирские войска в гражданской войне". После отъезда Валидова и Юмагулова в Москву для встреч с Лениным, Сталиным и другими лидерами Советской России Фатых Тухватуллин исполняет обязанности Председателя Ревкома Башкирии — прообраза будущего правительства.

В марте 1919 года началось длившееся 15 месяцев сотрудничество правительства Валидова с Советской властью, закончившееся в июне 1920 года уходом его с политической арены.

Очевидно, что Ленин и Сталин, хорошо информированные о башкирских делах, посчитали, что после разгрома башкирского правительства и капитуляции "Алаш-Орды" опасность сепаратизма вновь создаваемых республик уменьшилась, да и преподанный урок не прошел даром. В декабре 1920 года практически все арестованные и находившиеся в Москве члены правительства Валидова были освобождены. Многие из них были приняты Сталиным, лично определявшим их дальнейшую судьбу. Алкин был оставлен в Москве и направлен на преподавательскую работу с запретом "появляться в Башкирии". Исхак Рахматуллин направлен обратно в Татарию, устроен преподавателем партшколы с обещанием восстановления в партии. Тухватуллин, как и большинство других экс-наркомов, вернулся в Башкирию для использования на руководящей работе во "втором эшелоне". Во время приема у Сталина в начале 1921 года Тухватуллин просил о направлении на учебу, однако было сочтено, что он будет более полезен в Уфе, ставшей к тому времени столицей республики. Сталин напомнил, что хотя Тухватуллин хорошо проявил себя как один из руководителей башкирской дивизии, защищавшей Петроград от Юденича осенью 1919 года, а затем успешно провел ряд секретных операций по уничтожению белобандитов в Башкирии в качестве Председателя ЧК, путь к возвращению в эти

ведомства ему закрыт по причине политического недоверия. Однако, подбодрив "штрафника", он добавил, что есть немало руководящих должностей, где и беспартийные специалисты могут принести пользу, тем более в деловых качествах Тухватулина он не сомневается. После переговоров в ряде ведомств было решено, что Тухватуллин будет работать заместителем наркома и скорее всего — земледелия. Мандат № 4350 от 16 апреля 1921 года, подписанный Сталиным, удостоверял, что его предьявитель направлен в распоряжение Башсовнаркома для использования на руководящей работе. Перед отъездом он встретился на Лубянке со следователем Веровым, и тот предупредил, что Тухватуллин должен воздержаться от всяких контактов с оппозиционными деятелями и вообще держаться подальше от всякой политики. Добавив, что Сталиным рассматривался вопрос о недопущении его в Башкирию, как Алкина, и направлении в одну из центральных губерний, но он, Веров, поручился за него...

Так закончилась для Фатыха Тухватулина гражданская война. Надо было привыкать к новым реалиям, памятуя, что и Учредительное собрание с участием в самарских и уфимских органах власти, теперь уже прямо называемых "белыми", и служба у Валидова, а через него — и у Колчака, и уход в июне 1920 года во "внутреннюю эмиграцию" — будут долго (он еще не знал, что всегда) висеть тяжелыми гирями на его политической карьере. Знал он и о том, что при любой смене политического курса по отношению к религии вспомнят, что отец был мулла, а сестра — жена муфтия. И ни его ратные заслуги в боях против Юденича, когда судьба Петрограда висела на волоске, а большевистская верхушка во главе с Зиновьевым уже паковала туго набитые чемоданы, ни рискованные погони за бандами в горах Предуралья во внимание приниматься не будут...

В мае 1921 года Ф. Тухватуллин назначается заместителем наркома земледелия БАССР. На этой должности он пробыл рекордный для руководителей этого звена срок — до 1931 года. В его ведении находилось животноводство. Особенно много занимался он коневодством, сильно пострадавшим во время войны. По тем временам это была стратегическая отрасль. Умы многих военных и политиков туманили еще картины прошлой войны, когда конные армады нередко решали стратегические задачи. Непосредственное шефство над этой

отраслью осуществлял Семен Буденный — символ красной кавалерии, занимавший посты главного инспектора кавалерии Красной Армии и заместителя наркома земледелия по тому же делу. Тухватуллин бы на хорошем счету и у него, и у местных руководителей. Его рассудительность и фантастическое трудолюбие создали ему непререкаемый авторитет в управленческих структурах. В политические конфликты, которыми так богата история и Башкирии, и особенно Татарии в 20-х гг., он не вмешивался. В 1927 году после совета с Москвой (говорили, что с самим Сталиным, в это мало верится, но отдел партийных органов ЦК, очевидно, дал на это согласие) Тухватуллин принимается в партию... В 1928 году вышла в свет его книга по истории Башкирии. Известно, что коллективизация нанесла серьезный урон производительным силам деревни. В числе мер по восстановлению сельского хозяйства предусматривалось создание во всех республиках и крупных областях научных центров по изучению и анализу положения дел в земледелии и выдаче практических рекомендаций. Такой институт по реконструкции сельского хозяйства создается в Уфе, и директором его назначается в 1931 году Ф. Тухватуллин. Это был многопрофильный научный центр, в ведение которого входили все проблемы сельского хозяйства, от растениеводства и животноводства до экономики и обобщения опыта соцсоревнования и работы политотделов.

После убийства Кирова в стране начинается новый тур интенсивных репрессий, поиск врагов народа, особенно из тех лиц, кто ранее был замечен в оппозиционных взглядах или участвовал в гражданской войне не на той стороне баррикад. Тухватуллин снимается с поста директора института и назначается с большим понижением директором шелководческой станции. Его исключают из партии.

Такова была биография Тухватуллина, с ареста которого мы начали очерк. В деле показания обвиняемого начинаются с ноября 1937 года. До этого есть только небольшое заключение предварительного допроса: "никаких обвинений не признает, от показаний отказывается". В чем обвиняли его на первом этапе следствия: сторонник буржуазного экономиста Чаянова, помогал издать книгу некоего Слепцова, пропагандирующего его идеи, мешал внедрению какой-то английской капусты, долженствующей давать по 50 тонн мас-

сы с гектара (сколько мы и потом внедряли разные чудораствения, позволяющие одним махом решить все кормовые проблемы!) и, наконец, подрывал обороноспособность страны тем, что плохо заботился о "дубовом шелкопряде".

На допросах 7, 19 ноября и 3 декабря Тухватуллин полностью отрицает любую вину, называет себя жертвой оговора. Обратите внимание, как интенсивно "работали" следователи, даже 7 ноября отдавали борьбе с "врагами". С них требовали тоже жестко. Оперативные приказы Ежова и цифровые показатели на аресты "врагов", утвержденные Политбюро ЦК ВКП(б), читай: Сталиным, — следовали один за другим. В деле есть показания ряда лиц, в основном тех, кто активно участвовал в политической жизни в 20-е гг., а затем отошел от нее и работал за пределами Башкирии. В их числе — Бишишев А. А., бывший секретарь Башобкома. В Москве стал крупным хозяйственником-строителем. Возглавлял строительство крупнейших подмосковных аэродромов Щелково и Центрального им. Фрунзе, Бикбаев Н. Р. — аспирант, бывший активный участник гражданской войны, Ибрагимов А. Х. — бывший замнаркома внутренних дел республики, Кушаев Х. Ф. — бывший Председатель БашЦИКа и многие другие. Эти показания, выбитые из жестоко избиваемых и смертельно уставших людей, — некоторые из них, очевидно, ожидали смерти как избавления от мучений, — сами следователи той поры называли романами. Из них следовало, что они создали группы (в них якобы входил и Тухватуллин), которые продали Башкирию японцам и немцам, готовили теракты против Орджоникидзе и секретаря Башкирского обкома Быкина. Фамилия Быкина была затем убрана — его самого расстреляли как врага народа. Некоторые признания носили фантастический даже по тем временам характер. Один из обвиняемых "признал", что его завербовал в немецкие агенты скрипач Бари Каримов, вернувшийся после учебы из Германии еще в 1924 году.

В декабре начал давать "признательные показания" и сам Ф. Тухватуллин. В них нет ничего нового — подтверждение того, что приносили уже напечатанным следователи. Мы имеем сейчас возможность узнать горькую правду о том, как добывались признания. В основном это воспоминания тех, кто выжил. Те, кто погиб, унес свои страдания в небытие. Но очень редко все же доходят и голоса мертвых. Фатых Тухва-

туллин уже тогда рассказал все или почти все. Почему так случилось? И в то время были люди в самой карательной системе, как правило, рядовые, по разным причинам доносившие до родных весточки из камер. Вот эти три письма, дошедшие до родных: 1 ноября 1937 года он пишет, что бьют ежедневно, по три-четыре дня заставляют стоять без сна, свидетелями называют лиц, которых никогда не встречал или знал очень давно. Обвиняют в союзе с Исанчуриным, который исключил его из партии. В конце приписка "очень страдаю морально". Письмо, написанное в январе. Пишет, что оговорили его Слепцов и Гришкан. Просит найти в Москве бывшего чекиста Верова, работающего теперь в институте марксизма. Он вел дело Тухватуллина в 1920 году и доложил Сталину о его невинности. И, наконец, третье и последнее — написано весной 1938 года. Приводим его дословно. В комментариях оно не нуждается: "Перенес такие истязания и пытки, что вы не можете себе представить. Не выдержав побоев и заключения в холодном карцере, я подписал фальсифицированное по усмотрению следователя ложное обвинительное заключение. Больше терпеть пытки не был в состоянии. Тысячу раз повторяю: я не виновен. Мне показали напечатанные на машинке листы бумаги, якобы показания лиц, перечисленных в первом письме, а также Исанчурина. Я с ним вообще никакой связи не имел, не понимаю, меня решили обвинить без вины. Теперь освободили меня из карцера, обещали больше не пытаться и разрешили передачу. Если будет суд, то я расскажу на суде все... Угрозы расстрела в случае неподписания ложных показаний и сейчас еще звучат в ушах".

Следствие закончилось 19 мая 1938 года. Обвинительное заключение гласило: "В 1937 году 3-й отдел УГБ НКВД БАССР вскрыл и ликвидировал контрреволюционную, буржуазно-националистическую, повстанческую террористическую организацию". Перечислялся ряд фамилий ее "руководителей", в числе главных назван Ф. Тухватуллин. Подписал заключение для передачи в суд мл. лейтенант Шляпников и начальник 3-го отдела Альбицкий. На заключении наискосок надпись: "От подписи Тухватуллин демонстративно отказался. Сержант Ахтямов".

Выездная сессия военной коллегии Верховного суда заседала в Уфе 9—16 июля 1938 года. В те годы такие выездные

сессии организовывались для разгрузки московских судов и рассматривали сотни дел. В Казани такая же сессия в мае отправила на тот свет более 100 человек из числа руководящих работников Татарии и Марийской республики. В Уфе судили диввоенюрист Зарянов, бригавоенюристы Алексеев и Микляев. Особенно колоритной фигурой был секретарь суда юрист I класса Батнер. Только недавно он успешно участвовал в том же качестве на самом крупном политическом процессе того времени, отправившем на казнь Бухарина, Рыкова, Ягоду и ряд других лидеров из первого эшелона власти. И в Уфе за эту неделю прошли перед судьями многие десятки обвиняемых, еще недавно занимавших крупные руководящие посты. По иронии судьбы вместе посылали на расстрел и тех, кто еще недавно недрогнувшей рукой отправлял, отбирая партбилет, в подвалы НКВД своих товарищей по партии, и тех, кто был их жертвами. Грань между палачом и жертвой в тоталитарном обществе была весьма зыбкой и легко преодолимой... Чуть ниже будет еще одно подтверждение этого.

Ф. Н. Тухватуллин был доставлен на суд в первый день. Не знаем, успел ли он сказать все, что обещал в письме. Скорее всего нет. Да и значения это особого не имело, все было расписано заранее. Вся процедура, включая чтение обвинительного заключения и приговора, заняла 20 минут. Свидетели не вызывались. Тухватуллин виновным себя не признал и от своих показаний на предварительном следствии отказался. Заявил, что в контрреволюционной организации не состоял, вредителем, шпионом и террористом не был. От последнего слова также отказался, считая его бесполезным. Приговор гласил: "применить высшую меру наказания за участие в контрреволюционной организации, терроре и шпионаже в пользу Германии и Японии". В конце дела приписка от руки: "Приведен в исполнение 10 июля 1938 года". Последняя дата земной жизни Фатыха Насыровича Тухватуллина — политического деятеля, воина, человека, влюбленного в природу.

Немного о последующих событиях. Осенью 1938 года разогнанная до предела машина репрессий была если не остановлена, то, во всяком случае, резко замедлила ход. Тоталитарной системе необходимо было срочно менять людей, ставших символами беззакония. Это поручение Сталина блестя-

ще выполнил Берия. По его указанию два руководителя областных управлений НКВД обратились к Сталину с признанием того, что якобы железный сталинский нарком, кровавый карлик Ежов, втягивал их в борьбу против партии и ее руководителей, готовил их убийство. Осенью, а точнее — в ноябре 1938 года принимается целый ряд решений, ограничивающих на время власть НКВД. В назидание остальным в каждой области и республике проводятся аресты небольших групп следователей, отличавшихся наиболее изуверскими методами выбивания показаний. С середины 1939 года, конца 1940 года проводится ряд закрытых процессов над работниками НКВД. В феврале 1940 года расстреляли Ежова, вину свою он не признал и, когда его волокли на казнь, пытался петь "Интернационал". Так же, как после прихода Ежова шла охота за приближенными Ягоды, так сейчас все это повторялось с сообщниками Ежова. В Башкирии судили еще недавно всесильных бывшего наркома внутренних дел Медведева и его приближенных Альбицкого, Тимошануса, Карповича и Нуретдинова. Читатель помнит эти имена по началу очерка. Первые трое были расстреляны, двое получили по 10 лет лагерей. Предварительно у них выбили показания о том, что их действия нарушали указания партии и способствовали мировой контрреволюции. Тогда же казнили и казанских костоломов Михайлова и Шелудченко — наркома и его заместителя. Шелудченко в последнем слове жаловался на то, что он только выполнял нормы отстрела, спущенные сверху, а среди избиваемых им был Султан-Галиев, которого в свое время разоблачил сам Сталин. Не помогло. Система была беспощадна к своим слугам, когда в них миновала надобность или было необходимо найти очередных козлов отпущения.

В период этой небольшой оттепели, когда были выпущены некоторые из тех, кого не успели расстрелять, и прекращены отдельные следственные дела, отчаянную попытку узнать правду о судьбе своего дяди сделала Г. Шагиахметова, его воспитанница, почти что дочь. Попытки узнать судьбу Тухватуллина в Уфе были бесполезны — ответили, что он получил "десять лет без права переписки" и находится в дальних лагерях. Тогда в Москву пошло ее письмо на имя Берии. В нем говорилось, что Тухватуллин осужден "тройкой", цитировались его письма из тюрьмы и содержалась просьба

о пересмотре дела. Тем более такие случаи уже были. Л. Берия направляет письмо в Уфу, напоминая, что ответ должен соответствовать приказу № 00515 от 11 мая 1939 года. Этим приказом регулировали сообщения на просьбы родственников, в том числе и казненных без объявления в официальном порядке. Ответ был тот же: "10 лет без права переписки". После XX съезда КПСС начались серьезные подвижки в сфере гласности информации о судьбе репрессированных. Сообщения о том, что такой-то умер в лагерях через столько-то лет после осуждения, хотя приговор приводился в исполнение, как правило, в тот же день, постепенно заменялись правдивой информацией. В 1956 году наступил черед и Тухватуллина. Принимая решение о полной реабилитации, Верховный суд принял во внимание следующие обстоятельства: Тухватуллин виновным себя не признал ни на суде, ни во время следствия, уличавшие его свидетели на суде от своих показаний отказались, сослуживцы дали весьма положительную оценку его работе, назвав его "отцом коневодства". И, наконец, ПГУ КГБ СССР дало заключение о полном отсутствии каких-либо связей его с иностранными агентами.

Шагиахметовой было объявлено, что Ф. Н. Тухватуллин расстрелян 10 июля 1938 года и реабилитирован 26 июля 1957 года.

Недавно в селе Кичучат неподалеку от Альметьевска на родине великого мыслителя и муфтия Ризы Фахрутдинова открыли мечеть. Среди тех, кого поминают в молитвах за упокой души, звучит и имя брата его жены — Фатыха.

МИТРОПОЛИТ КИРИЛЛ — ПОСЛЕДНИЙ АРЕСТ

До сих пор еще не совсем ясны все обстоятельства, связанные с уходом из жизни патриарха Тихона, судьбой иерархов, определенными им в качестве своих преемников. Известно, что по завещательному распоряжению патриарха они перечислялись в следующем порядке: митрополит Казанский и Свияжский Кирилл, митрополит Ярославский Агафангел и митрополит Крутицкий Петр. К моменту смерти патриарха первые двое находились в ссылке в Усть-Сысольске и Нарымском крае, и церковь возглавил Петр. Правда, как оказалось, всего на 8 месяцев. Он был арестован 9 декабря

1925 года и вплоть до своей мученической смерти осенью 1937 года в Магнитогорске находился без всякого перерыва в заключении и ссылках. Агафангел с 1922 года находился в Великом Устюге в качестве ссыльного и умер в 1928 году в Ярославле, где и был погребен. И только Кирилл на короткое время оказался на свободе и успел лично высказать возглавлявшему церковь по секретному решению властей на самом высоком уровне митрополиту Сергию свое отношение к проводимой им политике. Но вернемся к апрелю 1925 года, когда при большом стечении верующих хоронили патриарха Тихона. В журнале "Источник" опубликованы недавно еще сверхсекретные материалы с донесениями агентов наружного наблюдения и осведомителей, внедренных в церковные круги. Из них следует, что во время похорон и в дни, предшествовавшие им, и рядовые верующие, и иерархи весьма одобрительно отнеслись к выбору патриарха и видели в Кирилле достойного преемника усопшего. Большинство считало, что власти возвратят его из заточения, и он займет патриарший престол. Однако этого не случилось, и местоблюстителем на короткое время, как уже было сказано, стал Петр.

Очевидно, есть смысл более подробно остановиться на личности Кириллы, выбор которого был одобрен большинством верующих. Ибо в нем видел угасающий патриарх кормчего, способного провести церковный корабль через все рифы и подводные камни бушующего моря безбожия, насаждаемого жестокой рукой властей сверху... В очерке "Последний казанский митрополит" автор попытался коротко рассказать о казанском периоде жизни Кириллы. Он вызвал ряд откликов, в том числе и духовных лиц, и просьбы более подробно рассказать о жизни и мученической смерти этого незаурядного человека, представлявшего, по мнению властей, реальную опасность атеистической политике партии и государства. В этом очерке использованы новые материалы, представленные Центральным архивом ФСБ России и архивом КГБ Татарстана, как правило, весьма положительно относящимся к поискам в целях выявления и выяснения научной истины, а не для удовлетворения праздного любопытства. Такое тоже встречается.

Итак, коротко о жизни Константина Илларионовича Смирнова до описываемых событий. Родился он в Кронш-

тадте в семье пономаря флотской церкви 16 апреля 1863 года. После окончания Петербургской духовной академии служил в ряде приходов, затем принял постриг под именем Кирилл. Перед революцией возглавлял Тамбовскую епархию, а затем короткое время — Бакинскую. Хотя русская православная церковь не была обделена крупными личностями, духовная мощь которых сравнима с евангельскими персонажами, что они доказали вскоре во время революционного, безбожного лихолетья, но и на их фоне фигура Кириллы была впечатляющей. Во время Поместного собора он привлекал всеобщее внимание и был, пожалуй, самым авторитетным советчиком его участников, в числе которых было 87 епископов.

Пожалуй, наиболее важным событием в духовной жизни Кириллы стало почти двухлетнее пребывание в Казани в качестве главы епархии. Казанская епархия занимала особое место в структуре русской православной церкви. В ее летописи есть разные страницы. Напомним только о тех, которые имеют непреходящее значение в истории страны. После взятия Казани ее возглавляли такие незаурядные личности, как Гурий и Герман, здесь начинал свое служение будущий патриарх Гермоген — один из спасителей Отечества в смутное время, принявший мученическую смерть от рук захватчиков. В Казани была обретена общероссийская святыня — икона Казанской Божьей Матери, создана Духовная академия — самый восточный форпост православия. В академии были размещены драгоценные рукописи и книги Соловецкого монастыря, увезенные оттуда ввиду опасности их захвата англичанами во время войны 1853—56 гг. Епархия насчитывала перед революцией многие сотни приходов и несколько десятков монастырей, в том числе два ставропигиальных. Автор не касается здесь сложной и противоречивой проблемы христианизации края и борьбы с мусульманской религией. Церковь следовала государственной доктрине, и всякие современные моральные оценки здесь неконструктивны. Мракобесы вроде Луки Конашевича, в нарушение указа Петра о сохранении болгарских древностей приказавшие разрушить бесценные исторические памятники, что вызвало возмущение Екатерины II, были все-таки исключением. К началу XX века наиболее острый этап противостояния двух великих конфессий был, на наш взгляд, пройден. А вскоре всех их — и мулл, и православных священников —

объединил "архипелаг ГУЛАГ". Но вернемся к судьбе Кирилла. Пользуясь некоторым смягчением политических нравов в конце гражданской войны, патриарх принимает решение укрепить ряд крупных епархий видными иерархами. В Казань, где большинство местных священнослужителей, включая и митрополита Иакова, оказались из-за перипетий гражданской войны за пределами епархии, был назначен митрополит Кирилл. Однако, в силу ряда причин нецерковного свойства, разрешение на въезд в Казань было дано только в июне. Первая встреча верующих с митрополитом была весьма впечатляющей: когда крестный ход в честь иконы Казанской Божьей Матери приблизился к входу в Казанский монастырь, на паперти собора его встретил величественный старец, обрамленный сединами. Им был Кирилл, приехавший за несколько часов до этого и прямо с вокзала проследовавший в монастырь.

Новый митрополит буквально вдохнул жизнь в угасавшую епархию. Будучи весьма требовательным и подчас суровым, в общении с прихожанами он оказался прост и доступен. Он произвел ряд перемещений в приходах и монастырях, подбирая людей, могущих, не роняя достоинство, налаживать отношения с властью имущими.... Во время ежедневного утреннего хождения Кирилла из Казанского монастыря, где была его келья, в Ивановский, на хорах которого временно находилось епархиальное управление, к нему безвозбранно обращались прихожане. Митрополит появлялся на улицах в скромном духовном одеянии, и о его высоком сане свидетельствовали только нагрудная панагия и белый клобук. Уважительно относились к нему и мусульмане. "Ак калфак" — белый клобук, — был окружен почтительным вниманием татар, ибо меч репрессий обрушивался на все конфессии. По этапам шли и муллы, и попы. Перед ЧК все были равны в своей мученической участи.

Вскоре после прибытия в епархию над митрополитом начали стучаться тучи. Напоминали об этом и замечания доброхотов, не советующих очень уж тесно общаться с прихожанами, и осторожные напоминания некоторых иерархов об опасности постоянного именованья патриарха "отцом нашим духовным", и многое другое. Сейчас трудно судить, насколько он привлекал внимание местных чекистов, и насколько оно предопределялось печально знаменитым церковным от-

делом ВЧК, а затем ОГПУ, возглавляемым Тучковым. Полагая, что активность Кирилла беспокоила власти только что созданной Татарской республики, но решения об аресте принимались в связи с делами более масштабными и в первую очередь связанными с патриархом. Казанский митрополит, по сведениям осведомителей, все чаще назывался Тихоном в качестве своего преемника. Очевидно, у него были веские основания все чаще задумываться о своей земной судьбе. Отсюда, возможно, и мрачная шутка патриарха: узнав о перестройке крематория в Донском монастыре — "Для меня готовят". Кирилла арестовали в ночь на 8 августа 1920 года, через два дня он был доставлен в Таганскую тюрьму, где тогда концентрировали духовенство. Судя по всему, шло изъятие из епархий наиболее авторитетных и преданных Тихону лиц. По воспоминаниям дочери А. Д. Самарина — бывшего обер-прокурора Синода и одного из кандидатов в патриархи, рядом с камерой ее отца находилась и "келья" Кирилла. Практически ни один из обвиняемых не знал ни точной формулировки его обвинения, ни предполагаемых сроков. В ходу были эффектные, но расплывчатые заключения — "до конца гражданской войны", а то и "до победы мирового пролетариата над мировым империализмом". Тюремные условия и нравы, особенно когда речь шла об известных деятелях, были еще сравнительно либеральными, заключенных посещали различные зарубежные представители. Когда одна из прогрессивных зарубежных дам спросила у священнослужителей о сроке их пребывания в заключении и узнала, что "до победы мирового пролетариата", последовал недоуменный вопрос: "А когда же это будет?" Увы, ни Кирилл, ни Самарин ответить на него не могли. Ответ дало уже наше время.

Из Казани приходили неутешительные вести. Попытки замещавшего Кирилла епископа Анатолия укрепить сельские приходы, открыть богословские курсы, на которых преподавали профессора и доценты закрытой к тому времени духовной академии, совершить объезды ряда храмов епархии — властями были встречены недоброжелательно. Особое возмущение вызвало утвержденное патриархом избрание Кирилла почетным профессором КДА. В апреле был арестован и Анатолий и вскоре оказался по соседству с митрополитом. В Казани весьма активную деятельность развили "обновленцы" и "живоцерковники" — инспирированные властями те-

чения, призванные помочь властям прибрать к рукам православную церковь. Отрешенный патриархом от пензенской епархии епископ А. Путята попытался (не без ведома властей) захватить епархию, провозгласив себя ее главой. Этот "набег" не увенчался успехом. Однако некоторые казанские приходы присоединились к "обновленчеству". Причины тому были разные, в том числе и не церковного свойства. В конце лета духовная жизнь Казани понесла новые потери — были высланы, а затем пополнили ряды "пассажиров" философского парохода близкие к церковным делам уполномоченный Главархива проф. И. Стратонов и ректор университета проф. А. Овчинников. В числе прочих "грехов" им припомнили и обращение к Луначарскому по поводу попытки конфискации бесценных сокровищ Кафедрального собора, представлявших огромную культурную ценность. Они были переданы в музей.

В начале лета Кириллу был объявлен приговор: ссылка на север "до окончания гражданской войны". Однако митрополиту суждено было еще раз вернуться в Казань, которую он успел полюбить и откуда мечтал уйти на покой и посвятить себя изучению соловецких книжных рукописных сокровищ. Очевидно, с этим связано и его избрание профессором академии. В конце 1921 года Кирилл был освобожден досрочно в связи с амнистией по случаю очередной годовщины Октября. Наверное, включая его в список амнистируемых, власти посчитали: митрополит отойдет от активной церковной жизни, да и возраст, близившийся к 60, уже не располагал к ней, как считали в ЧК. Одновременно освободили и Анатолия, однако в Казань он не вернулся, и был направлен патриархом возглавить Самарскую епархию.

В отличие от первого приезда, о возвращении Кирилла известно стало заранее, и встреча была торжественной. Приехавшего в ночь с 4 на 5 января 1922 года митрополита встретили колокольным звоном и крестным ходом. В тот же день он уже был в епархиальном управлении. На церковь обрушились новые заботы и тревоги. Теперь-то, после опубликования сверхсекретных документов, мы знаем, — бурная кампания по конфискации храмовых ценностей, проводимая под благовидным предлогом оказания помощи голодающим, преследовала и политические цели, столь откровенно высказанные Лениным в его печально знаменитом секретном письме

членам Политбюро: запугать церковь, для чего расстрелять наиболее преданных церковным канонам иерархов и прихожан, не останавливаясь перед прямыми провокациями. В Казанской епархии благодаря мудрости и умению идти на компромиссы без ущерба для веры, проявленными митрополитом, изъятие ценностей обошлось без жертв. Не было поводов и для арестов духовенства. Возможно, это в какой-то степени связано и с тем, что пришедшее к власти правительство Мухтарова и его главный идеолог Г. Мансуров (у них было немало сторонников и в обкоме) занимали по отношению к религии — и мусульманской, и другим, — сравнительно умеренную позицию. В то время их намного больше беспокоили хозяйственные проблемы: ликвидация последствий голода и новая экономическая политика. В отчете обкома специально отмечалось: изъятие ценностей прошло без инцидентов. Потери, конечно, были немалые: только в кремлевских храмах были изъяты серебряные царские ворота, ризы, лампы, кресты и панагии. Всего же в республике сдали около 400 пудов церковного серебра. Однако главные ценности, среди которых были иконы в драгоценных ризах, сосуды и другие исторические реликвии, к этому времени находились под присмотром комиссии по охране памятников и не подлежали конфискации. В мае на церковь обрушились новые удары, начавшиеся с ареста патриарха Тихона. В провинцию направляются целые десанты из "живоцерковников" и "обновленцев", призванных разрушить старые церковные структуры и облегчить низложение патриарха. В мае-июне в Казани прошли открытые диспуты с "обновленцами", на одном из них присутствовал и Кирилл, весьма почтительно встреченный публикой, стоявшей до тех пор, пока он не занял свое место в ряду. Митрополит принимает энергичные меры по восстановлению церковных структур, снова при большом стечении народа проходит встреча чудотворных икон, возобновляется постриг в иночество в Ивановском монастыре. Большой резонанс вызвало участие его в обряде венчания дочери казанского профессора с американцем из миссии АРА — Американской администрации помощи, принявшем православие. Обряд прошел в Варваринской церкви при огромном стечении народа. В мае был арестован Тихон, и власти узнали, что Кирилл назван им в узком кругу как наиболее вероятная кандидатура в патриархи в случае ухода из жиз-

ни. Кандидатура Кирилла, судя по информации, предоставленной ГПУ в Политбюро и лично Сталину, могла встретить поддержку большинства иерархов. Все это вместе взятое, вероятно, и предопределило судьбу митрополита. Ровно через два года после первого ареста, в августе 1922 года, Кирилл был арестован снова, и через два дня занял уже привычное место на Таганке. В 1922 году меры наказания были уже кодифицированы и формулировки типа "до окончания войны" или "до победы мировой революции" не применялись. Постановление коллегии ГПУ при НКВД РСФСР по делу К. И. Смирнова (он же Кирилл) гласило: "выслать за антисоветскую агитацию в Коми-Зырянскую автономную область". Срок указан не был, но устно сообщили — "не менее трех лет". Так началось "зырянское изгнание". Из активной общественной и церковной жизни был выведен, пожалуй, наиболее влиятельный и авторитетный иерарх. Человек, который мог пойти на определенные компромиссы с властями, но только до четко очерченного предела, за которым уступок не существовало. Во всяком случае, "свидетельствовать" перед мировой общественностью о полном благолепии в церковной жизни и мирволении к ней властей Кирилл, очевидно, не стал бы ни в случае избрания его патриархом, ни в случае местоблюстительства. Дальнейшая земная жизнь Кирилла не связана с Казанью, хотя во время его мученического пути многое о ней напоминало, в том числе встречи в камерах и на пересылках с теми, кого он духовно "окармливал" в казанской епархии. В начале очерка мы уже упоминали о том, что имя Кирилла было у всех на устах после смерти патриарха. Есть данные о том, что судьба патриаршего престола и кандидатуры на него рассматривались "инстанцией", и против возвращения Кирилла выступили Ярославский и Бухарин. Однако и митрополит Петр не устроил власти, и был арестован 25 декабря 1925 г.

Находясь в ссылках, Кирилл не перестал быть крупнейшей фигурой православной церкви и через личные послания и общение продолжал оказывать влияние на церковную, а через нее — и на общественную жизнь страны. Об отношении "князей церкви" к нему можно судить по уникальному документу, получившему в популярной литературе название "Послание соловецких архиереев". Немного о предыстории этого документа: к 1926 году Соловецкий лагерь особого на-

значения (СЛОН) стал местом наибольшей концентрации высших иерархов православной церкви и других христианских конфессий (чуть позднее стройку великого канала в тех же местах, только на материке, пополнят более тысячи мулл), причем наиболее принципиальных и непримиримых к воинствующему безбожию. Их неофициальным главой стал архиепископ Илларион, бывший член Поместного собора, избравшего Тихона патриархом. Один из самых молодых архиепископов (он был возведен в этот сан в 1920 году в возрасте 33 лет) Илларион сохранял верность Тихону и после его кончины, заявив: "Сгнию в остроге, но патриарху не изменю". Слово свое — при полном содействии властей — он в дальнейшем сдержал. В ночь на 9 июля 1926 года в ветхом кладбищенском храме Св. Онуфрия состоялась первая и последняя заутреня в лагере. Службу возглавил Илларион, присутствовали на ней более 500 духовных лиц и несчетное количество мирян — заключенных, заполнивших поляну около храма. После заутрени присутствующие епископы произвели путем подписей избрание патриарха и сформулировали свою позицию в документе, адресованном Председателю СНК СССР А. Рыкову, назвав его "Памятная записка соловецких епископов, представленная на благоусмотрение советского правительства". В этом преисполненном достоинства и духовной мощи трагическом послании говорилось: "В задачу настоящего правительства входит искоренение религии... За последние годы не было ни одного судебного процесса, на котором были бы доказаны политические преступления клира. Несмотря на это, многочисленные епископы и священники томятся в тюрьмах и ссылках, на принудительных работах... Причиной этого является задача искоренения религии..."¹. В письме (оно в копиях стало широко известно в епархиях) содержалось также обращение ко всем епископам "избрать на патриаршество Преосвященного Кирилла, томящегося в Зырянском изгнании". В числе подписавшихся мы видим и казанского соратника Кирилла, ставшего после Самары митрополитом Одесским и Херсонским, Анатолия (Грисюка). По некоторым "апокрифическим" сведениям, после этого письма Кириллу дважды через весьма авторитетных представите-

¹ Ильинская А. Соловки. Документальная повесть о Новомучениках// Литературная учеба. — март-апрель 1991, с. 79.

лей властей в Усть-Сысольске (ныне Сыктывкар), где он находился в ссылке, предлагали стать, согласно завещанию Тихона, "местоблюстителем" на условиях сотрудничества с властями и выступления с письмом к мировой общественности, должествующим "опровергнуть" слухи о гонениях на церковь в СССР. Ответ был краток: "Лжесвидетельствовать не могу!". И тогда начались поиски других кандидатур. У автора есть основания доверять этим сведениям... Во время работы в архиве ЦК КПСС мне встречались документы, говорящие о самом внимательном и пристальном отношении Сталина и, естественно, Политбюро к таким, казалось бы, "мелким" вопросам, как подбор кандидатур на зарубежные съезды духовенства, определение повестки внутренних съездов христианской и мусульманской конфессий, утверждение лиц, отвечающих за их проведение... Поэтому есть основания полагать, что подобные предложения Кириллу делались. События, происходившие после описываемых событий, не входят в тематику очерка, поэтому напомним о них кратко. В 1927 году после недолговременного ареста освобождается митрополит Нижегородский Сергей (Страгородский), бывший в свое время ректором Петербургской духовной академии, — человек интеллигентный, весьма образованный, достаточно известный в церковных кругах. В "Послании к пастырям и пастве" от 29 июля 1927 года (иногда его именуют "Декларация Сергея") возвещалось о прекращении конфронтации церкви с властями и включении ее в созидательный труд. С октября того же года Сергей распорядился о поименовании Советов, как власть имущих, во время церковных служб. Отношение к этим шагам местоблюстителя (а позднее и патриарха) Сергея было весьма сложным, особенно в то время. Нет единства в оценке его позиции и среди историков, как мирских, так и церковных. Диапазон расхождения велик: от "спасителя церкви" до ее "разрушителя". Эти споры возобновились с новой силой в наше время, которое, при всех его реальных недостатках, обеспечило гласность и свободу мнений, невозможную ни при советской власти, ни при самодержавии. Автор не считает себя вправе высказывать мнение по столь серьезному и требующему специального изучения вопросу. Замечу только, что после обработки со стороны властей, сопровождавшейся различными формами давления, подчас весьма изощренного, и, видя скорбный путь тех, кто не

соглашался на компромиссы, похожие на капитуляцию, некоторые оставшиеся на свободе или выпущенные на нее иерархи подписывали документы о положении религии в СССР, мягко говоря, приукрашивающие действительность. Это была участь всех конфессий тоталитарного государства без исключения — и мусульман, и христиан, и иудаистов, и др., и бог им судья, а не мы...

Но и в это время были люди, своей несгибаемостью заставлявшие вспомнить библейские и евангельские персонажи. Таким был и Кирилл. Известно, что позиция и документы, подписываемые Сергием, вызвали широкий резонанс в епархиях. Но особенно активно и даже более — бесстрашно — обсуждались они на многочисленных "островах" архипелага ГУЛАГ, где томились тысячи священнослужителей и сотни тысяч верующих мирян. Многие ждали отклика Кирилла, и он не замедлил воспоследовать. Обращаясь к Сергию 15 мая 1929 года, он на канонической основе показал неправомерность ряда его действий. В еще более резкой форме оценивали происходящее архиепископ Угличский Серафим (Самойлович) и поддержавшие его митрополит Иосаф, епископы Варлаам и Евгений. В разгоревшейся полемике, в которую подлило масла в огонь интервью, данное Сергием иностранным корреспондентам, в котором он утверждал, что слухи о преследованиях церкви необоснованны, участвовало большинство иерархов. Как правило, противники Сергея (а их было большинство) находились в тюрьмах, лагерях и ссылках, и их доводы не доходили до общественности. Единственным исключением была переписка Сергея с Кириллом. Однако просьба Кирилла ознакомить с ней некоторых крупных иерархов Сергием была оставлена без внимания. После завершения срока пребывания в Усть-Сысольске Кирилл по такому же обвинению был отправлен в новую ссылку в Туруханск.

Срок ее истек в августе 1933 года. После официального освобождения Кирилл проводит время в хлопотах о выдаче паспорта и определении места дальнейшего проживания до ноября. Наконец, годичный паспорт выдается в Красноярске и там же решается вопрос о местожительстве. По существовавшим и все более ужесточавшимся правилам лица, отбывшие наказание по политическим мотивам, не имели права проживать в городах и регионах, список которых постоян-

но расширился. Если в 20-х это были столицы и некоторые крупные города, то теперь "в минусе" находились практически все населенные пункты с числом жителей более 50 тысяч. Местом жительства определяется г. Гжатск, входивший по тогдашнему административному делению в Западную область. Так начался впервые после Казани период относительной свободы для 70-летнего митрополита, не утратившего, как показали последующие события, своей духовной мощи и влияния на умы современников.

Проездом в Гжатск опальный митрополит ненадолго останавливается в Москве, где и состоялась его встреча с местоблюстителем, а практически — главой официальной церкви, митрополитом Сергием. Встреча была короткой и сухой. Все, что их разделяло и делало символами различных путей развития церкви, было уже высказано в письмах. Мы не знаем содержания всего разговора, но одна важная деталь документально подтверждается. Вот как вспоминал эту встречу Кирилл: "Проездом через Москву я был в синоде у митрополита Сергия, которого я спрашивал, переотправил ли он нашу (мою с ним) переписку митрополиту Петру Крутицкому. Переписка эта представляет выяснение моих взглядов о церковном управлении. У митрополита Сергия я узнал, что переписка эта Петру Крутицкому не переслана, т. к. Петр Крутицкий находится в тюрьме, а где именно, Сергий не знает, т. к. сношений с ним не имеет". Не буду комментировать все это. И вообще, не дело гражданского историка проникать в глубины канонического спора. Дело это, как и Восток, очень тонкое. Но думаю, что суть не только в этом. Все, что происходило в личном смысле между двумя "патриархами", не допущенными к престолу и будущим, — это ведь драма шекспировского масштаба. В церковной и квазиреволюционной литературе сломано немало копий и для обличения, и для оправдания Сергия². Полагаю, что спор этот беспредметен. История, как считал Ключевский, никого еще ничему не научила, и каждая эпоха наступает на свои грабли. Над прошлым

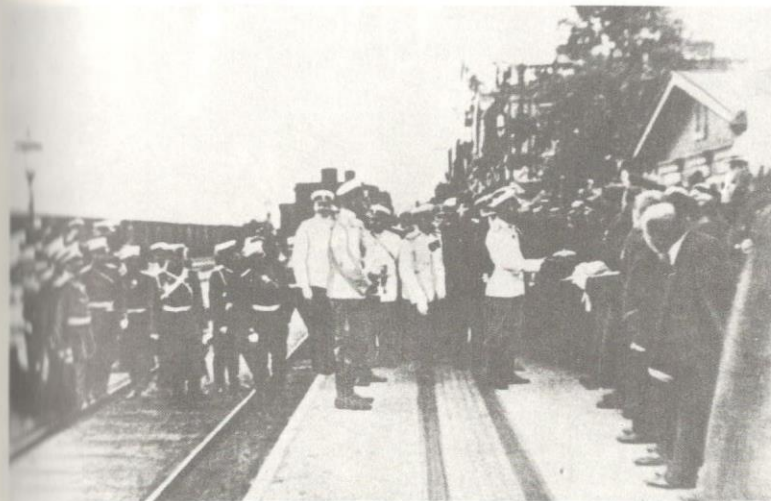
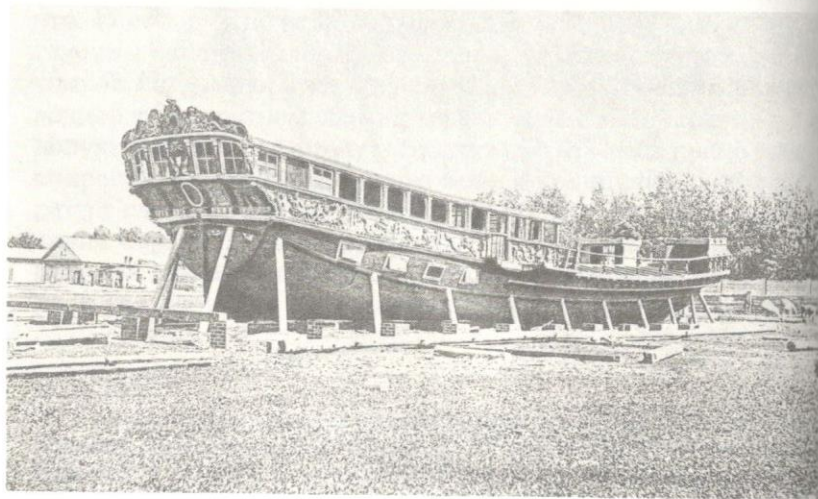
² Регельсон Лев. Трагедия Русской Церкви. 1917—1945. — Париж, 1977; Степанов (Русак) Владимир. Свидетельство обвинения. Т. 1—3 М., 1993; Кузнецов Н. Д. Церковь и государство. По поводу послания митрополита Сергия. М., 1928; и др.

Екатерина II.

Галера "Тверь" на вечной стоянке в Адмиралтейской слободе Казани. Сфотографирована в 1963 году.

Посещение Николаем II подданных-мусульман. Уфа. 29 июня 1904 года.

В ожидании царя. Уфа. 29 июня 1904 года.

Депутат I Государственной Думы Закир Рамеев (Дэрдменд) в первом ряду первый справа; депутат III Государственной Думы Садри Максудов стоит первый справа. Снимок в кругу семьи.

Депутаты I Государственной Думы после подписания Выборгского воззвания.

Депутат I Государственной Думы
С. Жантурин.

Подсчет бюллетеней
во время выборов в
I Государственную
Думу.
Санкт-Петербург,
1906 г.

Доктор Исмагил Усманов.

Исмагил Усманов и его супруга Ижбирдиева Гульганбар.

ПЕТРОГРАДСКИЙ
МУСУЛЬМАНСКИЙ
СВОДНО-ГВАРДЕЙСКИЙ
полкъ

стр. часть
5. Мадина 1918 г.
№ 306

Удостоверение.

Сим удостоверяется,
что представителю сего
Учреждения Усманова состоит
старшим врагом Петерб.
Муслиманского Сводно-Гвар.
Действ. полка.

Исмагил Усманов полка Мадина
полковник
по стр. части А. Кривошеин

فاتح اميرخان

Фатихъ Амирханъ.

Собственность издат. „Гасрь“

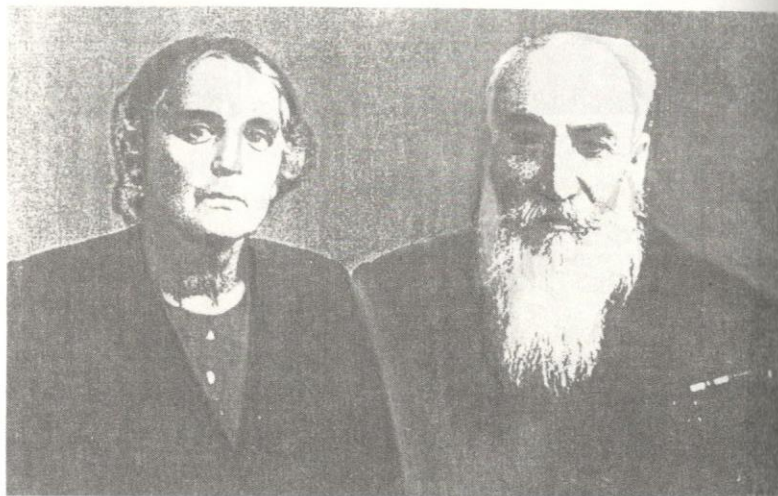
Депутат III Государственной Думы Галиаскар Сыртланов и его жена Амина.

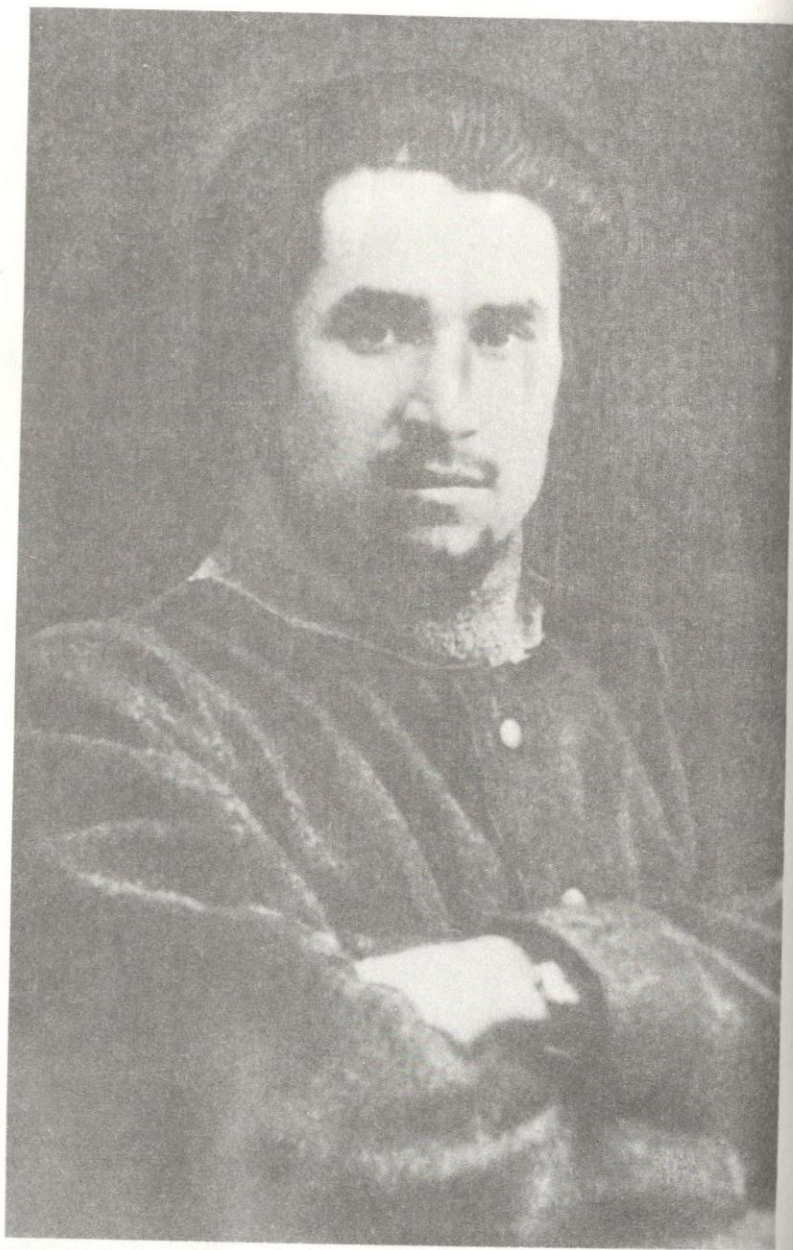
Женщины — общественные деятели 1917 года. Слева направо: И. Туктарова, делегат и докладчик на I съезде мусульман России в Москве; М. Муштары; М. Сагитова. Снимок 60-х годов.

Выборные страсти 1917 года. Предвыборные плакаты различных партий и групп.

Профессор Дагестанского сельхозинститута Дауд Шейх-Али с женой. 1954 г.

Мирсаид Султан-Галиев. Его отряд был в числе последних защитников г. Казани в августе 1918 г.

Подполковник В. Каппель, один из организаторов разгрома красных в Казани в августе 1918 года.

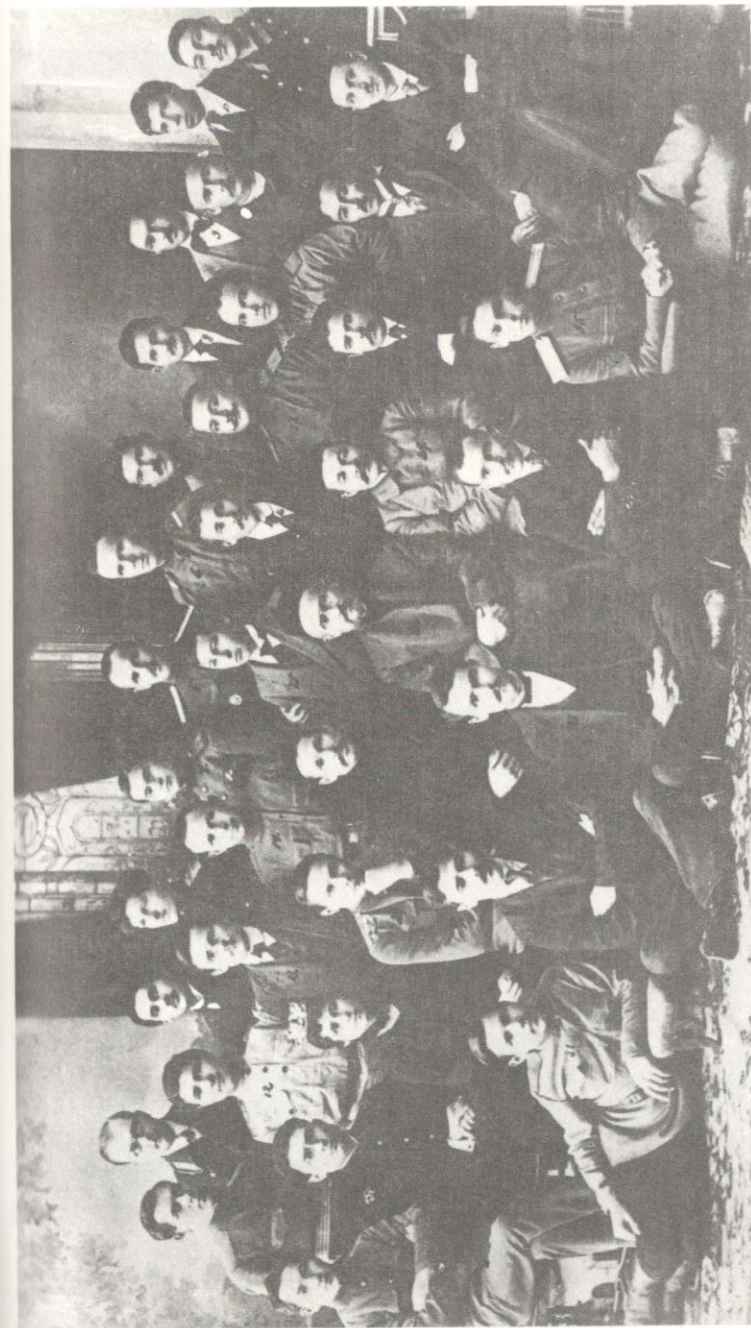
Лев Троцкий, председатель Реввоенсовета, организатор контрнаступления красных и освобождения Казани в сентябре 1918 г.

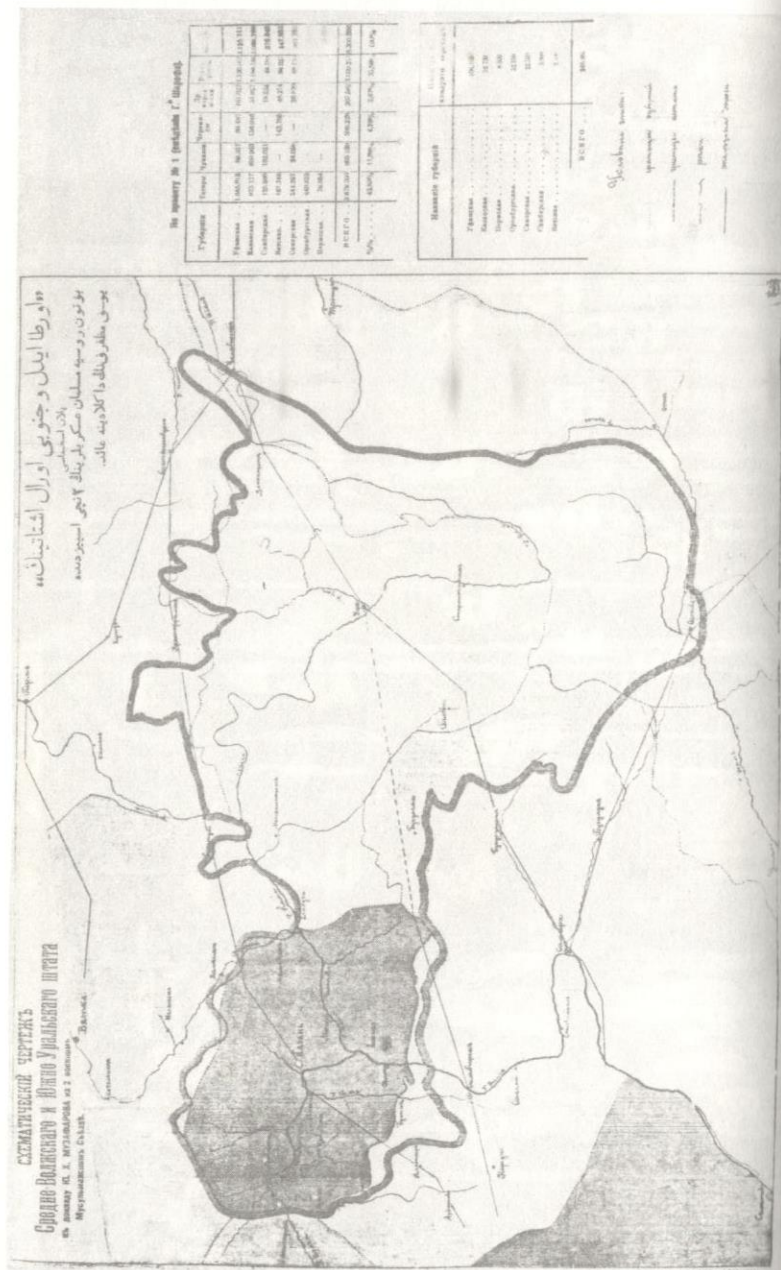
Гаяз Исхаки.

Член Учредительного
Собрания Фуад Тукта-
ров.

Татары и башкиры — лидеры различных общественно-политических организаций. В 2-м ряду четвертый слева Ильяс Алкин, 3-й справа — Галимджан Ибрагимов.

Один из вариантов национального самоопределения мусульман европейской части России. Разработан Г. Шарафом.

Деревня Олы Менгер Атнинского района РТ. Одно из немногих сохранившихся надгробий периода Казанского ханства. Снимок сделан во время выезда туда группы казанских историков во главе с директором Казанского института истории АН РТ Р. Хакимовым.

Заки Валиди. Выдающийся политический деятель и ученый.

Башкирские войска на защите Петрограда осенью 1919 года. Командование дивизии. Второй слева — Ф. Тухватуллин.

Фатых Тухватуллин. Петроград. Осень 1919 года.

Муса Муртазин.

Загид Шамиль. Выдающийся татарский общественный деятель, внук имама Шамиля.

Харис Юмагулов.

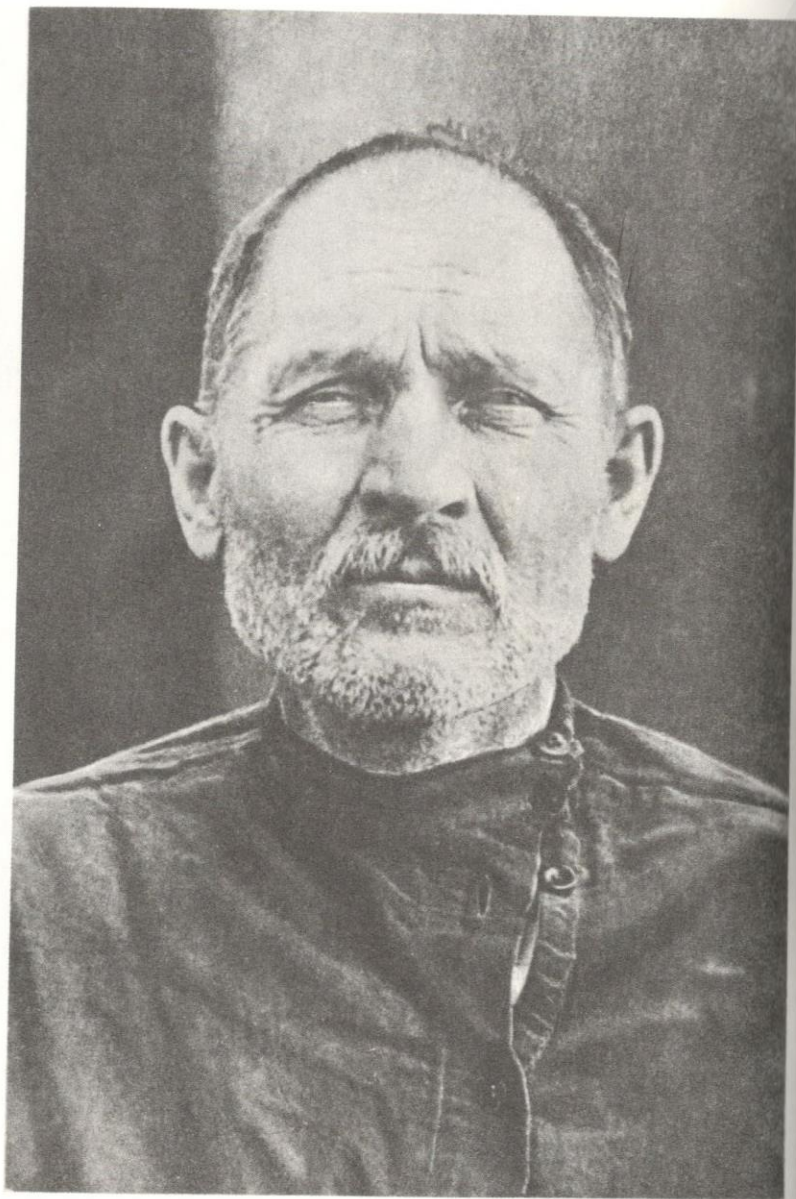
Шаихзада Бабич.

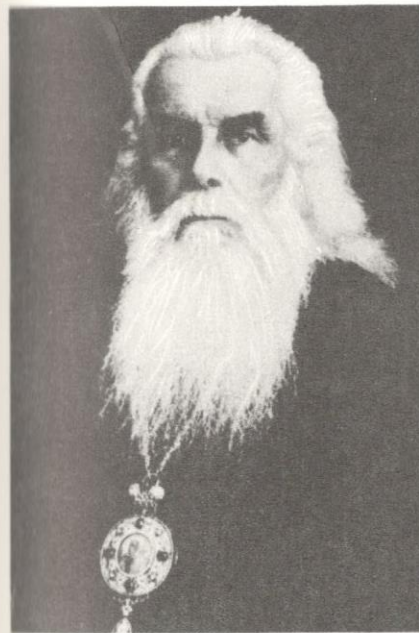
Шариф Манатов.

Жертвы политических фальсификаций 30-х годов. Руководство мифической "Всесоюзной татарской фашистской партии". В центре — знаменитый татарский просветитель и ученый Хади Максудов.

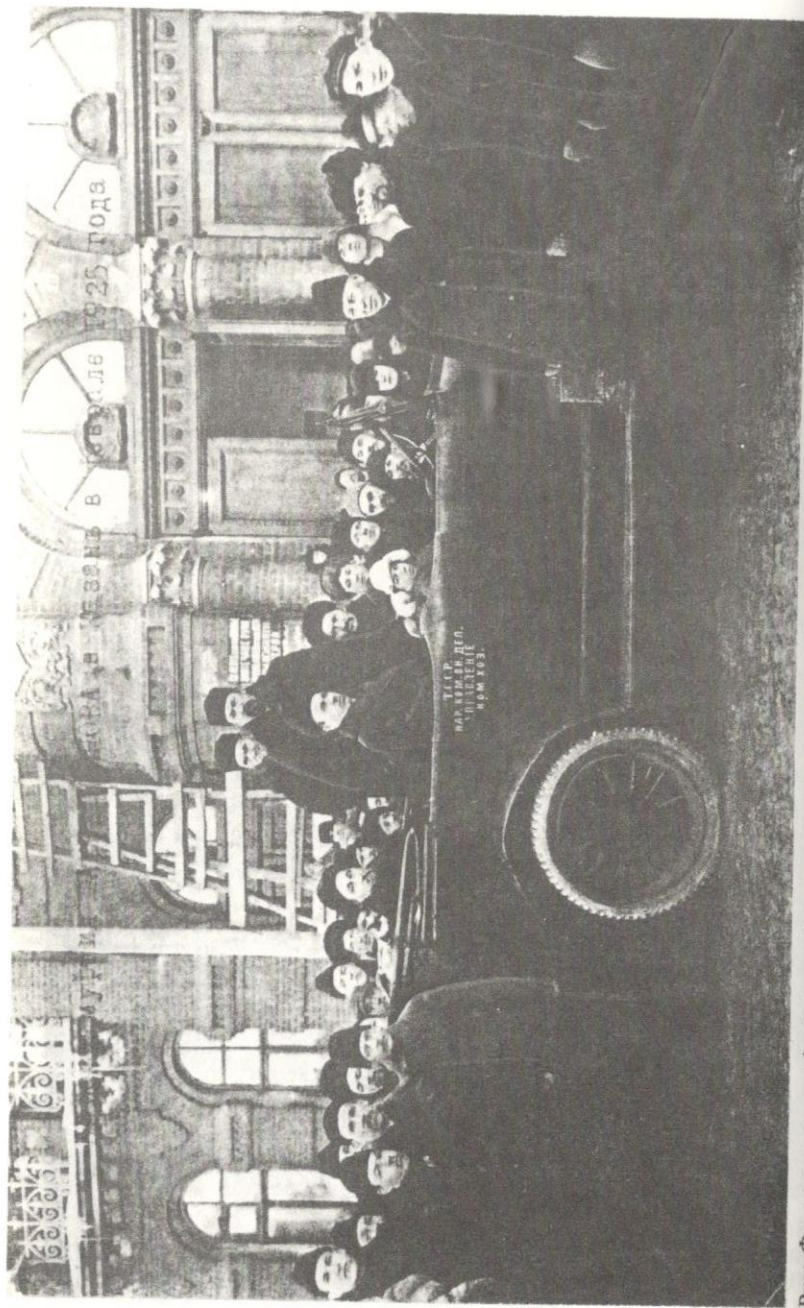
Калимулла Хасанов, депутат II Государственной Думы России. Арестовывался до 1917 года один раз, после 1917 года — три раза. Казань, Плетневская тюрьма, 1933 г.

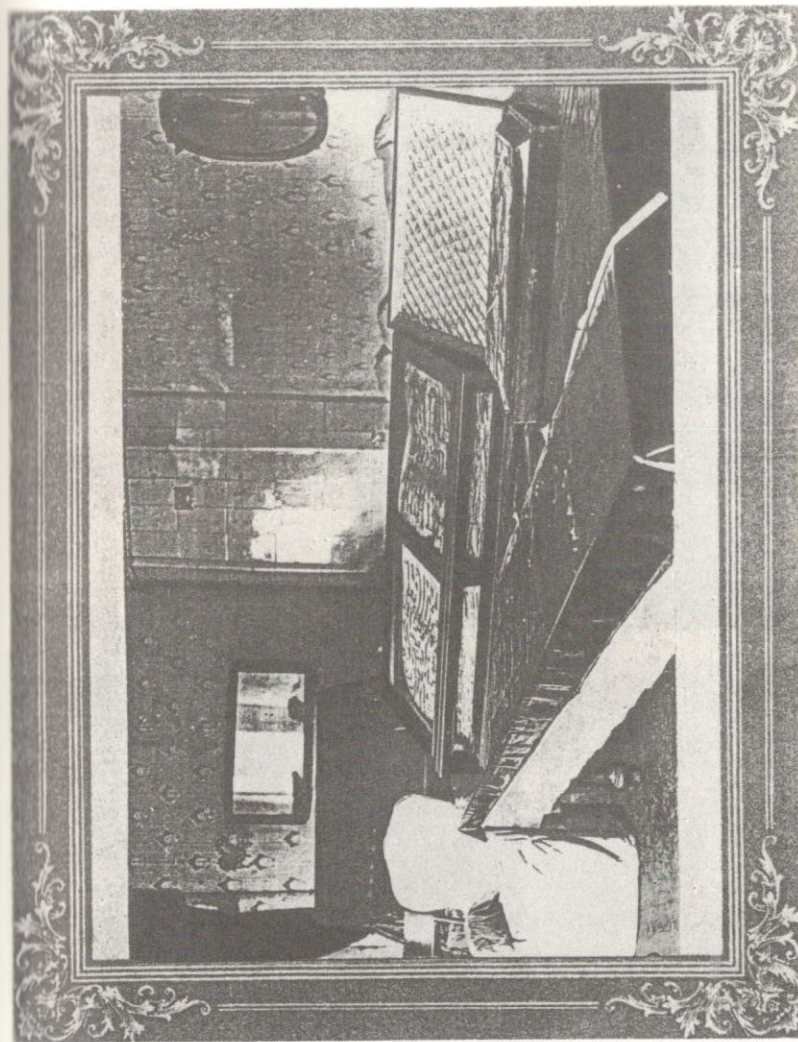
Казанский митрополит Кирилл, местоблюститель патриаршего престола. Расстрелян в 1937 году.

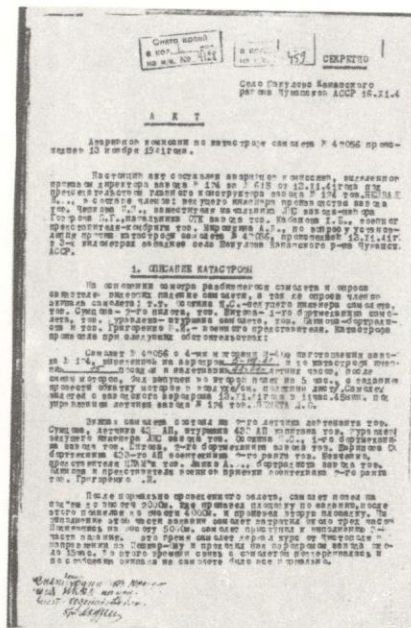
Митрополит Агафангел, местоблюститель патриаршего престола.

Риза Фахретдинов — муфтий, ученый, писатель. Встреча в Казани в феврале 1925 года.

Святыня мусульман — Коран Османа. Находился в Уфе в резиденции муфтия с 1918 по 1923 год.

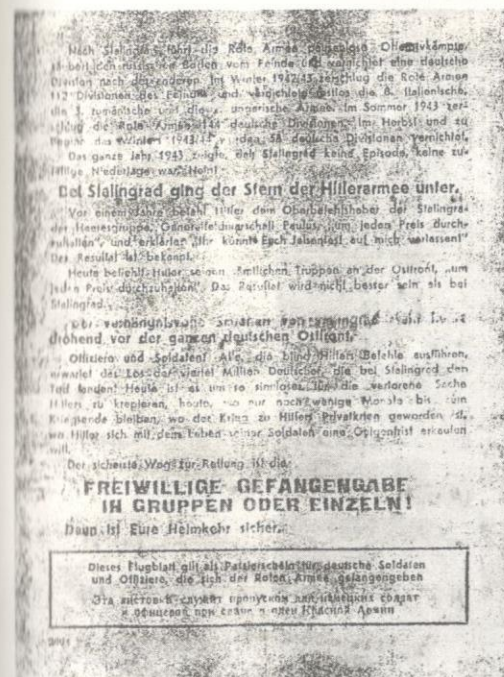
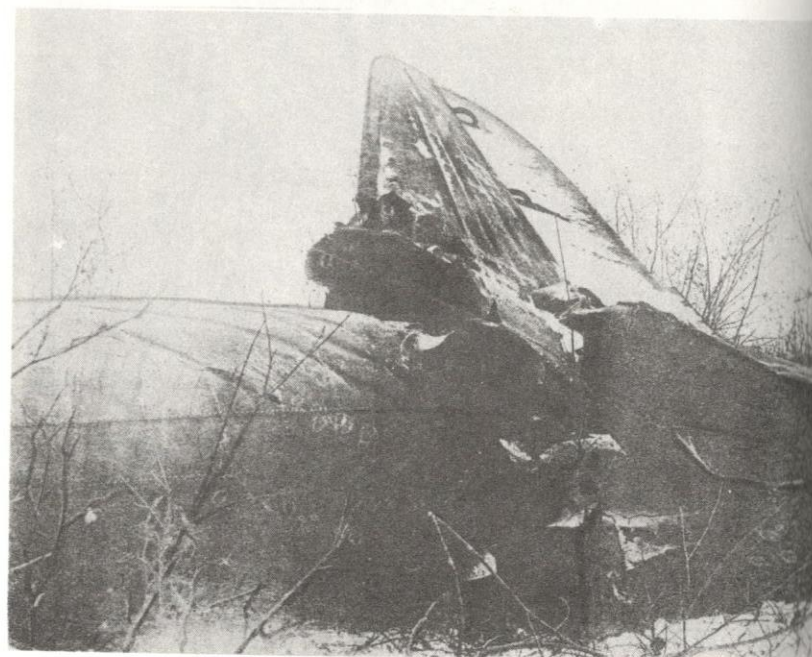

Акт аварийной комиссии по катастрофе, происшедшей 13 ноября 1942 года над Канашом.

Генерал Вальтер Зейдлиц.

На месте катастрофы ПЕ-8.

Листовка-пропуск для сдачи в плен немецких солдат, подписанный генералом В. Зейдлицем.

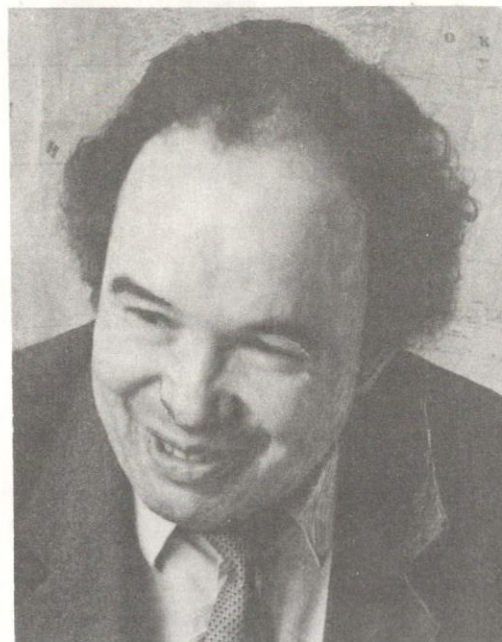
Генерал-полковник Василий Гордов, уро-
женец Мензелинского района РТ.

Л. Берия.

Д. Дудаев, курсант
Тамбовского военного
авиационного училища
с матерью. 1963 год.

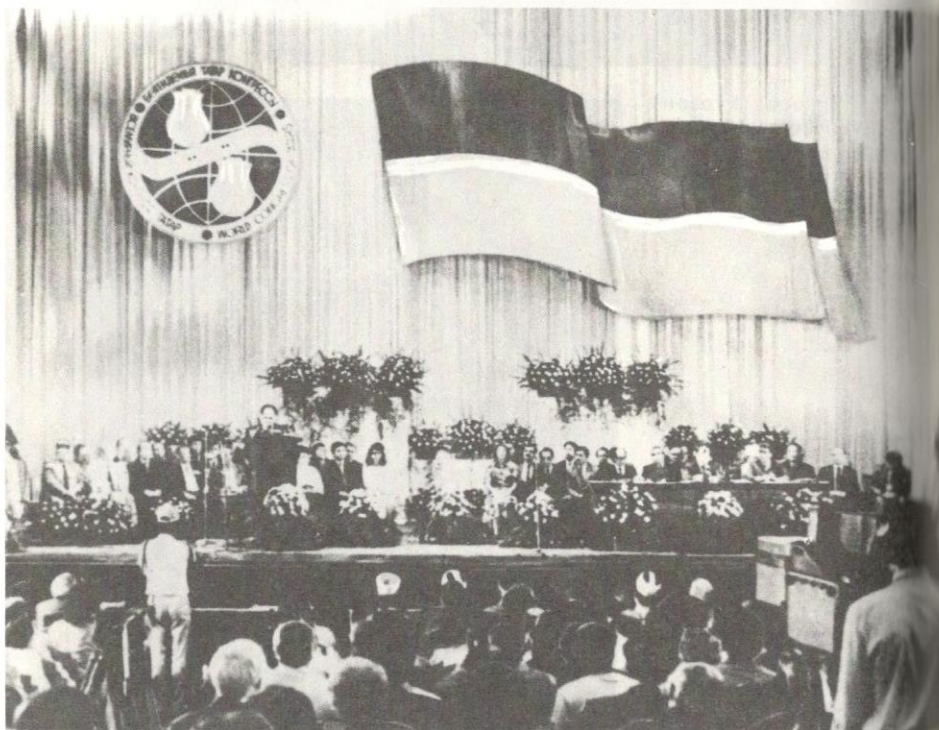

Председатель Испол-
нительного комитета
Всемирного конгресса
татар академик Индус
Тагиров.

Братья и сестры, отныне...

...мы навеки вместе.

не властны даже боги, это понимали еще греки, те самые, которые древние. И все же историю надо знать хотя бы для познания личностной сути человека. А это всегда полезно. Один из иерархов довольно высокого сана сравнил поведение Сергия с действиями Кутузова, сдавшего Москву... Далее логика сравнения понятна. Не знаю, насколько это правомерно, но и такое вот сравнение есть. Но вернемся к последним шагам восхождения митрополита на свою Голгофу. По приезде в Гжатск Кирилл поселился в доме Пашиной по адресу ул. Бельская, д. 102 и прожил в нем безвыездно до своего ареста в июле 1934 года. Освобождение Кирилла быстро стало известно широким кругам верующих и, очевидно, давало утешение и надежду многочисленным противникам церковной политики Сергия. Кирилл, с его огромным опытом общения с советской карательной системой, понимал всю условность освобождения и чувствовал продолжение за ним постоянного наблюдения. Этим объясняется его замкнутость и стремление максимально ограничить контакты с верующими. Надо было опасаться и осведомителей, и прямых провокаторов. Судя по материалам "разработки", в Гжатск приезжал весной 1934 года епископ Афанасий (Сахаров). Летом его посетили И. В. Попов — профессор канонического права духовной академии, С. В. Касаткин, архимандрит Горгоний и иеромонах Паисий из Каширы³. Вопросы, интересующие их, касались толкования некоторых канонических правил в новых условиях. Кирилл считал, что вполне допустимо домашнее богослужение (домовая церковь) без предварительной регистрации властями, короткая стрижка, не привлекающая праздного внимания окружающих, разрешена Собором еще в 1917 году. Были вполне безобидные письма лиц, сотрудничавших с ним в различных епархиях, с выражением радости по поводу освобождения. Вместе с тем он не скрывал своего отрицательного отношения к "сергианству", считая его чрезмерной уступкой, затрагивающей ряд канонических принципов. Эта болезненная тема развивалась в пере-

³ Афанасий (Сахаров) был арестован вместе с Сергием. Отбывал срок на Соловках. Попов И. В. — проф. Московской Духовной академии, отредактировал и подписал "Послание Соловецких архиереев". После освобождения работал переводчиком и редактором в Москве до середины 30-х.

писке с вышедшими также на свободу епископами Серафимом (Самойлович), Дамаскиным (Цедрик) и Парфением (Брянских)⁴. Нет сомнений в том, что эта переписка перлюстрировалась. Развязка наступила 14 июля, когда Кирилл и поддерживавшую с ним духовную связь Л. Фокину арестовали и провели обыски по месту их жительства. Хотя арест производился Секретно-политическим отделом Управления НКВД СССР по Западной области, указание пришло из Москвы. В деле есть ссылка на распоряжение ОГПУ от 8 июля об аресте Смирнова по подозрению в совершении преступлений, предусматриваемых ст. 58/10 и ст. 58/11 УК РСФСР — что означало создание к/р организации и к/р агитацию. Вечером того же дня оба обвиняемых были отправлены в Москву и помещены в Бутырскую тюрьму.

Допросы К. И. Смирнова начались уже 16 июля. Представляют интерес не только показания, но и характер вопросов, раскрывающий стремление следствия создать контрреволюционную группу во главе с Кириллом. Не забудем, что верхний предел статей, по которым он обвинялся, был расстрельным.

Приведем некоторые из вопросов, заданных Кириллу во время первого и единственного длительного допроса 16 августа 1934 года: 1. Признаете ли Вы себя виновным в попытке воссоздать к/р организацию "Истинно-православная церковь"? 2. Какие поручения давались Вами по созданию подпольных антисоветских групп в Москве? 3. Кто проживает из Ваших знакомых в Ленинграде и переписывается с Вами?

Сами следователи на своем жаргонном языке называли подобные вопросы и заранее продиктованные на них ответы романами. Ибо веских доказательств не было, а время, когда их добывали путем пыток, в ходе которых, случалось, забивали насмерть (так случилось, например, в Казани с писателем Усмановым и медиком, профессором Еналеевым), еще не пришло. Поэтому ответы Кирилла на все эти вопросы отрицательны. Перед следователями предстал не испуганный интеллигент, а человек, прошедший через Соловки, зырян-

⁴ Дамаскин (Цедрик) — епископ Глуховский, викарий Черниговской епархии; Серафим (Самойлович) — архиепископ Угличский, викарий Ярославской епархии. В этот период они находились на свободе, но вскоре были снова отправлены в ссылку.

ские и туруханские тюремные университеты и за 13 лет хорошо усвоивший формулу — "не верь, не бойся, не проси". Об этом говорят и детали ответов. Так, например, прочитав в протоколе, что он "одобрил организацию церковных служб дома", потребовал заменить слово "организации" на "возможность", что и было в протоколе сделано и заверено подписью Кирилла. Человеку несведущему эта поправка может показаться несущественной. А если вдуматься, смысл глубокий — слово "организация" потом вполне могло трансформироваться в "создание организованной группы" и подтвердить правомерность применения пункта 10 с его "высшей мерой". Наверное, следствие убедилось, что создать глубоко законспирированную группу во главе с Кириллом, протягивающую свои "щупальцы" в Москву и Ленинград, не удастся и на судебный процесс это дело не тянет. Что, конечно, не означало прекращения дела. Кирилл на свободе явно, даже независимо от желания, был бы символом сопротивления соглашательству и примирению с воинствующим атеизмом. Другим сюжетом, весьма интересовавшим следствие, были его взаимоотношения с такими видными деятелями церковного "сопротивления" тоталитаризму, как архиепископы Серафим и Дамаскин, переписка с которыми началась еще в ссылке и особенно активизировалась после приезда в Гжатск. При обыске была изъята копия письма Дамаскина Серафиму Самойловичу, присланная автором Кириллу. Читателю, наверное, небезынтересно прочитать впервые публикуемые строки этого документа духовного сопротивления: "Совершается суд божий над церковью и народом русским. Времена же приблизились, несомненно, апокалипсические... Все наши усилия теперь должны быть направлены на установление прочных связей между пастырями и пасомыми... и по возможности исправить совершенный грех путем противодействия злу, до готовности даже кровию омыть грех свой". Обращает на себя внимание откровенность и, говоря по-современному, самокритичность оценки одним из столпов православия вины и самого духовенства, накапливавшейся многие годы, за происходящее. Еще более четко звучит эта нота в словах самого Кирилла: "Епископ Дамаскин мой единомышленник. Смысл его воззрений состоит в том, что русским народом совершен общий грех перед церковью... и вина эта лежит, главным образом, на духовенстве. Задача состоит в необходимости бо-

лее глубокого воспитания народа, чтобы членами церкви были истинные христиане... что и означает противопоставление царству злости. Эти взгляды я высказывал епископу Дамаскину и Афанасию, которые были солидарны со мною по этому поводу". Как дальше развивались события в недрах 3 отделения Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР, которому было поручено дело № 7 Смирнова К. И. и Фокиной Л. Н.? В обвинительном заключении, утвержденном для передачи в суд 25 сентября, говорилось: "Смирнов Константин (он же Кирилл) Илларионович задался целью воссоздания ликвидированной органами ОГПУ в 1931—1932 гг. к/р организации "Истинно православная церковь". Обвинение предъявлялось по статьям 58/10 и 58/11 УК РСФСР. Однако в последний момент пункт 11-й — создание к/р организации, — был снят, ибо даже для несправедливого суда доказательств создания "организации", да еще во всесоюзном масштабе, не было. Остался только пункт 10 — к/р агитация, — по которой могли осудить даже за анекдот. Сидевших по нему в лагерях называли "болтунами", и ВМН за это давали редко. Скучно было и с вещественными доказательствами: их всего два — письмо епископа Дамаскина и брошюра "Беседа двух друзей". Дело поэтому было отправлено на рассмотрение Особого Совещания при НКВД СССР, имевшего право давать срок заключения или ссылки до 8 лет. К делу приложена выписка из протокола ОСО — "Смирнова Константина (Кирилла) Илларионовича за к/р деятельность сослать в Казахстан сроком на три года, считая срок с 14/7—34 г. Дело сдать в архив". Там же справка о полной реабилитации по всем делам начиная с 1920 года.

Итак, патриарх Тихон назвал троих своих местоблюстителей, полагая, что каждый из них достоин занять его место. Но первым среди равных он счел Кирилла. Однако ни одному из них не суждено было войти в историю православной церкви в этом качестве. Агафангел после ссылки умер в Ярославле в 1928 году и упокоился на городском Леонтьевском кладбище. Мы не знаем места упокоения Кирилла и Петра. Оба они, хотя сроки ссылки уже кончились, попали под расстрельный беспредел 1937 года как "повторники". Петра расстреляли по приговору "тройки" 10 октября в Магнитогорске, а 20 ноября по приговору "тройки" Южно-Казахстанской области в Чимкенте был казнен 74-летний митрополит

Кирилл. В конце 50-х мне приходилось встречаться с В. Лазаревым — бывшим крупным руководящим работником в Казани, а затем в Казахстане. Он был арестован в Чимкенте тогда же. Запомнился его рассказ о том, как в Чимкентской тюрьме среди других расстреляли и "очень крупного архиерея, который мог бы жить в Москве и разъезжать в ЗИСе". Старик был очень слаб, и его из камеры вывели, бережно поддерживая с обеих сторон, охранники... те самые, которые и расстреляли его и других. Апокриф, конечно, тем более рассказчик узнал об этом со слов других. Но если это был Кирилл, то впервые перед смертью он ощутил бережную поддержку властей...

Судьба Сергея Страгородского — заместителя местоблюстителя, а затем и местоблюстителя — сложилась благополучно. В 1943 году, когда Сталин убедился, что идея мировой революции как-то людей больше не вдохновляет и для победы над фашизмом нужны непреходящие традиционные ценности, он восстановил упраздненное патриаршество⁵. Первым патриархом стал Сергей. Умер он в 1944 году. В литературе, включая энциклопедии, говорится о его вкладе в сбор средств в фонд обороны и молитвах, возносимых о даровании победы советскому народу. Только недавно стало известно из воспоминаний "патриарха" советской разведки Павла Судоплатова о весьма своеобразном вкладе Сергея в Победу. Сергей и епископ Ратмиров участвовали в операции советской разведки по ликвидации немецких агентов в нашем тылу и внедрению под видом священнослужителей офицеров НКВД в структуры абвера на временно оккупированной территории. В Куйбышеве под руководством Ратмирова и по совету Сергея был создан разведцентр, "работавший" на немцев. Его информация по радио и через переходивших линию фронта агентов о состоянии оборонной промышленности Поволжья и Сибири помогла нашей разведке длительное

⁵ На оккупированной немцами территории духовенство вело себя по-разному. Часть его сотрудничала с оккупантами, но было немало священников, занявших патриотические позиции, участвовавших в партизанском движении и подпольных группах, награжденных впоследствии орденами и медалями. Именно в годы войны на киноэкране впервые за годы советской власти священник предстал в качестве положительного персонажа в кинофильме "Секретарь райкома".

время вводить в заблуждение немцев. Не знаю, удостоился ли сам Сергей знака "Почетный чекист", но епископ Ратмиров после войны по приказу Сталина был награжден медалью и золотыми часами⁶. П. Судоплатов считает, что материалы, представленные по этой операции, в числе других, включая и просьбу Рузвельта, сыграли определенную роль в изменении позиции Сталина по отношению к церковным структурам.

В настоящее время много говорят о религиозном "ренессансе". Он касается всех религий. Наверное, ни одна идеология не может заменить религию как фактор очеловечивания "хомо сапиенса". Как историк, могу сказать: никогда еще в России не было таких гарантий свободы совести, как сейчас. Это одно из немногих реальных и не подлежащих сомнению достижений нашего "смутного времени". Но, радуясь открытию новых храмов, возвращению старых в ведение конфессий, возврату религиозных тем на страницы печати и даже открытию религиозных финансовых структур, давайте не будем забывать о тех, кто заплатил жизнью за сохранение религиозных основ духовной жизни, к каким бы конфессиям они ни относились. Думаю, что среди них почетное место занимает и Константин Илларионович Смирнов — митрополит Кирилл, — в котором очень многие верующие видели достойного патриарха. В этом году исполнится 60 лет со дня его мученической смерти.

УЧЕНИК ЭЙНШТЕЙНА В КАЗАНИ

Эту историю я впервые услышал от своего старого друга и наставника — физика Абдулхака Кудашева. Он и сам был весьма колоритной фигурой — шахтер, красный партизан отряда Кожевникова в Закамье, учитель, а затем выпускник пединститута. Стал одним из первых кандидатов физико-математических наук из татар.

Так вот, рассказывая (нередко в лицах) о физиках довоенного поколения, он мельком поведал, что, когда ученик Аль-

⁶ Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. — М., 1996. — С. 192—193.

берта Эйнштейна, зав. кафедрой физики университета Мирон Матисон не появился в сентябре 1937 года в Казани, никого это особенно не удивило. Аресты стали привычной обыденностью, и лишних вопросов никто не задавал. А тут — польский подданный, жил в Германии, Румынии и Франции... Решили, что во время отпуска "взяли", наверное, в Москве. Правда, вскоре выяснилось, что он уехал в отпуск на родину в Варшаву и просто оттуда не вернулся... Тогда на кафедрах начались разговоры. Когда одного, в будущем крупного ученого, прямо в лоб спросили: "А чем это объяснить Ваше чересчур уж тесное общение с Матисоном даже за пределами кафедры?" — он ответил столь же лапидарно: "Общался по поручению органов". Старшему поколению помнится, сколько зловещего стояло за этим, казалось, простым словом "органы". Так это было или нет, неизвестно. Но вопросов больше не задавали. На мой вопрос, а что же произошло с Матисоном на самом деле, Абдулхак Хафизович ответил: этого никто не знает. В литературе это имя больше не встречалось.

Лет 30 тому назад, когда я писал диссертацию по истории интеллигенции, в числе других я посмотрел личное дело Мирона Матисона. Его судьба, конечно, необычна, да и сам он весьма сложен и загадочен. Наверное, теперь пришло время коротко рассказать об этом блестящем физике и, очевидно, талантливом организаторе. Да и много ли университетов могут числить в рядах своей профессуры человека, учителем и рецензентом которого был сам Эйнштейн, а рекомендовали на кафедру Жак Адамар и Поль Ланжевен, чьи имена называются в числе самых талантливых ученых начала XX века и упоминаются даже в самых кратких энциклопедических справочниках общего пользования, не говоря уже о специальной литературе.

Уроженец Варшавы, Мирон Матисон происходил из купеческой семьи. После окончания одной из столичных классических гимназий, где особенно ярко проявились его математические способности, по настоянию отца он поступает в высшее инженерно-строительное училище. Семья мечтала видеть его преуспевающим инженером-строителем, владельцем собственной фирмы. Однако крушение Российской империи и крутые повороты политической биографии молодой Польской республики кардинально изменили его судьбу. Он был

мобилизован в польскую армию и пережил вместе с ней все ее взлеты и падения — поход на Киев, стремительное отступление до стен Варшавы и "чудо на Висле", когда конные армии большевиков не смогли добить, казалось бы, обреченное Польское государство. После демобилизации из армии Матисон, которого влекла к себе физика, становящаяся царицей наук, поступает на физико-математическое отделение Варшавского университета и заканчивает его в начале 1925 года. Однако в силу целого ряда обстоятельств и ухудшения материального положения семьи молодой физик работает консультантом-сметчиком ряда строительных фирм в Польше и за рубежом. Однако, выбирая свободное время, Матисон продолжает углублять свои знания в области физики и ее математического аппарата. Во время выездов в Германию и Францию он знакомится с постановкой преподавания физики и математики в университетах и вступает в научные контакты с рядом виднейших ученых, в том числе с Адамаром и Ланжевенном. Решающую роль в научной судьбе сыграла переписка с Альбертом Эйнштейном, который весьма заинтересовался взглядами Матисона на такие фундаментальные проблемы физики, как соотношение законов движения материальной частицы и законов поля, феноменом лучеиспускания электронов и сверхчисленными уравнениями. Эти научные определения взятые нами из переписки Матисона и отражают лексику физики конца 20-х. В одном из писем Эйнштейн писал, что успех подобных исследований поможет "связать физику поля с квантовой теорией и глобальными вопросами космологии". Блестящие математические способности Матисона в сочетании с энциклопедическими познаниями в области физики должны были, по мнению гениального физика, помочь в решении этих проблем.

В конце октября 1930 года состоялась защита диссертации "Общая теория относительности и динамика электрона". Члены совета выслушали письменную рецензию А. Эйнштейна и мнение ряда других видных ученых. Совет Варшавского университета единодушно присудил Мирону Матисону степень доктора философии со специализацией по физике. Вскоре после этого Матисон продолжает научную работу в лабораториях Германии и Франции, а с осени 1932 года начинает чтение курса лекций на физико-математическом факультете Варшавского университета.

На 1933—1935 гг. приходится пик научной активности Матисона в ряде наиболее перспективных областей физики и математики.

Блестящий взлет Мирона Матисона к высотам мировой науки и признание его таланта самыми видными деятелями мирового научного сообщества проходили на фоне судьбоносных событий, серьезно осложнявших политическую атмосферу планеты. К середине 30-х набравший силу нацистский режим в Германии, пользовавшийся симпатиями в ряде стран Европы и Америки, поставил перед многими учеными нелегкие дилеммы. Не только в Германии, где набирал силу научный шовинизм и слово "арийский" должно было сопутствовать ряду научных дисциплин, но и в Польше все чаще проявляются антисемитские настроения в научной среде. Впрочем, для того, чтобы стать объектом преследования в нацистском обществе, вовсе не обязательно было быть евреем. Неприятие расистских идей было достаточным основанием для преследования. Парадокс времени и в том, что позитивный потенциал романтического периода революционной эпохи в России продолжал еще по инерции оказывать на западе воздействие на многих. И хотя термины "ЧК", "ГУЛАГ", "ОГПУ" все больше раскрывали свою кровавую сущность, для многих интеллигентов они казались просто издержками революции на пути к светлому будущему. Парадокс, но это было так — блестящая по интеллекту и своим возможностям агентура НКВД за рубежом работала в основном на идейной основе, а не за плату. Хотя исключения и были. Да и для людей науки Советский Союз казался местом, где они смогут быстрее реализовать свой потенциал. К середине 30-х немало подающих надежду ученых, в основном молодых, выбирали для постоянного жительства, или, по крайней мере, для длительной работы нашу страну.

Решающую роль в приглашении Матисона сыграл человек, хорошо известный нам, казанцам, — профессор Хаджи Габидуллин. В середине 20-х гг. — Председатель Совнаркома Татарии, видный политический деятель. После того, как он был вынужден уехать из Казани в результате политических интриг, Х. Габидуллин стал организатором кафедры истории народов Востока в МГУ, а в описываемый период занимал весьма влиятельный пост начальника отдела высших учеб-

ных заведений и научных учреждений Наркомпроса РСФСР. По тем временам это было что-то вроде министерства высшего образования и науки страны, а его начальник утверждался Секретариатом ЦК ВКП(б). Габидуллин не порывал связи с Казанью, активно влиял на решение кадровых вопросов, уделяя особое внимание университету. Тесные, даже дружеские отношения сложились с молодым химиком Гильмом Камаем, назначенным по его рекомендации ректором. Автору в свое время приходилось общаться с этим замечательным человеком и, рассказывая о Габидуллине, Гильм Хайрович заметил: он специально позвонил мне и сказал: "Есть очень талантливый физик и математик — польский еврей. У меня на столе рекомендации Эйнштейна и еще двух других великих... Немедленно приглашай его к себе, а то перехватят Москва, Ленинград или Харьков. Это человек, который выведет вашу казанскую физику на мировой уровень. Немаловажно и то, что для его приглашения не нужна валюта. Приедет и так". Документы подтверждают эту версию Камаея.

Вскоре в Москву было отправлено официальное согласие КГУ на приглашение Матисона заведующим кафедрой теоретической физики университета и одновременно научным сотрудником НИИ математики и механики при КГУ. Одновременно Г. Камай направил письмо самому Матисону, в котором изложил условия работы в КГУ, особо подчеркнув, что ему будет предоставлена возможность продолжения математических исследований в соответствии с просьбой Адамара. Однако приезд Матисона затянулся почти на 6 месяцев. Что, впрочем, по тем временам было сроком не таким уж долгим. С нашей стороны шла негласная проверка с подключением агентуры в Польше, да и просто бюрократические формальности, неизбежные в любом государстве, требовали времени. И в самой Польше получение заграничного паспорта было также делом нескольких месяцев. По крайней мере, на эту причину ссылается Матисон в письме к Камаю в апреле 1936 г. В конце апреля 1936 г. КГУ перечислил деньги для дальнейшего проезда Матисона по советской территории на пограничную станцию Негорелое. Приезд состоялся в начале мая. Необходимые формальности были соблюдены. Приказами директора КГУ Г. Камаея и директора НИИ математики и механики Чеботарева Матисон был назначен заведующим кафедрой теоретической физики и научным сотруд-

ником. Определенная приказом учебная нагрузка была по нашим временам весьма солидной: доктор наук, профессор и заведующий кафедрой должен был, кроме других форм занятий, прочитать 380 лекционных часов. К нему сразу же были прикреплены два аспиранта — Чурсин и Лощилов. Новый заведующий был весьма коммуникабелен, требовательность его — интеллигентной. Да и знание всех трех главных европейских языков, причем французского в совершенстве, делало его источником весьма ценной информации о научных достижениях в мире. Хотя Матисон был человеком скромным и не рекламировал свою причастность к великим мира физики, многие в университете знали, что и Эйнштейн, и Адамар с Ланжевром высоко ценили научный потенциал нового заведующего. Судя по всему, процесс адаптации прошел нормально, лекции Матисона пользовались популярностью, небольшой польский акцент не мешал их восприятию. Он быстро воспринял новые для него "правила игры" и охотно выступал на собраниях, всерьез принимал социалистические обязательства и многое другое, что определяло тогда поведение советского человека. Одновременно, продолжая переписку с Адамаром и Ланжевром, он получил их согласие на встречу летом будущего 1937 г. в Париже для обсуждения научной деятельности и перспектив развития физики в Казани. Не исключался в перспективе и кратковременный приезд Ланжевена в Казань. Когда же "горячие головы" из молодежи полусерьезно говорили о том, что, может быть, Мирону Григорьевичу пригласить в Казань самого Эйнштейна, он вполне серьезно отвечал, что великий ученый большой домосед...

Эти подробности из начального этапа пребывания польского физика в Казани мне рассказывал А. Х. Кудашев, о котором упоминалось в начале очерка. Вместе с тем 36—37 гг. были годами "большого террора", который втягивал в свою орбиту и научную интеллигенцию. В университете, как и в других вузах, на собраниях и заседаниях участились "поиски" врагов, уклонистов, бывших оппозиционеров, чуждого элемента, проработки за отклонения от генеральной линии партии. Иногда люди исчезали незаметно, а потом доходили слухи, что обнаружили очередного шпиона. Эта трагическая атмосфера ожидания репрессий, предательства и доносов весьма талантливо описана в известных книгах Евгении Гинзбург и

воспоминаниях ее мужа Павла Аксенова... В них фигурируют и многие ученые Казани.

Очевидно, и Мирон Матисон все чаще начинал задумываться о своей судьбе...

Автору было интересно представить внешность героя очерка. Но в архивных делах в Москве и Казани фотографий не оказалось. И тут вспомнилось, что А. Кудашев говорил о том, что Матисон активно сотрудничал в печати и ему даже была предоставлена честь выступить на страницах главной республиканской газеты "Красная Татария". Газета была обнаружена и в ней... портрет автора статьи! Полагаю, что и современному читателю будет интересно прочитать ее и увидеть облик ученика Эйнштейна...

"Крупные научные открытия. Беседа с проф. Матисон.

Научным работникам кафедры теоретической физики Казанского университета им. Ленина, изучающим вопросы математической физики, связанные с распространением волн в неевклидовых пространствах, и теорию относительности Эйнштейна, удалось сделать ряд крупных научных открытий. Проф. Матисон, руководитель кафедры, сообщил нашему сотруднику относительно этих открытий следующее: "Нам удалось показать тесную связь между общей теорией относительности и теорией атома. Связь эта осуществляется уравнениями динамики, вытекающими из общей теории относительности и выявляющими влияние вращения на движение электрона.

Проблема основных уравнений динамики как следствий уравнений тяготения является совершенно новой. Она опрокидывает существующее неправильное мнение, что общая теория относительности имеет применение только по отношению к большим объектам, например, космическим.

Вторая большая задача, решенная нами, — диффузия волн в неевклидовых пространствах. Эта проблема была поставлена известным французским математиком Адамаром, которому, однако, как и другим ученым, не удалось добиться ее разрешения".

В конце мая профессор Матисон выезжает в Москву и Париж, где ознакомит виднейших ученых со своими работами".

Судя по содержанию интервью, Матисон был близок к открытиям мирового значения.

Весна 1937 года была для казанских ученых тревожной: арестовывались видные ученые, в университете активно прорабатывали Г. Камая, обвиняя его в преклонении перед фашистской химией, имея в виду поездку на стажировку в конце 20-х в Германию...

М. Г. Матисон, в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями, готовился к поездке в Париж, возвращаясь откуда рассчитывал провести несколько недель отпускного времени в Варшаве, на родине. Не знаю, что было причиной такого "либерализма", но он был выпущен за границу в конце мая. Возможно, сыграли свою роль имена Эйнштейна и Адамара... На начало сентября была назначена научная конференция по итогам его поездки... Но в сентябре М. Г. Матисон не вернулся... Никаких политических писем он не присылал. Очевидно, волна арестов, причём людей, связанных с ним деловыми отношениями в СССР, заставила его принять решение не возвращаться в Союз! В первой половине 1937 г. были арестованы и вскоре расстреляны Дивильковский, Г. Лауер, Х. Габидуллин. Г. Камая арестовали в начале сентября 1937 г. Он выжил и вышел на свободу в 1939 г. Это было чудом. Но в университет он больше не вернулся... Чересчур было тяжело видеть людей, которые еще недавно были друзьями, а затем по команде разоблачали его на партийных собраниях. Горечью наполнено письмо Камая новому руководству университета в связи с уходом из его стен.

Ну, а что же М. Г. Матисон? Я говорил со многими историками физики в Москве, в том числе с покойным Кузнецовым, лучшим у нас знатоком жизни Эйнштейна. Он ответил, что в послевоенный период это имя не всплывало. Не верю, чтобы такой яркий талант не проявил бы себя в науке... Остается одно — очевидно, 2-ю мировую он не пережил. Не исключено, что он мог снова работать в Варшаве — а оттуда для большинства евреев, тем более таких заметных, как Матисон, была одна дорога — в Аушвиц или другие лагеря смерти. Мог попасть туда и из Парижа. Ну, а что, если бы он остался в Казани? Думаю, что и здесь его не миновал бы ГУЛАГ, если бы он даже уцелел во время вакханалий особых троек. А выжить там человеку интеллигентному было трудно... Кстати, Камая во время следствия спрашивали о Мати-

соне. Такие вот грустные мысли порождает неизвестная нам судьба этого яркого и высокоодаренного человека...

Но, может быть, произошло чудо, и он уцелел... Возможно, читатели помогут уточнить его судьбу. Добавлю, что в декабре 1997 года М. Г. Матисону исполнилось бы 100 лет.

КАТАСТРОФА НАД КАНАШОМ

Одной из самых волнующих тем, особо затрагивающих сердца и души наших читателей, являются авиационные катастрофы. Вот и конец 1995-го принес новые трагедии, включая и самую пока загадочную — гибель ТУ-154 в районе Хабаровска. Падают и "Боинги". Законы "воздушного океана" суровы, и в случае аварии здесь не съедешь на обочину шоссе, чтобы спокойно разобраться в случившемся. Современный тяжелый самолет при отказе двигателей падает в полном соответствии с законами физики. И только стечение особо благоприятных обстоятельств, на грани вмешательства высшей силы, помноженное на высочайшее мастерство пилота, может иногда изменить роковое предопределение или, по крайней мере, смягчить ситуацию. Такие случаи тоже бывают. Самый последний — когда в 1991 году под Стокгольмом пилот Стив Расмуссен сумел посадить на лес лайнер "Макдоннел-Дуглас-81" со 123 пассажирами после взрыва обоих двигателей. Ни один из пассажиров и членов экипажа не погиб.

Увы, все это редкость. История авиации — это искупительные жертвы на пути технического прогресса. И, наверное, даже самый бурный рост техники, повышение безопасности полетов не избавят нас окончательно от тревожных ожиданий и трагических сообщений. И количество взлетов, к сожалению, не будет совпадать с количеством посадок. Я уже не говорю о профессии летчика-испытателя, у которого постоянный риск и хождение на грани жизни и смерти являются неотъемлемыми компонентами работы.

Сегодня мы расскажем об одной из забытых страниц нашей истории. Известно, что Казань, начиная с середины 30-х становится одним из новых центров авиастроения страны. Основным предназначением возведенного на северной окраине города завода № 124 имени Орджоникидзе стал выпуск тяжелых бомбардировщиков. С началом войны специа-

лизация предприятия (после эвакуации сюда московского завода и объединения с ним оно получило новое название — № 22 имени С. П. Горбунова) претерпела некоторые изменения. С 1941 по 1945 год было выпущено около 10 тысяч тактических пикирующих бомбардировщиков ПЕ-2. Если добавить к этому более 10 тысяч ПО-2, выпущенных заводом № 387, то получается, что почти каждый шестой самолет Великой Отечественной войны (с нашей, разумеется, стороны) получил путевку в небо в Казани.

Не прекращался в столице Татарии и выпуск тяжелых стратегических бомбардировщиков, созданных в ОКБ Туполева еще в 1936 году талантливейшим конструктором В. Петляковым. Он был арестован в конце 1937 года вместе с Туполевым, но получил свободу еще до войны за создание ПЕ-2, тройка которых, пронесшаяся над Красной площадью во время последнего предвоенного майского парада, произвела буквально фурор среди военных атташе иностранных государств.

Правда, изготовление тяжелых стратегических бомбардировщиков претерпевало спады и подъемы, связанные с тем, что фронт в первую очередь требовал пикировщиков. Четырехмоторный самолет Петлякова, носивший вначале название АНТ-42, затем ТБ-7 и только после трагической и загадочной смерти своего создателя получивший по постановлению ГКО от 9 сентября 1942 года окончательное название ПЕ-8, был для своего времени сгустком новейших достижений техники. Его первые экземпляры по скорости на высоте 8—10 километров превосходили в 1936 году все бомбардировщики этого класса и не уступали большинству истребителей. По дальности полета и бомбовой нагрузке он в первые годы второй мировой войны не имел конкурентов среди подобных машин всех воюющих стран, включая и знаменитый американский Б-17 ("летающая крепость")¹.

¹ С конца 1943 г. главный конструктор завода № 22 по самолету ПЕ-8 по приказу наркома авиационной промышленности с учетом предложений командующего авиацией дальнего действия А. Голованова начал проработку различных вариантов модификации этой машины. В январе 1944 года И. Незваль представил свои расчеты наркому А. И. Шахурину. Модифицированный ПЕ-8 с моторами М-82 ФН должен был превосходить самолеты подобного класса ВВС США, Англии и Германии по всем тактико-техническим показателям. В частности, потолок полета достигал 11 км, дальность — 4200 км с бомбовой нагрузкой шесть тонн.

Из наиболее заметных событий боевой биографии ПЕ-8 отметим их участие в бомбардировках Берлина в конце августа 1941 года. Несколько налетов ПЕ-8 с аэродрома под Ленинградом и ИЛ-4 с балтийских островов были одним из первых ударов по мифу о превосходстве немецких ВВС и ПВО и неуязвимости столицы Германии с воздуха. На ПЕ-8 впервые в истории мировой авиации были подняты в воздух и сброшены на противника бомбы весом в 5 тонн. Сталин возлагал на них большие надежды в операции по уничтожению тяжелых немецких кораблей и аэродромов, с которых совершались налеты на конвои союзников на севере. Однако отсутствие там подходящих взлетных полос не позволило выполнить эту задачу. Но командующему авиацией дальнего действия генералу Александру Голованову удалось убедить Верховного, что для этой цели лучше подойдут легкие ИЛ-4. Сталин уделял большое внимание модернизации ПЕ-8. Во время встречи 3 июня 1942 года с Маленковым (куратором авиации от Политбюро), Шахуриным, Головановым и моторостроителями Бекетовым, Чаромским и Тулуповым была поставлена задача увеличить надежность дизельных двигателей самолета.

Известен также легендарный перелет ПЕ-8 с советской делегацией во главе с В. Молотовым в Англию и США. Причем часть маршрута проходила над территорией, занятой противником. Не так давно Президент РФ в связи с 50-летием Победы поздравил командира экипажа этого самолета Героя Советского Союза Э. Пусепа, живущего ныне в Эстонии и от имени благодарной России получающего в числе наиболее отличившихся героев войны президентскую пенсию.

Но вернемся к заводской биографии ПЕ-8. Война не бывает без потерь. К сожалению, они связаны не только с боевыми действиями. Об одной из трагических страниц истории завода № 22 мы и расскажем в этом очерке.

Самолет ТБ-7 № 42056, впервые поднявшийся с заводского аэродрома 5 августа 1941 года, начинал свою биографию благополучно. Во время рулежа, полетов и испытательных полетов не было сколько-нибудь серьезных поломок. В общей сложности с начала своей боевой службы он налетал уже 44 часа при 15 посадках. В начале ноября была произведена регламентная смена двигателей, и после их обкатки самолет передавался в 433-й авиаполк дальнего дейст-

вия. Часть экипажа была уже укомплектована летным составом.

Первый после замены моторов полет, состоявшийся накануне, длился 61 минуту. Замечаний ни по винтомоторной группе, ни по другим агрегатам не было. Правда, в моторе № 2 справа наблюдался небольшой выброс масла, но он был устранен еще в воздухе. Полет на следующий день, 13 ноября, решили проводить по полной программе с тремя "площадками", т. е. длительным пребыванием на высоте 2, 4 и 5 км. Общая продолжительность пребывания в воздухе должна была составить 5 часов.

В этот, как оказалось для некоторых из них, последний полет уходил экипаж из 10 человек. Их вклад в развитие нашей авиации неодинаков. Но, полагаю, что сейчас, когда исполняется 55 лет этой трагической истории, будет справедливо назвать всех поименно. Первый пилот — известный заводской летчик-испытатель, человек яркой и неординарной судьбы Л. О. Немет¹, второй пилот — лейтенант Сумцов из 433-го авиаполка, штурман-капитан Журавлев из того же полка, Осокин — ведущий инженер ЛИС завода, бортмеханики завода Шитов и Шарипов, борттехник из 433-го авиаполка Шевченко, работник ЦИАМа Лапко, бортрадист Блинов и представитель военной приемки Григоренко. С последним произойдет в этом полете такое, что поневоле вспомнишь о силах небесных.

Задание предусматривало полет в направлении Чистополя с набором высоты до 5 км, затем возвращение к Казани, продолжение полета до Йошкар-Олы, выход в район Канаша и посадку на заводском аэродроме. Взлет был задержан почти на два часа из-за неявки штурмана полка Рогозеева, и машина взлетела в 11.45 без него. Полет проходил нормально, и около 15 часов, когда самолет находился уже в районе Казани, бортрадист сообщил, что замечаний по материальной части нет и посадку они совершат приблизительно в 16.20.

Казалось, ничто не предвещало осложнений... Неожиданно, когда самолет был над Канашом, началась сильнейшая

¹ Л. О. Немет — венгр по национальности, участник гражданской войны. В период "большого террора" в середине 30-х был арестован в Казани. В период временной оттепели после падения Ежова освобожден.

вибрация второго правого мотора. Один из оставшихся в живых членов экипажа писал в объяснении: "Первое личное мое впечатление — как будто бы под нами разорвался снаряд, и я даже непроизвольно посмотрел, нет ли вокруг разрывов. Но небо было чистым". Сразу же после этого вибрация охватила всю машину, начали самопроизвольно открываться люки и двери. Пламя перекинулось на другие двигатели и фюзеляж... Выключение топливной системы не помогло... Пламя начало проникать внутрь машины. Л. Немет дал команду экипажу покинуть самолет. Сам выброс из охваченного пламенем ПЕ-8 был смертельно опасным. Надо было проскользнуть между языками пламени, вырывавшимися наружу, а внутри поток воздуха из открывшихся дверей и люков отбрасывал людей назад. Первая четверка благополучно миновала пламя, и вскоре с земли увидели раскрывшиеся купола их парашютов.

О последних мгновениях жизни Немета рассказал инженер-испытатель Осокин, пятым из уцелевших покинувший самолет. Предоставим слово этому бесхитроственному, но исключительно точному свидетелю.

"Когда я увидел, что он с трудом отжимает машину, стоя на педалях и с выставленной головой в поток, я дал несколько триммерá вперед... Немет кивком головы дал знать, что я сделал правильно... После этого он движением тела подкладывал воротник комбинезона под шею на ребро фонаря. После этого я ему предложил жестами покинуть машину. Он мне дал понять жестами, чтоб прыгал я, а он прыгнет в фонарь. Мною было принято решение прыгать. Сделал две попытки и на третью прыгнул".

Немет, до последнего пытавшийся спасти самолет и совершить аварийную посадку на фюзеляж, погиб. Он выпрыгнул на высоте 600 метров, когда самолет, объятый пламенем, начал разрушаться. Вот как об этом повествует (сухо и точно) акт о катастрофе: "Летчик Немет покинул самолет с большим запозданием, руководствуясь стремлением спасти самолет. В момент выброса из самолета последний был уже охвачен пламенем, которое охватило летчика и при спуске пережгло стропы парашюта. Парашют летчика Немета был найден в 1, 1—1,5 км от места падения тела".

Видевшие с земли этот трагический момент рассказывали, что уже раскрывшийся парашют неожиданно погас и ушел

в сторону, а тело летчика, набирая скорость, устремилось к земле. В самом самолете при ударе о землю погибли Шарипов, Лапко и Шевченко. У одного из них парашют был наполовину раскрыт, и стропы обмотали тело.

А вот судьба военпреда Григоренко, находившегося в хвостовой части фюзеляжа, удивительна. Опять из акта: "Тов. Григоренко, оставшийся в горящем самолете до падения на землю вместе с бортмеханиками, при ударе о землю остался живым, получив лишь легкие ушибы". А мы говорим — чудес не бывает. В авиации уж точно бывают. Самолет упал в трех километрах от деревни Шакулово в мелколесье. Носовая часть и центроплан были разрушены полностью, двигатели, включая и злополучный второй справа, зарылись в землю. Несколько лучше сохранилась хвостовая часть.

После катастрофы, как водится, последовало детальное расследование. Комиссию возглавил И. Ф. Незваль, заместитель Петлякова, которому он перепоручил дальнейшую модернизацию самолета (сам Петляков полностью сосредоточился на модификации ПЕ-2).

Шла война, и при любой катастрофе возникал вопрос: "Не диверсия ли это?". Однако на сей раз злой умысел обнаружен не был. Причина? Обыкновенные, если так можно говорить, недостатки техники, ее подготовки, некачественность сборки отдельных агрегатов мотора. Причины, увы, и сейчас нередкие. Ошибок в действии экипажа, и в первую очередь Л. Немета, выявлено не было. Пилот и остальные члены экипажа сделали все, что можно было сделать в этой ситуации. Не их вина, что на этот раз не получилось.

УЧЕБНИК ЗАПРЕТИТЬ... И СЖЕЧЬ

"Запретить пользоваться этим учебником в средних школах Татарской АССР" так начиналась постановляющая часть решения Татобкома ВКП(б) от 12 сентября 1948 года "Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы". За этим внешне спокойным и нейтральным названием партийного документа стояли сломанные людские судьбы, кипение политических страстей, угодничество одних и попытка сохранить хотя бы видимость научного подхода к истории татарского народа — у других. Отдаленные последст-

вия этой истории продолжались вплоть до наших дней и наложили неизгладимый отпечаток на судьбы и взгляды нескольких поколений историков, литераторов и обществоведов. В ней, как в капле воды, отразились принципы и нравы тоталитарного общества, с особой суровостью подавляющего любые попытки национального самосознания, выходящего за рамки, заданные марксистской догмой и ее "Евангелием от Иосифа" — "Кратким курсом истории ВКП(б)", дававшим непререкаемый ответ на все вопросы.

Несколько слов о том, что предшествовало этим событиям. После известного постановления ЦК ВКП(б) от 9 августа 1944 г. "О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации", на многие годы вперед закрывшего пути для объективного и всестороннего изучения истории татарского и ряда других народов, его положения стали своего рода "камертоном", по которому настраивались все идеологические инструменты республики. Особую значимость постановлению придавало и то, что приехавший в Казань инструктор ЦК Саконтиков (ожидали самого начальника управления агитации и пропаганды ЦК, будущего академика Александрова) заявил, что его можно сравнить со знаменитым постановлением ЦК 1938 года по поводу выхода в свет "Краткого курса" и, — добавил он после многозначительной паузы, — его текст был просмотрен т. Сталиным. Нет надобности объяснять, насколько было это впечатляюще в те годы.

В последующие несколько лет вся идеологическая и культурная жизнь республики была взята под жесткий контроль, и основным критерием оценки стало соответствие ее положениям августовского постановления. В области литературы и искусства известны гонения на эпос "Идегей" и его публикаторов. Несколько раз переделывалось либретто оперы "Алтынчеч" в сторону большей антиордынской заостренности, — был даже введен термин "ханы-нашественики", не знаю, как в части русского языка, но в политической он был совершенно ясен. Резкой критике подвергались историки, занимавшиеся историей государств, образовавшихся в Поволжье после распада Джучиева улуса. Зато болгарский компонент объявлялся единственно достойным предком татарского народа советского образца. Эти проблемы волновали татарское общество и до революции. Но тогда согласие или

несогласие с различными гипотезами не грозило политическими репрессиями и отлучением от профессии. Один из великих татарских поэтов и просветителей Дэрдменд — кстати, первый и последний поэт в российских Думах 1906—1917 гг., — гневно писал по поводу трусливых людей, полностью отрекавшихся от своего татарского происхождения: "Не отсюда ли идет стремление некоторых наших современников, манипулируя цитатами и фрагментами, юркнуть в болгарскую "нору", предавая проклятьям татарское прошлое. Думаю, что современные "охотнорядцы", которых беспокоит выходящий на мировую арену Татарстан, все равно не оценят эти потуги. Можно, конечно, объявлять себя бывшими "скифами", а то и родственниками индейцев, как это делают некоторые наши ученые, но для любого русского в сознании мы всегда будем связаны с теми татарами, которые создали империю, под сенью которой набирались сил русские княжества, а православие имело такие привилегии, которых оно не имело нигде. Не надо трусливо отрекаться от своей истории. В ней никто никому из живущих теперь ничего не должен, каким бы лицедейством мы ни занимались. Именно эти вопросы волновали татарских ученых и в годы, о которых мы сейчас пишем.

О том, что именно татарские ученые находились под особым "присмотром", говорят многие факты. Это и периодически повторяющиеся напоминания в центральной печати об ошибках татарской партийной организации в области идеологии, и разносные совещания в Москве. Весьма зловеще прозвучало в одном из центральных журналов указание на то, что буржуазно-националистические теории и настроения имеют место среди историков Татарии. Не способствовали стабилизации политической атмосферы и разгромные постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград", и шельмование М. Зощенко и А. Ахматовой, кампания против космополитизма и пр. Именно тогда был пущен в оборот термин "беспачпортный бродяга", после чего некоторые из им заклеенных арестовывались. Кстати, уже через многие годы и явно не попадая со временем, стремясь выглядеть в глазах властей суперпреданным большевиком, один казанский историк непристойно обозвал этой ждановской кличкой великого Гаяза Исхаки, Фуада Туктарова и Гумера Терегулова, добавив, правда, уже в порядке личной инициативы, что они

еще и лакеи империализма и лают на свой народ! Этого не было даже у Жданова.

Сказанное выше об обстановке в духовной жизни страны помогает понять нервозность властей Татарии, и в первую очередь партийных, их особо бурную реакцию на любые отклонения от генеральной линии в области идеологии. Казалось бы, к 1948 году почти все ошибки, отмеченные в постановлении 1944 года, были исправлены, и З. Муратов — первый секретарь обкома и Х. Рахматуллин — секретарь по идеологии, — могли вздохнуть спокойно: "Идегей" заклеимен, историки послушно признали, что татары — это наследники только булгар, а Золотая Орда — "империя зла". Но татарскому обществоведению жить спокойно суждено не было. В газете "Культура и жизнь", созданной в качестве идеологической дубинки для укрощения строптивых, 11 июля 1948 года появилась большая статья о задачах школы в воспитании советского человека сталинской эпохи. В ней, в виде одного из ярких примеров влияния буржуазной идеологии на воспитание молодежи, приводился учебник-хрестоматия по татарской литературе для 8-го класса, изданный в 1948 году. Газета писала, что составители учебника "недостаточно критически подошли к оценке литературы прошлого, умолчали об ошибках некоторых писателей, включили (разрядка моя — Б. С.) заведомо ошибочные и вредные произведения". Удар был нокаутирующим: это после того, как отрапортовали о добросовестном выполнении августовского постановления в Татарии, выпускают заведомо ошибочные и вредные произведения. В глазах ЦК — читай: Сталина, — обман, идущий "вверх", был страшным грехом. Ни Муратову, ни Рахматуллину тут не позавидуешь. Мало того, что виднейший татарский поэт Джалиль оказался под сильным подозрением — "служил немцам, а затем непонятно — то ли казнен ими, то ли сбежал и притаился", — а теперь еще такой прокол. И вся эта крамола опять идет из института истории, языка и литературы Казанского филиала АН СССР, где работают авторы учебника. Мало им попало за "Идегея", — и директора тогда сняли, но видно и новый — М. Гайнуллин, — не проявил бдительности. Таков приблизительно был, очевидно, ход мыслей партийных руководителей. Но делать нечего — критика в центральной печати и даже простое упоминание в перечислении вместе с другими, — требует обязатель-

ного обсуждения на бюро обкома. А тут целый абзац, да еще с такой жесткой формулировкой. Автор был знаком с Хаджи Баязитовичем Рахматуллиным — человеком, кстати, очень мягким и интеллигентным. Разговор состоялся в начале 50-х, он тогда уже прошел пик своей карьеры и был министром культуры. Вспоминая некоторые идеологические казусы прошлого, включая свой телефонный разговор со Сталиным по поводу романа К. Наджми, — об этом ходили легенды, — он сказал, что в 1948 году ему позвонил Александров и буквально накричал, пригрозив, что дело дойдет до вызова в ЦК. Думаю, что и с Муратовым мог состояться такой же разговор по линии орготдела ЦК.

Через день после появления статьи в газете была создана комиссия, которую возглавили зав. сектором печати ОК ВКП(б) Музагитов и инструктор сектора Ярмакеев. Уже 20-го августа на стол Муратова легла докладная записка "О недостатках и ошибках в книге "Учебник-хрестоматия по татарской литературе" для 8-го класса, автор — кандидат филологических наук, доцент Л. Заляй. "На пяти страницах убористого текста авторы записки подробно анализируют ошибки и недостатки книги. Внимание обращается не столько на литературные вопросы, сколько на общеисторические. И вообще, если не знать сути дела, то можно подумать, что речь идет об учебнике истории. Судя по записке, Л. Заляй сделал определенные выводы из прошлых "проработок". В частности, он писал, что "...приволжские народы были разорены золотоордынскими захватчиками, рост их культуры был приостановлен, права и честь их были попорчены... Отравление писателей той эпохи мусульманской религией также содействовало увлечению суфизмом, ибо мусульманская религия сама зиждется на суфизме". Вроде бы не придерешься — ордынцев разоблачил, ислам ругнул... Да еще обошел молчанием период Казанского ханства под предлогом отсутствия сохранившихся литературных памятников. Однако московская газета ошибки нашла, и тут уж ничего не поделаешь. Автора обвиняют в недооценке русской культуры, незнании методологии истории. Дальше наносится удар "ниже пояса". В записке приводится длинная цитата из сталинской статьи "Марксизм и национальный вопрос" (где им дается весьма упрощенная характеристика ступенек развития тюркских народов России) и делается вывод: "При изучении татарской куль-

туры, истории, литературы нельзя забывать этого весьма ценного указания товарища Сталина. В учебнике Заляя мы не видим изучения фактов истории татарской литературы с этой точки зрения". Да! крепко сказано. Забыл или недооценил Заляй товарища Сталина — одинаково плохо! А дальше уже — дело техники. К вредным произведениям авторы записки относят стихи и прозу Мауля Коляя, Утыз Имяни, Г. Кандаля, З. Бигеева. Мы-то теперь знаем, что эти люди — гордость татарской культуры, а их произведения — бесценный вклад в литературу. А вот оценка 1948 года: "Автор дает им незаслуженные высокие оценки... рассматривает их как деятелей, заложивших фундамент татарской литературы", а нужно было показать их "идейную и художественную скудость, их отдаленность от народных интересов, но автор учебника не сделал этого". Попало и Курсави. Его реформы, по мнению авторов записки, не являются прогрессивным явлением, а точка зрения Заляя на Курсави "есть исторически и политически грубая ошибка". И тут же — тяжелая "идеологическая артиллерия": Ленин называл таких, как Курсави, людьми, обманывающими народные массы, задурманивающими их сознание, а вот "тов. Заляй не мог понять этого".

Записка уничтожающая. Но, думаю, что чрезмерное употребление ругательств не всегда способствует достижению конечной цели. Если следовать букве записки, Заляя надо судить: и Сталина, и Ленина не ставит ни во что. Но ведь тогда последует вопрос — а где был сам обком, не в подполье же работал Заляй. Поэтому в постановление эти обвинения не вошли.

Заседание бюро обкома ВКП(б) состоялось 2 сентября 1948 года. На нем выступали Ярмакеев, Бакиров, Кашшаф, Рахматуллин, Зарубина (зав. школьным отделом), Узбеков и Муратов. Первые трое — с объяснениями, остальные — с обвинениями. Сохранилась стенограмма выступления Муратова. В нем он упрекает как работников обкома, так и министерство просвещения и издательство в благодушии, попустительстве автору. Особенно возмущает Муратова то, что этот факт попал на страницы центральной печати. Конец выступления весьма примечателен: "нужен настоящий учебник..., разоблачающий всякого рода течения, которые в конечном итоге приводили к контрреволюционному национализму". Вот где главная "головная боль" обкома — тень Султан-Галиева не-

зримо висит над всей идеологической жизнью Татарии. Поэтому, говорит Муратов, нужно "сделать политические выводы ко всякого рода отклонениям, ненависть воспитывать в ходе изучения материала". Фраза немножко неуклюжая, но точная — учебник должен воспитывать ненависть, что мы и делали многие годы.

Судя по протоколу, обвиняемые (Заляя на бюро не было, ответ за него и за себя держал редактор книги Г. Кашшаф) не оправдывались и, тем более, не ставили под сомнение выводы комиссии. Попробуй это сделать в то время! В констатирующей части постановления дана основная идеологическая установка для истории и литературоведения и характеристика прегрешений авторов.

Из него следует, что Заляй и Кашшаф проявили полную беспомощность в оценке прошлого и оказались в плену буржуазного объективизма. В учебник включены вредные произведения — "Сахипжамалга" — Кандалий и драма "Радди бичара кыз" Ф. Халиди и др. А дальше идет, по выражению одного из героев Ильфа и Петрова, "материализация духов и раздача слонов": признать учебник содержащим грубейшие ошибки в оценке татарской литературы и вредные произведения запретить пользоваться им в школах Татарской АССР. Осудить безответственное отношение руководства Министерства просвещения ТАССР и Татгосиздата и обязать их в 4-месячный срок выпустить новый". Правда, персональных взысканий не было.

Выводы были сделаны, и последующее издание учебника, казалось бы, очистили от всякой скверны. Но над этим учебником для 8-го класса словно висел какой-то рок. А точнее, рок висел над любым ученым, занимавшимся историей культуры татарского народа до 1917 года, и особенно средневековой. Попытки ввести, а точнее вернуть в сознание татарского народа имена, без преувеличения, великих мыслителей, поэтов и писателей, хотя бы в адаптированном виде, выделяя в их творчестве мотивы, созвучные советской эпохе, встречали жесткий отпор властей. Страх перед своей историей, воспоминания о борьбе с "султангалиевщиной" — этим политическим проклятием татарской общественной мысли, и недавние события, связанные с августовским 1944 года постановлением ЦК, вошли уже в политические гены руководителей республики и диктовали сугубую осторожность и же-

сткость в оценке прошлого. Так же, как в современной истории, где после репрессий 30-х оставалось только несколько идеологически приемлемых деятелей, именами которых назывались заводы и фабрики, так и в истории дореволюционной духовной жизни татарского народа разрешалось пропагандировать имена Тукая, Насыри и — с оговорками, — еще двух, трех лиц. Да и Тукай стал безоговорочно приемлем только с середины 30-х годов. Еще в их начале главный идеолог обкома Абдуллин на совещании работников культуры бичевал некоторых молодых писателей за увлечение мелкобуржуазным поэтом Тукаевым.

В январе 1952 года вновь всплыл и был поставлен на политический эшафот этот же учебник литературы для татарских школ. Формулировка бюро обкома была более жесткой, чем в 1948 году — "Об ошибках в учебнике литературы для 8 класса татарских средних школ". Практически в обвинительной части были повторены те же имена чуждых писателей, творчество которых якобы могло нанести ущерб делу комвоспитания молодежи и подорвать дружбу с великим русским народом. Более агрессивно характеризовался "джадидизм" — как союзник белогвардейцев, сомкнувшийся затем с троцкистско-бухаринскими националистическими бандами и ставший наемной агентурой капиталистических разведок. А ведь лихо! За пропаганду чуждых писателей критиковался теперь уже Яфаров, написавший в учебнике раздел о средневековой литературе, а за джадидизм, а точнее — за его якобы восхваление, — автор статей в журнале "Совет эдебиэте" Халит и проф. Горохов, написавший книгу "Реакционная школьная политика царизма в отношении татар Поволжья". Наиболее заушательскими были, конечно, оценки Яфарова: "бюро обкома считает, что ошибки, допущенные Яфаровым в учебнике, свидетельствуют о том, что он еще не порвал со своими прежними буржуазно-националистическими взглядами (разрядка моя. — Б. С.)". Очевидно, власть имущие весьма пристально наблюдали за эволюцией Яфарова¹. Не исключая и "агентурную разработку". Корень всех ошибок историков и литературоведов, не извлекших выво-

дов из предыдущих решений, обком видит в формальном отношении к указаниям партии и беспринципном, беспечном отношении к научной работе. Разумеется, любое решение должно освящаться именем лучшего друга ученых и физкультурников. И это тоже есть в постановлении: ученые "не учли указание товарища Сталина о том, что "никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений и без свободы критики", а самая главная ошибка историков и литературоведов Татарии — "не перестроили свою работу в свете указаний товарища Сталина, данных им в работе "Марксизм и вопросы языкознания".

Постановление намного более жесткое, чем в 1948 году: за допущение грубых ошибок националистического характера Яфарова Б. Г. из рядов ВКП(б) исключить, директору института М. Х. Гайнуллину объявить выговор, обсудить вопрос об ответственности Г. Халита на собрании партийной организации института. Далее шли поручения ведомствам и издательству — к началу учебного года выпустить новый идеологически здоровый учебник. Очевидно, обкому уже надоело хронически обсуждать этот учебник, и было решено поручить отделу школ подобрать новый состав авторов и утвердить его на бюро. Такая высшая степень легитимности авторов априорно предполагала, что если их подберет и утвердит обком, это будет гарантией от ошибок. Что же касается злощастного учебника, предлагалось немедленно направить в школы методическое письмо о том, как им пользоваться, дабы уменьшить его вредное влияние на школьников, а после окончания учебного года изъять и уничтожить. Конечно, это не масштабы 1937 года, когда изъяли и уничтожили как вражеские несколько десятков школьных учебников, но все же впечатляюще. Для того, чтобы все ученые гуманитарного профиля прочувствовали серьезность момента, и для профилактики крамолы секретарю обкома по идеологии С. Батыеву поручалось созвать собрание писателей, историков и научных работников, на котором обсудить постановление и в целом состояние дел на историко-литературном фронте. Что и было сделано в феврале...

Вот таковы некоторые страницы нашей истории. Сейчас мы часто жалуемся на тяготы времени, несовершенство системы и на многое другое. Жизнь дает для этого основания. Но не забудем и другое: впервые за почти 80 лет мы можем

¹ По сообщению З. И. Усмановой, учившейся в тот период в КГУ, после 1944 г. лекции Б. Яфарова систематически стенографировались.

открыто высказать свое мнение по многим острым и ранее запретным проблемам, свободно дискутировать, иметь свое суждение, отличное от господствующего. Высказать его, не рискуя получить выговор или срок и отлучение от профессии. И это безусловное достижение демократии. Правда, свобода иногда понимается как вседозволенность, как отдушина для дилетантов, способных одинаково амбициозно и квазинаучно судить обо всем: от геологии до гинекологии, а уж об истории — подавно. У таких появилась возможность заполнять страницы прессы своими графоманскими опусами, содержащими полный "переворот" в исторической науке в духе достопамятного Трофима Лысенко. Наверное, это издержки демократии. Но за все, в том числе и за свободу мнений, надо платить... И это цена не чрезмерная. "Демократия, конечно, вещь плохая и раздражающая, но все другое — еще хуже", — говаривал Черчилль. А он в этих вещах разбирался. Утешимся хотя бы этим...

Очевидно, читателю будет небезынтересно познакомиться с некоторыми документами той поры. Они позволяют более полно представить политическую атмосферу, в которой работали ученые-гуманитарии.

Особенно поучительно выступление Первого Секретаря обкома З. И. Муратова.

"Строго секретно"

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Бюро ОК протокол № 42 § 15 от 2/IX 1948 г.

Об учебнике татарской литературы для 8 класса средней школы

Бюро Обкома ВКП(б) отмечает, что учебник (хрестоматия) по татарской литературе для 8-го класса средней школы, подготовленный к печати в 1946 году, несмотря на имевшиеся в нем серьезные ошибки и извращения, был издан в 1947 году без коренной переработки. Газета "Культура и жизнь" в № 19 от 11 июля 1948 года совершенно правильно отметила, что составители этого учебника "недостаточно критически подошли к оценке литературы прошлого, умолчали

об ошибках некоторых писателей, включили заведомо ошибочные и вредные произведения".

Составитель учебника т. Заляй и редактор т. Гази Кашшаф проявили полную беспомощность в анализе творчества татарских писателей прошлых веков и истории татарского народа, вместо марксистско-ленинской оценки наследства прошлого они оказались в плену буржуазного объективизма.

В учебнике слабо представлено творчество классиков русской литературы и крайне недостаточно освещено влияние русской культуры на развитие культуры татарского народа. Плохо и путанно написаны разделы учебника, посвященные характеристике татарской литературы древнего периода и XVII—XVIII веков. Отсутствует систематичность в изложении материалов, допущены многочисленные искажения исторических событий.

В учебник включены вредные произведения (стихотворение "Сахипджамалга" — Г. Кандалий, драма "Радди бичара кыз" Ф. Халиди и др.), идеализирующие жизнь мулл, баев и купцов, дана незаслуженно высокая оценка таким писателям, как Утыз Имяни, Мьявля Кулый, Г. Кандалий, не показана идеалистичность и примитивность их творчества и отдаленность от интересов народных масс. В учебнике не вскрыта отрицательная роль ислама и суфизма в истории культуры татарского народа, неправильно дана оценка течению джадидизма, превратившегося впоследствии в контрреволюционное движение.

Учебник написан сухим, мало доступным для учащихся языком, изобилует грамматическими и стилистическими ошибками и не отвечает задачам коммунистического воспитания учащихся.

Бюро Обкома ВКП(б) особо отмечает, что Министерство просвещения ТАССР (бывший министр т. Контюков, заместитель министра т. Мукминев) и управляющий Татгосиздатом т. Тинчурин безответственно и формально отнеслись к изданию учебника. Они не реагировали на критику этого учебника в печати и издали его без коренной переработки. Институт истории, языка и литературы Казанского филиала Академии Наук не оказывают помощи Министерству просвещения, Татгосиздату и авторам в создании высококачественных и идейно выдержанных учебников для школ.

Бюро Обкома ВПК(б) **постановляет:**

1. Признать учебник по татарской литературе для 8 класса средней школы (изд. 1947 г., автор Л. Джалай, редактор Гази Кашшаф) не отвечающим требованиям коммунистического воспитания учащихся, содержащим грубейшие ошибки в оценке татарской литературы и вредные произведения и запретить пользоваться этим учебником в средних школах Татарской АССР.

2. Осудить безответственное отношение руководства Министерства просвещения ТАССР (бывш. министр т. Контюков, заместитель министра т. Мукминев) и управляющего Татгосиздатом т. Тинчурина, допустивших издание ошибочного и вредного учебника по татарской литературе.

3. Обязать Министерство просвещения ТАССР (т. Абузярова) и Татгосиздат (т. Тинчурина) в 4-месячный срок выпустить новый учебник по татарской литературе для 8 класса и впредь обеспечить издание учебников, в полной мере отвечающих задачам коммунистического воспитания учащихся, широко привлекая к этому делу передовое учительство и научных работников вузов.

4. Обязать директора института истории, языка и литературы Казанского филиала Академии наук СССР тов. Гайнуллину оказать Министерству просвещения и Татгосиздату практическую помощь в улучшении качества издаваемых учебников по татарской литературе, совместно с ними пересмотреть программы для 5—10 классов по татарскому языку и литературе и устранить имеющиеся в них недостатки.

Бюро от 12.IX-48 г.

§ 5. Об учебниках по литературе для татарских школ

(тт. Ермакеев, Бакиров, Кашшаф, Рахматуллин,
Зарубина, Узбеков, Муратов)

Муратов.

Прежде всего следующее нужно понять, что партийная забота должна быть о том, чтобы нам иметь учебники настоящие, стабильные, отвечающие всем требованиям, прежде всего требованиям партийности, партийной принципиальности в освещении, в анализе, в характеристике событий, в выво-

дах, требованиям воспитания коммунистической сознательности у наших школьников, чего нет в настоящий момент со стороны работников Министерства Просвещения, со стороны работников издательства (я имею в виду Татгосиздат), со стороны работников, которые специально занимаются в институте языка и литературы. Нет должного внимания к этому вопросу и со стороны работников наших Школьного отдела и Отдела Пропаганды.

Почему я об этом говорю? Прежде всего потому, что этот учебник имеет крупные недостатки, содержит ошибочные положения, об этом специально написано в газете "Культура и жизнь", в статье, посвященной вопросу подготовки школ, в том числе говорится, что и в Татарии издан такой вот учебник. Узнали мы об этом из газеты. Причем в газету написал не кто-нибудь из присутствующих, имеющий прямое отношение. Значит, все, в какой-то степени зная, что учебник содержит большие ошибки, молчали, принципиально не ставили вопрос, зная о том, что учебник имел большие ошибки, оказался предметом обсуждения в 1946 году еще, а работники Министерства вопрос по-партийному не поставили ни в обкоме партии, ни в его отделах, а просто собрались по-семейному, по-приятельски — раз учебника в школе нет, пошли на уступки — пусть брак, но все-таки издадим.

Прежде всего нам необходимо с такой неправильной, гнилой практикой покончить. Прежде всего надо, чтобы тов. Абузяров в этом отношении был на высоте, чтобы в этом отношении на высоте был Отдел Школы, никаких уступок, когда речь идет о принципиальности, чтобы в этом отношении принципиальными были и работники издательства.

В решении отметить, чтобы такого отношения не было. Работники издательства проявили тут самое безответственное отношение к изданию учебника. Даже работник, который ведает этим сектором, после соответствующего разрешения Министерства Просвещения даже не удосужился прочитать этот учебник. Разве так можно относиться к идейным вопросам после исторических указаний Центрального Комитета партии, после исторических решений по вопросам идеологии, разве можно вообще так относиться? С такой практикой безответственного отношения необходимо покончить.

Та оценка, которая дана в газете "Культура и жизнь", — она безусловно правильная. Правильно освещены основные недостатки, правильно освещен вопрос тов. Рахматуллиным.

Я считаю — не продумал, не проанализировал недостатки даже после того, как специальная статья была в газете о наличии таких принципиальных недостатков, совершенно не проанализировал работник издательства тов. Бакиров. Он тут присутствует, а для чего присутствует — ничего он не сказал по идеологической брешу в его работе.

Недостаточно проанализировал, недостаточно продумал и тов. Абузяров. Вы должны эти вопросы остро ставить, чтобы дать перспективы, чтобы мы имели настоящий стабильный учебник, стоящий на уровне нашей большевистской, партийной науки.

Должен сказать, недостаточно проанализировал, хотя неоднократно читал, и т. Гази, что такой учебник для нас не годится.

В решении отметить, что хрестоматия по литературе для 8 кл. татарской школы содержит идеологические ошибки принципиального характера. В чем это выражается? Прежде всего учебник анализирует не на партийном уровне, отсутствует необходимая партийность в освещении важнейших вопросов литературы, истории, характеристики периодов и отдельных личностей, отдельных течений.

С каких позиций они освещены? Партийный подход подменен буржуазным объективизмом, ничего общего не имеющим с марксистской идеологией. Этот вредный учебник мы не можем разрешить, лучше без учебника, чем забивать головы нашим детям в таком духе. Это принципиальная ошибка. Буржуазно-объективистический подход протаскивается в этом учебнике. Заведомо реакционное преподносится как нечто прогрессивное, положительное. Как можно пользоваться таким учебником? Религиозные реформы или попытки приспособиться под существующий строй или заняться выдумыванием новой религии как прогрессивной? Для чего это нужно? Говоря об этом, не даете социальной оценки. Это показывает гниение буржуазной литературы, буржуазного мировоззрения. Это — проповедь, попытки под видом обновления подsunуть мракобесие. Что эти вопросы еще не решены? А что не решено? Скажите, в чем здесь прогресс — в попытках приспособить религию? Я думаю, что вы сами знаете. Некоторые из вас, те,

которые имели отношение к изданию, сами оказались в плену этого Заляя. Очевидно, такой подход и в издательстве. С этим надо покончить. Совсем не на научном уровне подобран фактический материал. Что мы можем получить от этого стихотворения, для чего нам, — просто неясно. Можно сказать только — для того, чтобы усыпить нас, запутать для того, чтобы эту принципиальную линию затушевать. Я думаю, что тут нельзя на такой путь вставать. С такой неправильной практикой в издании учебников надо кончать. Редактору нельзя быть либералом. У нас редакторов не так много. Видимо, тут жесткая принципиальная требовательность должна быть. Не они должны вам диктовать, а вы должны диктовать.

Указать на безответственное отношение к издательству со стороны издательства этого учебника. Я имею в виду т. Тинчурина. Затем бывш. министра просвещения Контюкова. Записать, чтобы учебник был забракован, не было санкции без надлежащей переделки, что редактор оказался не на высоте, не обеспечил строгой требовательности, а результат такой — недоброкачественный учебник.

Предложить, чтобы в течение 6-ти месяцев учебник был, а до этого издать, по-видимому, придется отдельными разделами для 8 класса, чтобы занятия там не срывались.

В решении отметить, что и программы неудовлетворительные. Программы пересмотреть, привести их в соответствие и тщательно продумать в направлении течений, периодизации. Принципиальные вопросы должны быть обсуждены не в узком круге, а чтобы предварительно были приглашены основные специалисты, ученые, литераторы, знатоки этого дела. Я думаю, что мы такой учебник создадим. В этом учебнике настоящей правды не было. И о значении русской литературы не дали, не сказали о ее влиянии. До каких пор будет продолжаться это дело? Я уже не говорю о небрежности (13—19 вв.). И в конце книги исправления нет. Это уже небрежное, неправильное отношение к освещению фактической стороны дела.

Этот учебник — на низком культурном уровне, не выдерживает принципиальной большевистской критики. А нам необходим настоящий учебник, который стоял бы на марксистской позиции, который беспощадно разоблачал бы всякого рода течения, которые в конечном итоге приводили к контрреволюционному национализму.

Вы должны всесторонне проанализировать и сделать политические выводы ко всякого рода отклонениям, ненависть воспитывать в ходе изучения материала.

Отметить, что в газете "Культура и жизнь" правильно отмечены ошибки в статье".

ПРИГОВОРЕННЫЕ К СМЕРТИ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

(Трагедия генералов Вальтера фон Зейдлица
и Василия Гордова)

Мы мало и нередко упрощенно пишем о крупных немецких военачальниках, оказавшихся в советском плену. Среди них, независимо от воинского звания, были весьма неординарные личности. Об одном из них мы расскажем ниже. Речь не идет о настоящих военных преступниках, получивших заслуженное наказание. Хотя по прошествии времени становится очевидным, что какая-то часть отнесенных и к этой категории была осуждена советскими судами по мотивам, не имеющим отношения к правосудию, а иногда и просто за "несговорчивость", нежелание становиться марионетками, а то и осведомителями.

Наиболее яркой и крупной фигурой среди них был Вальтер фон Зейдлиц. Его имя впервые стало широко известно в СССР после Сталинграда. Полный генерал артиллерии Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах — представитель старинного дворянского рода, один из предков которого — кавалерийский генерал, — успешно воевал против русских еще в XVIII веке и был назван Энгельсом одним из лучших военачальников Пруссии, — попал в плен вместе с Ф. Паулюсом. Фактически это была вторая по величине фигура после Паулюса, сдавшегося в плен вскоре после поспешного присвоения ему звания генерала-фельдмаршала. Очевидно, Гитлер, давая его командующему окруженной группировки, основой которой была 6-я армия, рассчитывал стимулировать его решимость сражаться до конца. А в случае опасности пленения Паулюс должен был вспомнить, что ни один немецкий фельдмаршал в плен не сдавался... Что получилось из этого — мы уже знаем.

Находясь в плену, Зейдлиц подверг честному и беспощадному анализу свое прошлое, связанное со службой Гер-

мании, а затем Гитлеру. Блестящий аналитик и трезвомыслящий политик, Зейдлиц бесповоротно порвал с прошлым. Свое отношение к Гитлеру, видение послевоенной Европы и мира в целом после краха гитлеризма он сформулировал в документе, который и сейчас поражает реализмом и провидческими прогнозами. Но сначала немного о его предыстории.

Известно, что Сталин и его окружение в результате трагических событий начального этапа войны, старались избавиться от шапкозакидательских настроений предвоенного периода. Начавшийся после бесславной финской кампании процесс отрезвления был ускорен злосчастными итогами 1941 и первой половины 1942 года. Война и ее суровые реалии заставили политическое руководство страны без особых идеологических предубеждений рассматривать все ее военные и политические компоненты. В случае необходимости шли и на отказ от таких идеологических символов и хоругвей, которые, казалось бы, намертво вписаны в марксистско-ленинские святцы. Можно представить, что бы ожидало, например, человека, осмелившегося предсказывать где-нибудь в 1940 году, что не пройдет и нескольких лет, как в Красной Армии появятся погоны и офицерские звания, а "священная корова" будущей мировой революции — III Интернационал, — будет бесславно распущен...

Заметная роль в политико-пропагандистском обеспечении военных действий отводилась работе с военнопленными. Правда, до осени 1942 года их было мало по сравнению с числом военнопленных в Германии. Только выигрыш Сталинградского сражения позволил получить огромный контингент сдавшихся в плен солдат и офицеров, в том числе и генералов. В них Сталин видел будущих просоветских строителей новой Германии — демилитаризованной и социалистически ориентированной. Исходя из этого и определялись принципы работы с ними. Главным рычагом воздействия на военнопленных стал Национальный комитет "Свободная Германия", официально возникший в июле 1943 года. В него вошли ведущие политэмигранты-коммунисты, прокоммунистически настроенные представители интеллигенции, а также часть военнопленных, по различным соображениям решивших участвовать в деятельности созданной по решению ЦК ВКП (б) и находившейся под негласным руководством политорганов и спецслужб организации. Разумеется, это об-

стоятельство не исключало наличия, как, например, у нас в Елабуге и Арске, специальных агитаторов и воспитателей немецких военных в нужном властям направлении. Впрочем, другой она быть и не могла. Президентом НКСГ стал коммунист писатель Эрих Вайнерт, а вице-президентом — Вальтер Зейдлиц. В сентябре того же года в подмосковном поселке Лунево состоялась встреча 100 представителей из пяти офицерских лагерей военнопленных, на ней был образован Союз немецких офицеров — СНО, вскоре примкнувший к НКСГ. Президентом СНО единогласно избрали В. Зейдлица, вице-президентами — генерал-лейтенанта А. Э. фон Даниэльса, полковников Х. Г. Хоофена и Л. Штейбла. Рассмотрение деятельности этих организаций выходит за рамки очерка, хотя в их истории немало "белых пятен". В историографии СССР и ГДР деятельность НКСГ и СНО представлялась, в основном, как череда успешных действий, акций и операций, однако действительность была намного сложнее и противоречивее. В задачу, поставленную перед этими образованиями, кроме основной — содействия ослаблению сопротивления немецких войск на фронте и подъему антигитлеровских настроений в тылу, входили, очевидно, и специальные операции. Важнейшей политико-стратегической целью считалась подготовка кадров, способных в будущем обеспечить создание новой Германии и выкорчевывание остатков гитлеризма. В отличие от Паулюса генерал Зейдлиц проявлял большую политическую активность и участвовал в целом ряде пропагандистских акций. Выступал по радио, подписывал обращения и листовки к армии и немецкому народу. Он искренне верил, что затягивание войны обескровит Германию и надолго выведет ее из числа ведущих государств мира и Европы, а, возможно, приведет и к ее расчленению. В одной из подписанных Зейдлицем листовок говорилось: "Война стала теперь личной войной Гитлера, который хочет купить отсрочку своей гибели ценою жизни своих солдат". Эти действия можно расценить по-разному, но не вызывает сомнения, что Гитлер стал для него символом антинародных сил, толкающих страну в пропасть. Будучи талантливым военачальником — а на его счету были крупные операции по деблокированию окруженных немецких войск, и, в частности, спасение в апреле 1942 года попавшей в "котел" делянской группировки, (не случайно Гитлер рассматривал гене-

рала как замену Паулюсу) — Зейдлиц понимал бесперспективность продолжения войны после Сталинграда.

Это толкнуло его на беспрецедентный шаг. В феврале 1944 года он прибыл на передовые позиции советских войск и обратился к немецким генералам, офицерам и солдатам, окруженным под Корсунь-Шевченковским, с призывом капитулировать, рассчитывая спасти десятки тысяч обреченных людей. Однако этот призыв не был "услышан", и при ликвидации котла погибли более 60 тысяч человек. Именно после этого по приказу Гитлера Вальтер Зейдлиц был заочно приговорен к смертной казни через повешение, лишен всех наград и званий... С точки зрения военных законов, наверное, это было оправдано. Представьте, что к советским войскам во время трагических событий под Киевом летом 1941 года или в районе Харькова в 1942 году с таким же призывом обратился бы кто-нибудь из попавших в плен наших генералов... Полагаю, что реакция советской стороны была бы не менее жесткой. Это теперь немцы понимают, что по большому счету Зейдлиц был прав.

Профессиональный военный, Зейдлиц привык добиваться поставленной цели наиболее эффективным путем. А главной задачей был скорейший вывод Германии из-под власти Гитлера, и тут ему были явственно видны слабые, а подчас и ошибочные пропагандистские ходы советского командования и НКСГ. Свои аналитические размышления он изложил в подготовленном для политического руководства СССР "Меморандуме", назвав его "Размышления и предложения по свержению гитлеровского режима и скорейшему окончанию войны"¹. Выяснилось, что Зейдлиц направил свой "Меморандум" и Л. Берии.

Советские органы, высоко ценившие Зейдлица в 1943 и первой половине 1944 г., теперь занимали по отношению к нему все более жесткую позицию. Им не удалось склонить его к одобрению послевоенной политики в Германии. Зейдлиц не признал создания ГДР и не принял в 1948 году предложения Берии переехать в советскую зону оккупации и занять высокий пост в созданных коммунистами органах власти. Окончательно переполнили "чашу терпения" властей два

¹ Полностью этот актуальный и для нашего времени документ опубликован недавно. См. Источник. 1996, № 1. С. 48—62.

его поступка, свидетельствующие, независимо от нашей оценки, о гражданском мужестве генерала: он отказался подписать приветствие Сталину по случаю 70-летия и благодарственное письмо ему же. Напомним, что в это время генерал все еще находился в советском лагере!

Как видно из документов, советские власти за 7 лет пребывания в плену не имели к Зейдлицу никаких претензий по поводу нарушения им законов ведения войны во время командования корпусом и оперативными войсковыми объединениями на советско-германском фронте. Больше того, он представлялся им главной фигурой генералитета, которая могла бы занять руководящие посты в будущей ГДР. Теперь же его позиция начала представлять опасность и могла негативно воздействовать на других высших офицеров.

В июле 1950 г. Зейдлиц вместе с несколькими другими "несговорчивыми" офицерами неожиданно предстал перед военным трибуналом.... Он был назван крупным военным преступником... и приговорен к смертной казни! Решение о нем принималось с санкции Сталина. Если гитлеровский приговор можно еще объяснить законами военного времени, то сталинский был просто местью человеку, не пожелавшему поступиться своими понятиями о чести и достоинстве.

По иронии судьбы в эти же дни так же трагически завершилась судьба его бывшего противника под Сталинградом генерал-полковника Василия Гордова. Он командовал Сталинградским фронтом в начальный период сражения и не сумел тогда остановить немецкую армаду. В пропагандистской пьесе Корнейчука "Фронт", написанной по прямому указанию Сталина и поставленной большинством театров страны в 1943 году, он был назван "Горловым" и выведен человеком, безнадежно отставшим от современного военного искусства. В образе "Горлова" узнаваемы также черты Буденного, Ворошилова, Кулика и Тимошенко — соратников Сталина по "гражданской", оказавшихся несостоятельными полководцами во 2-й мировой. Его "антиподом" в пьесе был молодой генерал "Огнев", прототипом которого многие считали Рокоссовского. Тем не менее Гордов всю войну успешно командовал гвардейскими общевойсковыми армиями, стал Героем Советского Союза, трижды награждался орденом Кутузова I-й степени. После Победы он назначается на высокий пост командующего Приволжским военным округом. Во-

еначальники-победители находились под неослабным контролем. Сталин боялся "бонапартизма". Их разговоры начали записываться еще с 1943 г. По указанию Сталина начальник СМЕРШ В. Абакумов тогда установил подслушивающую аппаратуру в кабинетах и на квартирах.

Подслушивающие аппараты, установленные МГБ в кабинете и на квартире командующего округом, зафиксировали крайне негативную оценку им Сталина как полководца и государственного деятеля. Характеризуя его, он с солдатской прямотой нередко употреблял общеизвестное "кодовое" слово из трех букв, которое, как и производные от него эпитеты, часто служит у нас средством краткого и исчерпывающего определения самых различных явлений... Наверное, особый гнев вождя вызвало и то место из подслушанного разговора с женой, где генерал, вспоминая начало войны и особенно встречу в Кремле 23 июля 1942 года перед назначением командующим Сталинградским фронтом, назвал его перепуганным и жалким человеком. Уроженец небольшого замка Матвеевка, неподалеку от Мензелинска, не терявший связи с земляками, Василий Гордов особенно зло отзывался о сталинской политике разорения крестьян. Он был избран депутатом Верховного Совета СССР, и его потрясло то, что он увидел в своем сельском округе.

Представивший эти записи Сталину министр ГБ Абакумов получил указание взять Гордова под особый контроль и немедленно докладывать ему обо всех разговорах генерала дома и с сослуживцами. Итог слежки был закономерен... Арестован в январе 1947 года. После пыток "признался" в организации группы по свержению советской власти и желании отдать территорию СССР империалистам. 24 августа 1950 года Гордов был приговорен к расстрелу. В тот же день он и судимые вместе с ним его заместитель, бывший маршал и бывший любимец вождя Г. Кулик и генерал Ф. Рыбальченко были казнены в одном из подвалов Лубянки. Под надетыми на головы черными колпаками они не могли видеть, что их казнь удостоил присутствием сам Абакумов. Тот, конечно, не мог предполагать, что ему самому оставалось до ареста меньше года и три года до казни.

Репрессировали в первые послевоенные годы и ряд других военачальников: Главного маршала авиации В. Новикова, маршала артиллерии Н. Яковлева, адмирала Л. Галлера,

генерал-лейтенанта М. Телегина, наркома авиационной промышленности генерал-полковника А. Шахурина и др.¹ Угроза ареста нависла и над некоторыми другими крупными военачальниками. Это было новое напоминание о 37-м... Как и другие репрессалии. Март 1953 года спас многих! Что же касается Вальтера Зейдлица, то ему повезло больше, чем Василию Гордову. После месячного пребывания в камере смертников было объявлено, что советское правительство, проявляя гуманизм, заменяет ему смертную казнь 25-ю годами каторги! Наказание Зейдлиц отбывал вначале в Новочеркасске, а затем в Бутырской тюрьме.

Во время своего первого визита в Москву в 1955 г. канцлер ФРГ Конрад Аденауэр поставил условием установления дипломатических и экономических отношений освобождение или смягчение приговоров с дальнейшим отбыванием наказания в ФРГ для более чем 13 тысяч немецких военнопленных, находившихся в Гулаге. Первым в этом списке значился В. Зейдлиц. В октябре 1955 года 67-летний тяжело больной генерал был отправлен в Западную Германию. Решением правительства ФРГ ему возвращаются звание и награды и устанавливается весьма значительная пенсия. В общественно-политической жизни он больше не участвовал. Род Курцбахов отличался долголетием. Не стал исключением и Вальтер Зейдлиц, скончавшийся в 1976 году в возрасте 88 лет, намного пережив обоих диктаторов, приговаривавших его к смерти. Над его могилой установлен внушительный памятник. Где покоятся останки Василия Гордова, Григория Кулика и Филиппа Рыбальченко неизвестно! Все трое посмертно реабилитированы. Спасибо и за это.

МИДХАТ МУХАРЯМОВ: КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

Незадолго до его последнего "ухода" в больницу состоялся разговор с Мидхатом Каримовичем. Разговор, как оказалось, последний. Речь шла об Ильесе Алкине, фигуре загадочной, яркой и противоречивой. К тому времени уже стали если не опадать, то, по крайней мере, терять бетонную проч-

ность ярлыки, приклеенные к нему и его соратникам. Но конец его земного пути был как бы в тумане, равно как и брата его Джигангира. Младший из них, Аскар, был, оказывается, еще жив, но, к сожалению, об этом стало известно с опозданием. И, конечно, никто, пожалуй, кроме Мидхата Каримовича, не знал столько подробностей и хитросплетений политической жизни Казани конца лета — начала осени 1918 года, когда город стал своеобразным "полигоном", на котором были опробованы различные идеи выхода из кризисного состояния общества. Все мы в свое время видели начало гражданской войны в нашем регионе во многом глазами М. Мухарямова, посвятившего этой теме практически весь свой интеллектуальный потенциал. К сожалению, и он мало что знал о последних годах Алкина, но наш разговор вышел за рамки его личной судьбы и коснулся ряда тем, которые перестали быть запретными и, в частности, судьбы Мирсаида Султан-Галиева, личности М. Вахитова — без налета примитивной мифологической шелухи и многого другого...

Меня порадовало тогда отсутствие у него "идеологической зашоренности", искреннее желание разобраться в правдивости многих постулатов, пропаганде которых наше поколение посвятило значительную часть жизни. Чего греха таить, немало из тех, кто кормился вокруг партийной и ленинской темы, дававшей значительные "дивиденды", затем в наше смутное время марш-броском кинулись в другую противоположность, а некоторые, не имея ничего за душой, кроме затверженных и удобных схоластических схем, выбрали удобную позицию умолчания, тем более что полученных в свое время званий, степеней и премий никто не трогал и, очевидно, правильно делали. Первоначальный шок и испуг у некоторых поклонников "краткокурсного варианта" истории был настолько велик, что даже komponуя учебную программу для студентов, один из них умудрился "забыть", перечисляя важнейшие проблемы 1917 года, национальный вопрос. Правда, сейчас некоторые, оправившись от испуга, снова в меру своих весьма ограниченных познаний и интеллекта рвутся к степеням и званиям, где нахрапом, а где и буквально падая в обморок или умело имитируя его, вызывая жалость ученого совета, дарующего вожденную степень. Чего не сделаешь, когда, по татарской поговорке, "дэрт бар, ә дәрман юк". Так вот, на мой взгляд, М. Мухарямов был чужд таких крайно-

¹ Л. Галлер умер в тюрьме в Казани.

стей и относился к разного рода приспособленцам и шустрым дельцам с нескрываемым презрением. До сих пор помнится многим его краткий и уничтожающе четкий ответ на попытку одного из таких "перестройщиков", семенящих впереди всякого прогресса, в завуалированной форме и не без ехидства попрекнуть во время конференции, посвященной 100-летию М. Х. Султан-Галиева, некоторыми прошлыми идеями. Он был истинным ученым, в самое сложное время сумевшим путем компромисса с существующими порядками, порядками весьма жесткими, создать немалый задел, опираясь на который, новым поколениям легче создавать исторические работы, значительно более приближенные к истинному положению вещей.

В своих размышлениях о личности М. К. Мухарямова как историка и общественного деятеля я не буду касаться его научно-административной деятельности, заслуживающей особого очерка, тем более есть немало людей, работавших под его непосредственным руководством. Скажу только, что приход его в свое время к руководству сложным коллективом института, который до этого буквально раздирали противоречия, выплескивавшиеся даже в союзную печать, в немалой степени помог созданию там творческой атмосферы и, полагаю, что заметную роль в этом сыграл и его единомышленник Зямыль Гильманов, одна из самых светлых личностей в нашей исторической науке, чье нравственное биополе благотворно влияло на многих. Но это уже другая тема. Возможно, здесь я субъективен, но вот такими я вижу их — эту великолепную "связку", как говорят альпинисты, преодолевшую многие крутые перевалы.

А теперь о главном. Каким представляется путь Мидхата Каримовича в нашей многострадальной исторической науке, особенно в той ее части, где мне пришлось в той или иной степени встречаться, сотрудничать, консультироваться, а иногда и спорить с ним.

Впервые наша встреча состоялась в 1955 году. Его заинтересовала биография моего отца — делегата 2-го съезда коммунистических организаций народов Востока и члена легендарного Временного революционного совета Башкирии — органа, предвосхитившего еще в 1918 г. многие идеи и решения, которые впоследствии легли в основу создания Башкирской советской автономии. Круг моих интересов в то время

был далек от этих проблем. По просьбе М. К. Мухарямова я передал ему ряд документов отца, в том числе и мандат делегата съезда и фотографии, сказав, что с подобной же просьбой к моей матери М. А. Сагитовой обратился уфимский ученый Рамазан Усманович Кузеев. В конце разговора Мидхат Каримович неожиданно спросил, а реабилитирован ли отец? Узнав, что вопрос об этом семьей не ставился, ибо после исключения из партии в 1938 году его арестовать не успели, он попал на стол хирурга (это был проф. Домрачев, буквально вытащивший его "с того света"), а затем через год умер. Он рекомендовал все же этот вопрос поставить, сказав при этом ряд добрых слов об отце. Одновременно, узнав, что я окончил исторический факультет КГПИ, посоветовал заняться изучением истории гражданской войны в ее национальном аспекте, сказав, что будет моим консультантом. Но время для этого, очевидно, еще не пришло, работа в отделе школ обкома партии отнимала много времени, да и желания особого, честно говоря, не было... Меня больше интересовала история народного образования, по которой и опубликовал первую статью.

В начале 60-х я перешел на работу в пединститут, причем выбор был сделан не без влияния А. Х. Бурганова, весьма немного поработавшего заведующим отделом школ обкома, а затем ставшего, тоже на короткое время, заведующим кафедрой КГПИ. В эти годы появляется в печати ряд работ, ставших как бы предвестниками будущего отказа от жестких схем, заданных "кратким курсом". По нашим временам вседозволенности, иногда выходящей за рамки здравого смысла, в них вроде бы нет ничего особенного. Речь шла даже не о пересмотре догм, а просто об уточнении некоторых особо уж одиозных положений, косметической корректировке. Но "система" была по-своему права — разреши небольшую корректировку, смещение акцентов, а там дело дойдет и до "священного писания". Поэтому, когда вспоминаешь литературные баталии 50—60-х вокруг Дудинцева, Пастернака, а в истории — вокруг некоторых высказываний Бурджалова и других, приходится объяснять нашим "смелым" ниспровергателям, что тогда усомниться даже в написании того или иного термина было намного опаснее по своим последствиям, чем сейчас ниспровергать целые эпохи. Такие явления были и в Татарии. Например, многим показалось шокирующим то, что

в книге молодого тогда литературоведа М. Хасанова было прямо написано, что Галимджан Ибрагимов в 1938 г. умер в тюрьме. Мы тогда умалчивали о конечных датах и причине смерти многих деятелей. Неудачей кончилась попытка У. Белялова выступить с докладом и опубликовать данные, открывающие масштабы репрессий в промышленности. Общеизвестна история создания "группой товарищей" по кафедре образа "ревизиониста А. Х. Бурганова". Зато поощрялось плоское и удобное изложение истории республики с двумя-тремя тщательно проверенными и отретушированными персонажами в духе того, что впоследствии виднейший литературовед и историк культуры И. Нуруллин назовет "мифотворчеством". Можно было в лучших традициях средневековой схоластики спорить о том, какого цвета был сарай, в котором прятали листовки, или считать крупным открытием получение данных о том, что письмо имярек в Казань пришло не в понедельник, а в среду. Особенно "заминированным" было поле изучения национального вопроса. Над всеми висела зловещая тень "августа 1944 г." и более поздних предупреждений. В 1948 г., после разгрома биологии, литературы и попыток внести классовые мотивы в изучение физики и физиологии, готовились, очевидно, и другие акции уже в области общественных наук (они потом на "излете" заделали политэкономия и языкознание), и "пристрелочным" выстрелом прозвучало утверждение в одном из официозов о том, что и среди историков Татарии "продолжают еще пользоваться кредитом всякого рода буржуазно-националистические теории". Таковы были реальности, по которым пришлось вступать на стезю исторической науки фронтовику-танкисту, молодому юристу Мидхату Мухарямову. Не ставя целью создание панегирика — в этом он и не нуждается, — хочу напомнить, что в республике после ухода из жизни Х. Гимади, по ряду причин не сумевшего полностью реализовать свои большие потенциальные возможности, лидерами в области изучения революционного движения и процесса становления советской государственности — а это была стержневая проблема — становятся М. К. Мухарямов и И. М. Ионенко. Можно без особого преувеличения говорить о создании ими направления и даже научной школы в этой области. Автору пришлось тесно общаться с обоими — И. Ионенко был моим научным руководителем, а М. Мухарямов — оппонентом.

Впоследствии мне довелось вместе с ними не единожды оппонировать диссертации.

Что привлекало меня в исторических работах М. Мухарямова, работах опубликованных, ибо во время устного обсуждения проблем оценки были значительно раскованнее, но об этом чуть позже. В первую очередь уникальное знание фактического материала. Личностные данные деятелей той поры представлены во всей их противоречивости. Тот раздел истории, который стал для него полем исследования, он анализировал всесторонне, включая и дотошное изучение источников и литературы на арабской графике. Увы, ведь это было уязвимым местом многих наших исследований, дело доходило до анекдотов, когда один из моих приятелей с гордостью заявил, что использовал всю доступную ему татарскую печать... выяснилось, что он читал газету, печатавшуюся для татар-кряшен на русском алфавите... Правда, сейчас ситуация изменилась, и многие молодые ученые, и не только татары, сравнительно свободно владеют навыками чтения татарских газет и журналов тех лет.

Но вернемся к М. Мухарямову. Уже в начале 60-х годов его статьи и книги по наиболее актуальным проблемам национально-государственного строительства стали заметным явлением в советской историографии и были отмечены видными специалистами в этой области. Вышедшие в 1969 году книги "Октябрь и национально-государственное строительство в Татарии" и "Гражданская война в Татарии" явились своеобразным обобщением мыслей и идей, изложенных до этого в цикле исследовательских статей и книг, посвященных этим сложным и противоречивым проблемам. Не вдаваясь в историографический анализ всех этих работ, могу сказать, что добротная источниковая база и спектр охватываемых событий выделяли их среди подобных работ, написанных по другим регионам. Книга, посвященная национально-государственному строительству, изданная в Москве, по постановке проблем и нестандартному освещению событий даже несколько опережала свое время. Но это моя личная точка зрения, и могут быть иные.

Наиболее близкие контакты с Мидхатом Каримовичем сложились у автора в середине 70-х гг., когда, будучи уже маститым ученым и признанным специалистом в области национально-государственного строительства, он начинает

увлеченно и со свойственной ему фундаментальностью разрабатывать историю культурного строительства и формирования интеллигенции. В процессе подготовки коллективной монографии "Гражданская война в Поволжье", в которой М. К. Мухарямову принадлежат ряд разделов, мне было поручено написание раздела о научно-технической интеллигенции. Во время сбора материалов и осмысления их пришлось несколько раз консультироваться с ним. Запомнились яркие характеристики ряда татарских интеллигентов, чьи сложные и по тем временам крамольные биографии не умещались в заданную схему. В частности, он рассказывал о чистопольце Тавризе Салахове, ряде учителей Бугульмы, сложной фигуре Н. Бушмакина, автора антисоветской резолюции Казанского университета во время захвата города учредителями, затем ставшего одним из самых крупных организаторов высшего образования в Сибири, ректором Иркутского университета. У меня сохранились фрагменты машинописной копии подаренной им биографической подборки ведущих ученых Казани того времени. Некоторые замечания были весьма необычны. Это, конечно, не означает, что он уже тогда пересматривал свои взгляды. Заданная схема, да и источниковая база были весьма ограниченными. Но подспудный характер процесса, который проявился в нескольких его блестящих последних работах, посвященных Сталину и Султан-Галиеву, чувствовался уже тогда. Мир гражданской войны становился для него более объемным и переставал восприниматься только в красно-белых вариантах. Приведу только один пример. В августе 1918 года чехами в районе Сенного базара был расстрелян младший брат моей бабушки — Закир Саид-Заде, библиотекарь, приятель Тукая, написавший несколько пьес. Не будучи ни большевиком, ни революционером, он на свою беду был членом одной из комиссий, проводившей "уплотнение" байских особняков и заселение в них бедноты... И вот один из обиженных, увидев его на Екатерининской улице, заявил чешскому офицеру — "это один из самых крупных большевиков", его расстреляли там же в одном из дворов, а труп вместе с телами нескольких таких же бедолаг выставили на улице, запретив хоронить. Деду — известному учителю Галиасгару Сагитову — об этом сообщил, прибежав на 3-ю Гору, Ахмеджан Алмаев, его бывший ученик. Только после посещения Ильяс Алкина на дому было

разрешено забрать тело и предать его земле.. Но вот какое семейное предание. Дед рассказал домашним, что на квартире Алкина он увидел Исхака Казакова и двух других большевиков, которые ходили там совершенно свободно и общались с хозяином. Я задал Мидхату Каримовичу вопрос: — В книгах, в том числе и в его, говорится о том, что Алкин активно участвовал в организации репрессий. Как же объяснить то, что Казаков, дядя Вахитова и один из самых видных большевиков, скрывался в доме помощника особоуполномоченного? Могло ли быть такое? Не ошибся ли Г. Сагитов. После долгой паузы мой собеседник сказал: — "Могло!" И вообще с Алкиным Ильясом надо бы разобраться, ведь, добавил он — и Хаджи Габидуллина, будущего премьера Татарии — именно Ильяс вытащил из контрразведки"... Вот такой разговор состоялся где-то в середине 70-х.

В конце 80-х мне вместе с Д. Шарафутдиновым по поручению обкома КПСС пришлось ознакомиться с рядом дел Политбюро и КГБ в связи с предстоящей реабилитацией Султан-Галиева. Руководители республики М. Шаймиев, Р. Идиятуллин и ставший к этому времени секретарем ЦК Г. Усманов пошли на известный политический риск, стимулировав эту работу еще до решения комиссии А. Яковлева. С некоторыми фактами, вскрывшимися в этих делах, я поделился с М. К. Мухарямовым. Он отнесся к этому спокойно (были люди, ставшие обладателями степеней и званий на самом оголтелом разоблачении национал-уклонистов и реагировавшие на первые публикации о Султан-Галиеве, в частности, на статью И. Тагирова в "Казан утлары", весьма настороженно, если не сказать больше), заметив, что он и сам уже в течение двух лет заново анализирует события 1918—1919 гг. и видит, что "белых пятен" много, и одной реабилитацией пострадавших ограничиваться нельзя, надо анализировать глубинные процессы и не бояться пересмотра устоявшихся догм.

Мне пришлось слышать разные оценки последних статей и выступлений М. К. Мухарямова по истории национального вопроса. Думаю, что, будучи человеком высоко нравственным, он пришел к переоценке ряда положений, которые были "символом веры" нашего поколения, не сразу и непросто, но пришел. Уверен, что если бы не тяжелое заболевание, из-под его пера вышла бы великолепная книга — о путях исторической науки, ее заблуждениях и про-

зрениях в той ее части, где речь идет о такой тонкой материи, как национальная.

Говоря о здоровье, хочу сказать, что сама его жизнь с тяжелейшими последствиями ранения была ежедневным подвигом. Мое поколение никогда не забудет тяжелого, но уверенного подъема Мидхата Каримовича на самые крутые лестницы факультетов. Он был отзывчив и безотказен, особенно когда речь шла о людях, вступающих на научную стезю. Наверное, есть все же данные о числе людей, которым он дал путевку в науку в качестве руководителя, консультанта, оппонента, советчика, думаю, что оно не двухзначное.

Две последние встречи. Случилось немыслимое. В Казани — международная конференция, посвященная 100-летию Мирсаида Султан-Галиева, и затем торжественное заседание, на котором выступил Президент Татарстана Минтимер Шаймиев. Среди многочисленных писем и телеграмм по случаю юбилея запомнилась факсограмма Бен-Беллы — первого Президента Алжира и единственного среди живущих лидеров Востока — Героя Советского Союза. В ней было сказано: "Султан-Галиев — человек, которому многим обязана наша планета в XX веке". Одним из самых запомнившихся был и доклад Мидхата Каримовича — "М. Султан-Галиев о трех течениях политического развития татар". Но читал он его тяжело, невидимая тень рокового недуга уже легла, очевидно, на его состояние... Но доклад был прочитан до конца. Это был проспект нового исследования. А последняя встреча — разговор по телефону: работая в архиве КГБ (а он последние годы стал доступен для многих исследователей, только из тех, кого я знаю, не менее десяти человек знакомились с его материалами) в деле Бари Баттала я увидел документ, подтверждающий, что Ильяс Алкин и Бари Баттал укрывали Исхака Казакова от карателей... Вот так подтвердилось то, о чем говорил дед, и во что не верилось. Я позвонил Мухарямову и напомнил давний разговор... Он с юмором заметил — "не зря мы еще тогда "подозревали" Ильяса в том, что он "тайный большевик"! Я сказал, что задумал книгу "Сталин и татаро-башкирский узел" и хочу с ним посоветоваться. Но не суждено было этому сбыться. Таковы мои весьма отрывочные заметки о месте М. К. Мухарямова в моей жизни. Думаю, что будет написан о нем и большой очерк, и даже книга. Материалов его жизнь дает достаточно. Дело за исследователями.

ДЖОХАР ДУДАЕВ: УХОД В БЕССМЕРТИЕ ИЛИ НЕБЫТИЕ?

Наверное, не так уж много людей в Татарстане могут рассказать о личных впечатлениях от встреч с Джохаром Дудаевым. Я, например, читал только публикацию одного отставного полковника о том, как он вместе с Дудаевым отвинчивал какие-то гайки у атомной бомбы. Сюжет, конечно, крутой. Но могло быть и такое. А больше подобных случаев не знаю. Хотя желающие словесно приобщиться к чеченской трагедии и заработать политический капитал, поспекулировать на этом были и есть. Большинство из них с трудом находили Чечню на карте и путали Грозный с Гродно. Иногда это носило характер грязной политической провокации, мелкой, но от этого не менее дурно пахнущей. Помню, встретил на улице одного бывшего деятеля, шустрого приспособленца, который, захлебываясь от собственной "смелости", причитал: "Надо татар, молодежь посылать воевать к Дудаеву!" На мой вопрос, не начать ли ему этот благородный почин со своих сыновей, он, не задумываясь, ответил: "Заняты они очень, понимаешь!". Увы, таких провокаторов и мелких "стукачей", находящихся в полной безопасности и выполняющих, очевидно, заказ своих закулисных хозяев (а тем очень хочется представить Татарстан гнездом сепаратизма) немало, и не только у нас. Сказанное, разумеется, не относится к людям, честно оказывавшим гуманитарную помощь мирному населению Чечни, а их тоже немало! В том числе и в нашей республике.

При всем моем настороженном отношении к генералу Лебедю, я разделял приписываемый ему рецепт прекращения этой позорной войны. Он предлагал набрать полк или батальон из детей и внуков членов Правительства, депутатов и направить в Чечню. Или хотя бы подписать приказ об этом. Лебедь уверял, война была бы прекращена в 24 часа или раньше. И если эта война, как нас неоднократно убеждали Президент РФ и его воинственное окружение, спасает Россию, а Закавказье (включая Грузию, Армению и Азербайджан, которые якобы хотел подчинить себе Дудаев) и Северный Кавказ уж точно от поглощения чеченской империей, и поэтому вторжение в Чечню является справедливой и освободительной войной, то хочу напомнить следующее. Как бы мы ни

оценивали коммунистических деятелей сталинской поры, в одном они были нравственно безупречны: в годы войны их дети не прикрывались справками, не ошивались по тыловым гарнизонам, а находились там, где повелевал долг гражданина. У Сталина было моральное право призывать всех на защиту страны. Оба его сына, как и сыновья Микояна, Хрущева, Щербакова, Фрунзе, Луначарского, Ярославского и других руководителей воевали, включая и сына Берии Сергея. Многие из них погибли. Чего не скажешь о детях и внуках, зятях и свояках теперешних "слуг народа", усиленно раздувавших огонь чеченской войны. Да и сам Президент РФ в своем "общении" с народом долго кружил на достаточно далеком удалении от "горячих точек". Если что-то подобное случается в Америке, их президент немедленно летит в любую точку планеты, если уж не помочь военным советом, то хотя бы ободрить своих солдат. Не говорю уж о ритуале встречи людей, выполнивших свой долг перед США. Такая вот информация к размышлению...

Но вернемся к чеченским событиям и моим личным впечатлениям от встреч с Джохаром Дудаевым и Зелимханом Яндарбиевым. Я уже писал об этом (правда, частично — в статье "Чеченский синдром" и "Открытом письме Б. Ельцину", опубликованном в "Республике Татарстан" 1 января 1995 г.) под свежим впечатлением от трагического начала нового этапа "урегулирования" в Чечне. Кажется, "Письмо" довели до сведения Филатова, как я понял по звонку из Москвы, но не дальше.

В силу целого ряда причин, в том числе и слова, данного Дудаеву и Яндарбиеву, на ряде деталей и имен в тех публикациях я не останавливался, хотя ничего секретного в них не видел. Теперь обо всем можно рассказать подробнее.

Напомню некоторые детали моей поездки. Я получил официальное приглашение на международную научно-практическую конференцию "Народоубийство в СССР: идеология, политика и практика", посвященную А. Авторханову, за день до ее открытия, намеченного на 20 мая 1994 г. Политическая атмосфера вокруг Чеченской Республики все более сгущалась, пропагандистские залпы средств массовой информации, находившихся в услужении у Правительства, становились все более плотными и подстрекательскими. Подливал масла в огонь и конфликт между осетинами и ингушами, в

результате которого тысячи ингушских семей были изгнаны из своих домов. Мне передали, что руководитель оргкомитета конференции Зелимхан Яндарбиев, вице-президент республики, просил не пытаться ехать через Москву во избежание провокаций. Воздушные рейсы на Грозный оттуда были нерегулярны, и возили только "нужных" людей, к коим меня причислить было нельзя. Так я оказался на борту старенького, скрипящего от перегрузок ЯК-42, следовавшего рейсом Казань — Минводы. Рядом со мной сидели два милиционера-осетина, сопровождавшие автомашины с грузом в Казань и теперь возвращавшиеся во Владикавказ. Они оживленно обсуждали недавний конфликт, обвиняя во всем ингушей, расписывая их зверство и вероломство. На мою реплику, а как бы все это выглядело в передаче ингушской стороны, старший из них нехотя заметил: "Они бы все рассказали наоборот".

В аэропорту меня встретили два чеченца, и потрепанные "Жигули" с грозненским номером, взревев форсированным двигателем, помчались в сторону Грозного. Один из сопровождающих, работник аппарата президента Рамзан, коротко ввел меня в ситуацию. Дорога пройдет через несколько границ. Останавливаться нигде не будем. По машинам из Чечни нередко стреляют. На блокпостах проверяют тщательно, но в машине нет ничего компрометирующего. Особенно будут придираться на границе между Осетией и Ингушетией. По обоим сторонам дороги при приближении к границе с Ингушетией были видны разрушенные дома, воронки от взрыва снарядов и мин. Спутники рассказали о весьма оригинальном методе разрушения этих ингушских домов без обстрела и других бросающихся в глаза акций. В доме закрывают окна и двери, открывают газовые краны, и через 10—15 минут следует выстрел из ракетницы...

Граница между Ингушетией и Чечней была символической и никакой проверки не было.

Конференция открылась в 10 часов в президентском дворце. Мы приехали где-то около 14 и после десятиминутного приведения себя в порядок после дороги и чашки кофе в кабинете Яндарбиева, с Рамзаном спустились в зал. Меня пригласили за кулисы сцены, где познакомили с вышедшим из-за стола президиума Зелимханом Яндарбиевым. В конференции участвовали, кроме северокавказских ученых, пред-

ставители Москвы, Ленинграда, ряда зарубежных стран, в том числе США, Турции, Франции, Иордании. Среди них были также чеченцы и ингуши, занимавшие довольно заметное место в общественно-политической жизни этих стран. Особенно колоритна личность Мухамеда Шишани, одного из ведущих специалистов по электронике в США. Свои впечатления от конференции, реакцию участников на мое выступление об истории и современном положении Татарстана и другие компоненты этого интереснейшего форума, уникального по своей проблематике и откровенности, я изложил в книге "Страницы секретных архивов", к ней и отсылаю тех, кого это интересует.

Из наиболее впечатляющих политических акций, принятых на конференции, было осуждение Сталина, Берии и других участников и вдохновителей депортации народов Кавказа, а также презентация книги о трагедии села Хайбах, где 23 февраля 1944 года были расстреляны и сожжены более 700 стариков, женщин и детей, собранных из высокогорных аулов. Эту группу уничтожили, очевидно, потому, что истек срок, отпущенный на операцию, а вывезти их к месту погрузки из-за снежных заносов не успевали.

Непосредственно руководил этим зверством отец зятя Косыгина академика Гвишиани, получивший за проведение операции генеральское звание и орден.

В книге впервые опубликован секретный указ, подписанный Калининым, о награждении более 700 военнослужащих орденами и медалями за депортацию мирных жителей. Кстати, сам Берия и более десятка генералов госбезопасности получили за это ордена Суворова и Кутузова первой и второй степени. Указ был отменен в начале 60-х, но ордена и медали не отбирали. Возможно, кое-кто носит их до сих пор. Добавлю, что Сталин прислал личное поздравление всем участникам этой операции...

Все три дня на конференции присутствовал Джохар Дудаев. Он неоднократно выступал на заседаниях и высказал ряд весьма неординарных суждений. Передал и содержание своего недавнего разговора с Абдурахманом Авторхановым. Знаменитый политолог очень хотел приехать на эту посвященную ему конференцию, но сказались болезнь и преклонный возраст. В целом его выступления, равно как и выступле-

ния участников конференции, не носили антирусского характера, а были антиимперскими.

За четыре дня пребывания в Грозном и его окрестностях (участники конференции были размещены в профилактории нефтяников в живописном предгорье в 20 км от Грозного) у меня состоялись многочисленные встречи с представителями самых различных слоев общества — учеными, медиками, учителями, военными, рабочими. Многих интересовало положение дел в Татарстане, о котором ходили самые различные слухи. Особенно дотошно выясняли это живущие в Чечне татары, в основном работавшие в нефтяной отрасли. Говорил я и с теми, кто был в оппозиции к Дудаеву.

Но, наверное, самое яркое и запоминающееся — это встречи и беседы с Джохаром Дудаевым, Зелимханом Яндарбиевым и некоторыми их соратниками — Мавлади Удуговым и Эльзой Шариповой. И, конечно, посещение могилы Гамсахурдиа — он похоронен во дворе дома, где живет его семья.

О Дудаеве написано много и самого разного. Одним он представлялся чуть ли не исчадием ада, другим — светочем исламской демократии. Полагаю, что и то, и другое — преувеличение. Мои заметки тоже субъективны, и нужно, очевидно, время для того, чтобы оценить масштаб этой безусловно выдающейся личности и талантливого полководца. Один из моих знакомых, профессиональный военный, узнав о смерти генерала, в сердцах сказал: "Эти... политики оттолкнули от России талантливейшего человека. Он мог бы стать министром обороны, на голову выше теперешнего". Суждение, конечно, парадоксальное. Хотя в наше время все возможно — вон Дима чуть не стал генералом, а Лабазанов, читаем, уже полковник. Дудаев все-таки генерал настоящий.

Первое впечатление: во-военному собран, четок в формулировках, часто употребляет исламскую терминологию. Наверное, наложила отпечаток и профессия — пилот, а затем и командир дивизии стратегической авиации, в отсеках машин которой "мегатонны", способные стереть с лица земли целые государства. Отсюда, очевидно, и мысли о бренности человеческого, земного и вечности потустороннего. Во всяком случае, на мой вопрос — как себя чувствует человек, в руках которого кнопки "апокалипсиса", он сказал приблизительно так: "Моя дивизия могла бы превратить в "джахан-

нам" — ад — четверть Азии или же почти всю Европу", резонно добавив: "Если бы, конечно, дали долететь. Поэтому я часто задумывался над тем, что не может все зависеть только от воли человека". Кстати, он бывал в Казани, получая здесь боевую технику на авиационном заводе, когда был еще рядовым пилотом — командиром корабля. Об Афганистане почти не говорил, сказал только, что участвовал как летчик. Добавил, что России, оплакивавшей десятки тысяч погибших, надо бы одновременно помнить и о сотнях тысяч афганцев, павших от их рук. Впрочем, неуважение к противнику, отсутствие рыцарства свойственно русскому военному сознанию, — заметил он. Я пытался говорить о том, что вот Петр поднимал ведь бокал за своих "учителей" — шведских генералов, сначала бивших его, а потом потерпевших поражение. На что Дудаев ответил коротко: "Сравните воинские кладбища бывших противников в Германии и России. Только в России возможно мародерство в захоронениях и своих, и чужих..." И махнул рукой. Очевидно, сказанное было им выстрадано давно.

О Татарстане расспрашивал подробно. Интересовала личность Президента Шаймиева. На мое утверждение, что путь Татарстана делает возможным и конструктивные переговоры с Москвой для Чечни, подумав, сказал: "Думаю, что и наличие Чечни помогает Татарстану добиваться уступок". Я с ним согласился.

Дудаева после моего выступления заинтересовали некоторые детали исторических событий, связанных с созданием СССР и "ранжированием" республик. Он с большим вниманием прочитал стенограмму "Дела Султан-Галиева". Я сказал, что созданием Горской республики по поручению наркомнаца руководил тот же Султан-Галиев. Он стремился добиться для нее статуса Башкирии, получившей расширенные права, вплоть до возможности первоначально иметь небольшие воинские формирования, но Сталин отверг этот вариант и предложил следовать модели Татарии, принятой летом 1920 г. Дудаев, покачивая головой, заметил: "К тому времени поезд уже ушел". Дальше разговор шел об истории среднеазиатских республик, ставших союзными, а затем и суверенными. В 1920 году некоторые из них имели статус намного ниже, чем Горская республика (в ее составе была и Чечня). Запомнилась наполненная горечью дудаевская фраза: "У

некоторых лидеров Средней Азии — синдром союзности, они явно недоброжелательно относятся к стремлению дать равные права всем республикам!".

У меня создалось такое впечатление, что Д. Дудаев не ставит вопроса об отделении республики от России. Между Россией и Чечней не было еще "кровавого" водораздела. Во всяком случае, свобода маневра в то время, если бы шли переговоры, была. Условие ставилось одно: их должны вести первые лица, а не чиновники "в камуфляже". По их поводу Дудаев иронизировал: "У чиновников болезненная страсть к камуфляжу и регалиям, прямо как дети. Только вот игры затевают не детские".

По-моему, речь шла о каком-то серьезном расширении прав, возможно, даже несколько больше, чем у Татарстана. Впрочем, по Татарстану он заметил: "Вы, учитывая геополитическое положение республики, получили максимум возможного. Иначе можно было сорвать "резьбу" на переговорном механизме".

Разумеется, сказанное выше — это весьма отрывочные разговоры, ибо я не вел каких-то переговоров и полномочий на них не имел. Но обещал довести виденное и услышанное до сведения руководства своей республики.

В день окончания конференции ее участники были приглашены на концерт в здании Грозненского драматического театра. Присутствовала почти вся политическая элита Ичкерии. Начали с исполнения гимна Чечни, автором слов которого был Зелимхан Яндарбиев, поэтические сборники его пользовались популярностью еще задолго до того, как он занял высокий пост. В программе, кроме обычных музыкальных номеров и танцев, был отрывок из драмы времен кавказской войны. Артист, исполнявший роль Ермолова, монологом на фоне горящих аулов и толп беженцев, уходящих в скорбный путь изгнания, наэлектризовал зал. Я смотрел на лица окружающих — для них эта беда не только история... Ведь после Ермолова был еще Берия и проклятый февраль 1944 года. Мой сосед — один из лидеров объединения народов Северного Кавказа, прошептал: "Как хорошо, что мы теперь свободны и такое никогда не повторится!" Как наивны и близоруки все мы были тогда! После окончания концерта, уже на улице, люди долго не расходились. На ступеньках театра стоял Джохар Дудаев, окруженный желаю-

щими поговорить с ним... Я подошел попрощаться и поблагодарить за гостеприимство. Запомнились последние фразы: "Прочитайте книгу, которую я вам подарил, там сказано намного больше, чем написано... Пишите о нас правду, она очень нужна! Увидимся здесь ровно через год — на международном форуме "Возрождение Кавказа". И крепкое рукопожатие... Вот и все, что помню о Джохаре Мусаевиче Дудаеве.

Немного о Зелимхане Яндарбиеве. Если с Дудаевым мы беседовали отрывочно в кулуарах конференции, то с вице-президентом было несколько бесед общей сложностью более часа. Учитывая огромную, без преувеличения, занятость лидеров республики, я благодарен им обоим. На мой вопрос, не имеет ли его имя связи с знаменитым в прошлом абреком Зелимханом, он ответил: "Конечно. Мой прадед воевал вместе с ним". Яндарбиев пришел в политику из литературы, хорошо знает книжное дело — был начальником производственного отдела республиканского издательства. Он из плеяды молодых политиков, которые всерьез восприняли лозунги перестройки, гласности и демократии. В Чечне национальный ренессанс был особенно бурным. Память народа была изранена прошлыми несправедливостями — ермоловской кровавой кампанией, длившейся десятки лет, и бериевско-сталинским "блицкригом-депортацией". В Грозном снесли памятники колонизаторам и их пособникам. Неподалеку от президентского дворца был создан потрясающий по силе воздействия мемориал. В нем не было помпезных стел и многометровых скульптур. Со всех заброшенных или стертых с лица земли горных аулов были свезены и поставлены надмогильные камни родовых кладбищ. Скромные, но вопиющие о справедливости и возмездии следы прошлого... Не знаю, сохранились ли они сейчас или их настигли и в Грозном. А вот исторический архив республики уничтожен. Большого удара по памяти народа не придумаешь. Так же был уничтожен грузинами архив Абхазии. Знакомый почерк имперских сил — больших и малых. Недавно в печати печатал по поводу утраченных в Грозном квартирных богатств проживающий в Москве известный танцор Эсамбаев. Безнравственно это на фоне того, что потеряли рядовые граждане республики, ее аулов и городов. Поистине права по-

словица — "У каждого свои заботы, у кого похлебка жидкая, у кого жемчуг мелкий".

Вернемся к Яндарбиеву. Человек вдумчивый, без митинговой демагогии, хорошо знающий историю народа, и не только своего. При выступлениях сдержан и обстоятелен. Практически главный идеолог чеченского возрождения, хотя предпочитает держаться несколько в тени. В мае 1994-го пользовался огромным влиянием в обществе и доверием Дудаева. Меня не удивило его выдвижение на роль национального лидера после гибели Президента.

Скоро три года, как я был в Чечне. То, что произошло за это время, читатель знает, и нет надобности повторять все, что было сказано и друзьями, и недругами чеченского народа.

Полагаю, что события, произошедшие в последние два года во взаимоотношениях России и Чечни, по своей значимости, и не только для этих двух государств, являются поистине судьбоносными. Автору не хотелось бы изображать пророка — но лейтмотив всех его предыдущих выступлений по этой проблеме — надо вести переговоры с реальными политическими силами в Чечне, а не пытаться управлять ею с помощью марионеток, — оправдался. Судорожные движения угасающей империи дорого обошлись обоим народам. Дело не только в кровавом счете, который очень надолго останется в душах людей, не только в "цусимском" синдроме армии. У общества потеряны остатки веры в государственную необходимость содержания огромной армии и чистоту помыслов деятелей всех ветвей власти — от буйных "охотнорядцев" до президентских структур. Наверное, феномен Александра Лебедя заключается в первую очередь в том, что общество истосковалось по честному человеку.

Очевидно, это чувство определило и выбор многострадального чеченского народа, отдавшего свой голос Аслану Масхадову.

Автор не считает себя вправе что-либо менять в тексте. Все что написано — это мое видение событий в то время, когда он писался, и не больше. Единственное добавление. Все больше укрепляюсь во мнении — Джохар Дудаев — человек, который мог бы укрепить новую Россию... Это не только мое мнение, вынесенное из двух кратковременных, но весьма насыщенных бесед. Оно все более утверждается в об-

ществе. Но случилось то, что произошло. Думаю, что все эти жертвы не напрасны — они легли на алтарь прозрения и реального мышления, которым, надеюсь, будут обладать новые руководители России, — страны великой и могущей стать одним из лидеров человечества в XXI веке.

СЕМЬ ЛЕТ СУВЕРЕННОМУ ТАТАРСТАНУ: ПРИГЛАШЕНИЕ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

Видный русский философ консервативного направления Константин Леонтьев еще в конце прошлого века писал, что если Россию не минет поветрие коммунизма — это полбеды. Беда начнется, когда страна станет выходить из этого состояния. Можно, конечно, спорить об оценке самих идей коммунизма и социализма, но то, что посткоммунистический этап развития общества на территории бывшего СССР породил множество острейших проблем, нередко пахнущих пороком, это уж точно.

Одной из наиболее актуальных, если не самой актуальной, проблем стало определение места и роли разнородных национально-государственных образований на территории СНГ, и в первую очередь — на российском пространстве. Подходы тут самые различные: от романтически конфедеративных до формулы известного российского служивого "тащить и не пущать". Вспоминается разговор с покойным Джохаром Мусаевичем Дудаевым летом 1994 года, когда он, сожалея о гибели новоогаревской "хартии вольности", сетовал на то, что даже у ряда лидеров СНГ, страны которых на заре советской власти не имели статуса республик (а Чечня в то время была ведущей силой Горской республики), сейчас появился своеобразный "синдром союзности" и они, мягко говоря, не приветствуют уравнивание прав республик. Но особенно сильно негативная реакция проявилась в начале 90-х у многих влиятельных государственных и общественных лидеров России. "Единость и неделимость" в ее закостеневшем губернском варианте стала своего рода "священной коровой" для самых разных движений.

Наверное, это историческое счастье России, что в этом взбаломученном "коктейле" имперских и сепаратистских течений была выработана модель сравнительно бесконфликт-

ного и разумно-компромиссного решения острейших проблем создания суверенного государства нового типа. И в этом огромная заслуга Татарстана, его лидеров и тех политических деятелей России, которые пришли к выводу о бесперспективности — хотя бы в данном случае — узких рамок унитаризма. Полагаю, что этот драматический процесс и роль в нем как Президента Татарстана М. Шаймиева, так и Президента России Б. Ельцина и поддерживающих их политических сил, заслуживают специального изучения и анализа.

Одной из первых, а точнее — самой первой попыткой исторического научно-прогностического анализа татарстанской модели суверенитета и ее значения не только для России и СНГ, но и для всего мирового сообщества стала только что вышедшая монография известного политолога, доктора исторических наук Энгеля Тагирова, уже получившая высокую оценку ряда специалистов¹. В первую очередь следует отметить ее научную глубину и биение живой творческой мысли. Хотя книга и не балует читателя длинным хвостом всякого рода ссылок (иногда они просто прикрывают отсутствие собственных мыслей автора), но за каждым постулируемым положением просматривается тщательный анализ того, что уже было сделано до автора, независимо от того, согласен он или нет с этими положениями.

До перехода к анализу книги в целом хотелось бы подчеркнуть ее живой и доступный язык, отсутствие заумного наукообразия, что также нередко прикрывает скудость авторских мыслей.

Уже с первых страниц книги автор вводит нас в гущу споров и взаимоисключающих суждений по поводу судеб России и живущих в ее экономическом, политическом и культурном пространстве людей. В числе наиболее острых проблем, требующих не "академического" рассуждения, а реальных шагов, он называет инерционность некоторых мировоззренческих блоков и невозможность их экстраполяции на новый миропорядок, нерешенность ряда межконфессиональных проблем, и в первую очередь, дихотомии "христианство — ислам", невозможность создания унитарной модели постимперского развития России. Представляется особенно важ-

¹ Тагиров Э. Р. Татарстан: национально-государственные интересы. Казань. 1996.

ной мысль Э. Тагирова о том, что бесплодны разговоры о "выпадении" страны из общего потока цивилизации и необходимости использования чужих моделей развития. Эта идея сформулирована блестяще по форме и содержанию. "Россия — не хвостовой вагон постиндустриального экспресса". Думаю, что здесь автор — большой патриот России, чем толпы кормящихся вокруг этой идеи "охотнорядцев" (в прямом и переносном смысле). Но патриот России новой, которую предстоит еще создать, — России, имеющей гибкую структуру, обезвредившей многие политические мины замедленного действия, заложенные в ее структуру и до 17-го, и после. Весьма точную формулировку этого вектора нашел известный экономист, академик В. Пуляев, назвав ее образцом сочетания "демократически-прогрессивного национализма и интернационализма".

Весьма впечатляюще по научному содержанию глава, в которой дается методологический ключ к анализу проблемы. Сами названия ее частей — "Самоопределение — естественное право народов", "Суверенитет — сепаратизм или символ свободы?", "Ассиметричная федерация — императив времени", "Национализм — проклятие века или фактор развития?" и др. — вводят нас в круг тех проблем, которые одинаково волнуют и митинговые сообщества, и академические круги, не говоря уж о государственных структурах.

Выводы главы четки и охватывают множество судьбоносных явлений. Естественно, что значительная часть из них относится к судьбам татар, но не только. Главный вывод сформулирован в краткой фразе, завершающей главу, — демократия начинается там, где слышен голос меньшинства, и татарский вопрос в России (как и башкирский или якутский) неизбежно становится российским вопросом. В свое время Сталин в сердцах бросил: "Проклятый татаро-башкирский узел". Наверное, пришло время его "развязать" и делать это бережно и тщательно. Ибо ликвидация "гордиева узла" по античной технологии хороша только в мифе.

Для непредубежденного читателя весьма полезен принятый автором в начале следующей главы — "Кризис и контуры новой России" — своеобразный исторический экскурс. Из него видно, что идея решения национального вопроса постоянно присутствовала во всех проектах реформирования России. Например, в тех, которые связаны с имена-

ми М. Сперанского, П. Пестеля, Н. Муравьева и др. Однако даже небольшие "уступки" ради сохранения целого правящей элитой государства отвергались. Не дали его решения и внешне такие привлекательные лозунги, выдвинутые большевиками в годы революции. К сожалению, векселя, выданные в то время, когда судьба революции висела на волоске и в немалой степени зависела от позиции мусульманских регионов, не были оплачены. На то был ряд причин — и объективных, и субъективных. Не случайно Сталин в письме вождю революции указывал, что на окраинах страны сформировалась группа лидеров, "всерьез" воспринимающих национальную политику большевиков. Заметим от себя, что именно в этом политическая трагедия таких выдающихся лидеров мусульманских народов России, как Заки Валидов, Мирсайд Султан-Галиев, Мулланур Вахитов, Алихан Букейханов, Файзулла Ходжаев, Вели Ибраимов и др. Да и в наше время одна из главных причин трагической судьбы Джохара Дудаева — буквальное восприятие им лукавого лозунга "Берите суверенитета столько, сколько проглотите".

Раскрывая в этой главе драматические события, связанные с недавними татарстанско-российскими переговорами, автор избегает категоричности "гороскопов" и, высоко оценивая достигнутые соглашения, вместе с тем подчеркивает, что это только "вектор" продвижения и процесс, который пошел. Уместно звучит в конце главы комментарий к ответу Президента М. Ш. Шаймиева на утверждение известного телеведущего В. Познера о том, что переговорный процесс Казань — Москва закончился вничью, когда Президент, согласившись с оценкой, добавил, что ничья — это "пока". Э. Тагиров считает, что при любом толковании этого загадочного ответа он звучит как приглашение к дальнейшему диалогу. А это главное.

Очевидно, с применимостью "модели Татарстана" к решению ряда сложнейших этногосударственных мировых проблем связан постоянно возрастающий интерес к ней мирового сообщества. Выступление Президента М. Ш. Шаймиева в Гарварде — честь, которой до него был удостоен всего один деятель СССР, — было названо рядом влиятельных лидеров мира "событием конца века".

Завершающая глава, которая и дала название книге, обращена в будущее. В ней дано видение судеб бывших "ком-

понентов" СССР на территории России. Полагаю, что наиболее интересны доводы автора в пользу создания "асимметричных" отношений как реалий XXI века, который, как считает Э. Тагиров, станет временем "собирания камней", а не их разбрасывания.

Разумеется, в рамках рецензии невозможно передать все богатство мысли и неординарность аргументов автора. Но ясно одно — написана нестандартная работа, которая будет полезна всем — от молодежи до убежденных сединой и обогащенных опытом политиков. Эта книга — серьезный вклад в процесс формирования общественно-исторического мировоззрения граждан, чувства принадлежности к Республике Татарстан, а потому ей суждена долгая жизнь.

Не думаю, что нужно фиксировать внимание на недостатках книги. При желании можно найти редакционные неточности, отдельные сюжеты, требующие более развернутых аргументов. Однако явных просчетов или ошибок, влияющих на восприятие работы, не вижу. Во втором дополненном издании, — а оно, надеюсь, обязательно будет, и, надеюсь, на двух языках, — надо бы в качестве приложения опубликовать ряд судьбоносных для истории Татарстана и России документов прошлого и современности.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Время больших ожиданий и больших разочарований, распада империи и мучительного формирования новых федеративных структур имеет уже свою историю. И наверное чрезвычайно важно услышать голоса тех, кто в это сложнейшее время сумел провести свой народ по цивилизованному пути достижения согласия через переговоры и реализацию естественных прав человека на лучшую жизнь.

Безусловно, общепризнанным лидером именно такого подхода к формированию основных принципов цивилизованного государства стал Президент Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев. Наверно, поэтому к его голосу прислушивается мир. В этой связи позволю себе обратить внимание читателя на опубликованное в журнале "Панорама-форум", издающемся в Казани, выступление Президента РТ на международном форуме "Предупреждение смертоносных конфликтов: стратегия и институты".

Оно сформулировано четко и доступно: "Значение опыта Татарстана для предупреждения и урегулирования конфликтов". Полагаю, что безо всякого преувеличения можно говорить об этом, как о "модели преодоления конфликтов" президента Шаймиева" имеющей большое международное значение и уже используемой мировым сообществом при обсуждении путей преодоления конфликтов в ряде регионов планеты. Что же касается России, то полагаю, что к словам М. Шаймиева о том, что "Договор Российской Федерации с Татарстаном — благо не только для Татарстана. Это благо и для самой Российской Федерации", — присоединится каждый, кто хочет добра России. Не исключено, что именно Татарстан и его политика стали цивилизованной преградой на пути попыток восстановления империи, причем в худшем, чем после 1917 года, варианте. Что ожидало нас на этом пути, мы видели в Чечне.

Уверен, что при объективном подходе Нобелевская премия мира, присужденная человеку, внесшему огромный вклад в предотвращение кровавого распада гигантской страны, была бы признанием заслуг и М. Ш. Шаймиева, и тех прогрессивных сил, которые его поддержали.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	6
Екатерина II, Вольтер и татары	7
Поэт в Думе	13
Судьба правнука султана (Салимгарей Джантурин)	17
Исмагил-доктор	22
Галиаскар Сыртланов: адвокат и депутат	26
Гибель Мулланура Вахитова: ложь и правда	32
"Бакча-сарай" бабушки Хаят (татары возвращаются на Волгу)	37
Фатых Тухватуллин: судьба посланца Сталина	40
Митрополит Кирилл — последний арест	53
Ученик Эйнштейна в Казани	70
Катастрофа над Канашом	78
Учебник запретить... и сжечь	83
Приговоренные к смерти Гитлером и Сталиным (трагедия генералов Вальтера фон Зейдлица и Василия Гордова)	98
Мидхат Мухарямов: каким я его помню	104
Джохар Дудаев: уход в бессмертие или небытие?	113
Семь лет суверенному Татарстану: приглашение к размышлению	122
Вместо заключения	127

Булат Файзрахманович Султанбеков

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

(историко-публицистические очерки)

Редактор *Р. У. Амирханов*
Художественный редактор *Р. Г. Шамсутдинов*
Художник *Б. А. Чукомин*
Технический редактор *Ф. К. Кабирова*
Корректоры *А. Хамитова, Н. Максимова*

ИБ № 6756

Сдано в набор 9.04.97. Подписано в печать 9.07.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура "Тип-Таймс".
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,72+форз. 0,21+вкл. 1,0.
Усл. кр.-отт. 14,7. Уч.-изд. л. 6,96+форз. 0,35+вкл. 1,40.
Тираж 3000 экз. Заказ Ф-24.

Татарское книжное издательство. 420111. г. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфическо-производственное объединение им. К. Якуба
Министерства информации и печати Республики Татарстан.
420111. г. Казань, ул. Баумана, 19.

12-90

л 104/144
8/11-04

«ГЛУБОКОУВАЖАЕМЫЙ
ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ!...
ОСТОРОЖНО!

...БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ
СОВЕРШЕННЫХ ОШИБОК
СТОИТЕ ВЫ САМИ...»

А-Э. ВАКАЛОВ

A-3. ВАРНАКОВ

КРУПНЫЕ НАУЧНЫЕ
ОТКРЫТИЯ

Беседа с проф. Матисон

Научным работникам кафедры теоретической физики Казанского университета им. Ленина, изучающим вопросы математической физики, связанные с распространением волн в неевклидовых пространствах, и теорию относительности Эйнштейна, удалось сделать ряд крупных научных открытий. Проф. Матисон, руководителю кафедры, сообщил нашему сотруднику кафедры, соавтору этих открытий следующее: относительно

Нам удалось показать тесную связь между общей теорией относительности и теорией атомов. Связь эта осуществляется уравнениями динамики вытекающими из общей теории относительности и вызывающими влияние вращения на движение электрона.

ВСТОВОК

Строго-Секретно.

В кз. № 2

Школярное письмо ЦКРКП № 30

в отношении к религиозным организациям

...презлагает, чтобы организациям партии обратить самое серьезное внимание на массовые нарушения, допущенные некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к религии и к их культу.

Пятая программа говорит: необходимо заострить и избежать всякого оскорбления верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма. Революция должна опираться на активнейшую деятельность и пропаганду, полнейшее...

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, на собраниях с участием не верующих, а также в которых ведется систематический набор молодежи, часто практикующейся в религиозных местах, издавая листовки, плакаты, листовки, а также серьезные анализы и объяснения "неверия", а также массовых религиозных "предрасудков", которые являются систематическим инструментом пропаганды.

3) воспретить договор на верующих или посторонних лиц; а также, в случае необходимости, с участием не верующих помещений, административных и проч. помещений;

4) воспретить такую ликвидацию молитвенных помещений;

4) воспретить аресты "религиозного характера", поскольку при сдаче помещений "служителей религии" не в строгом соответствии с требованиями постановления.

б) разъяснить членам партии, что ВЦИК-а от 29/III—23 г.

б) разъяснить членам партии, что наш успех в деле укрепления религиозных обществ и верующих; при терпеливой и настойчивой работе на юридическом и организационном уровне, поскольку они не связаны с политическим характером, ответственности с

[illegible]

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и крайкомов лично. Однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших партийного наблюдения за тем, чтобы церковь и крайкомов религии в орудие контр-революции.

Секретарь ЦК И. СТАЛИН

